ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА

ВЫПУСК I

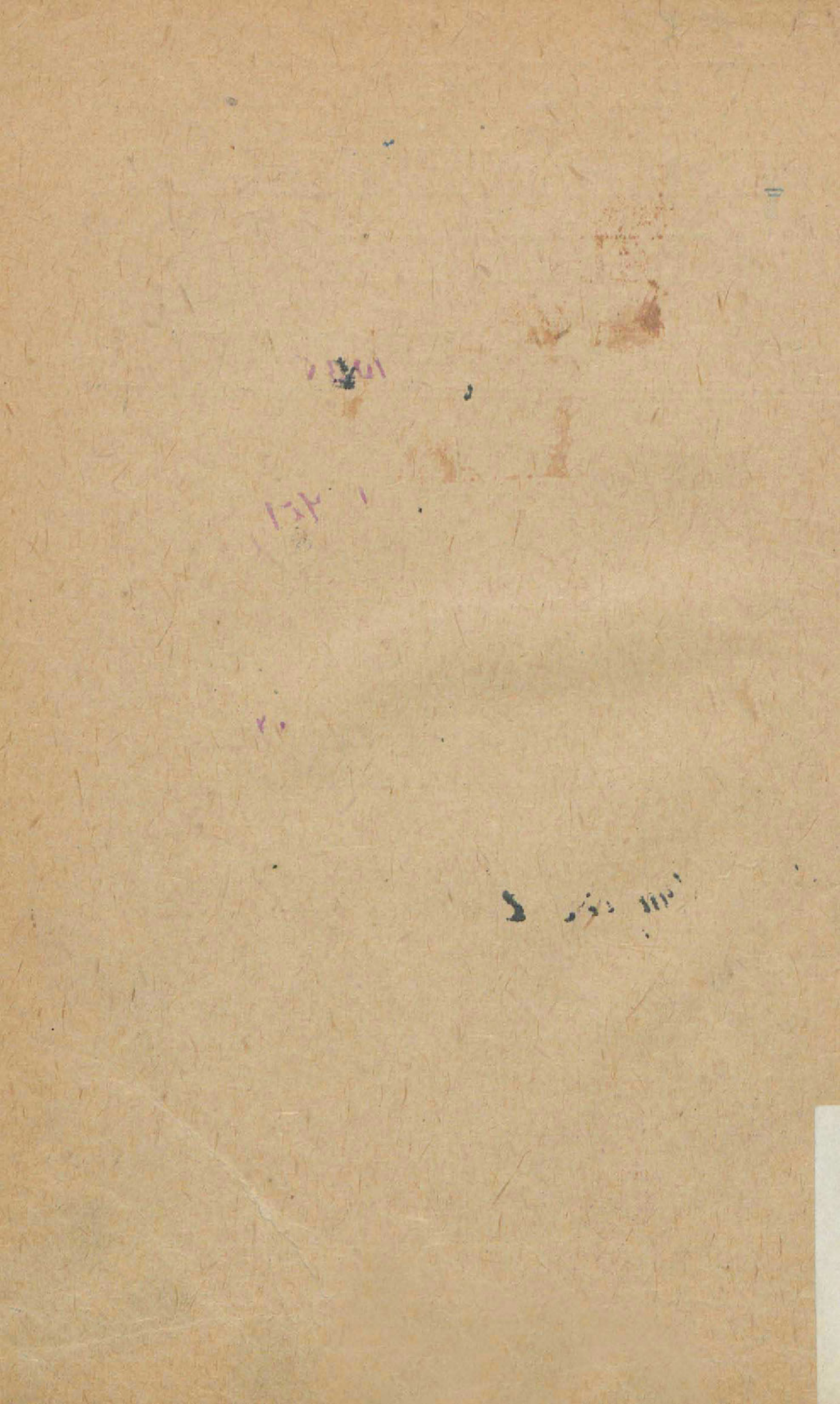
Prof. Sigmund FREUD

ЛЕКЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ

Перевод д-ра М. В. ВУЛЬФА

Предисловие проф. И. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1922

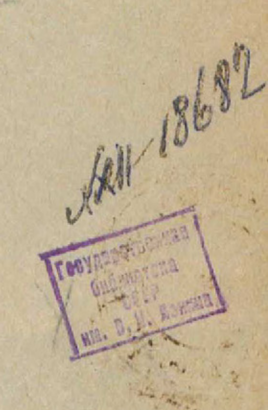

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Под редакцией профессора Ив. Дм. ЕРМАКОВА
Выпуск I

Prof. Sigmund FREUD

ЛЕКЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ПСИХОАНАЛИЗ

Перевод д-ра М. В. ВУЛЬФА
с предисловием проф. Ив. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО □ МОСКВА

Гиз. № 2868. (Р. Ц. Москва.) № 254. Напеч. 2.000 экз.

1-я Образц. тип. М. С. Н. Х. Москва, Пятницкая, 71.

Современная научная психологическая мысль едва ли может пройти мимо психоаналитического течения, которое с каждым днем завоевывает себе все новых и новых сторонников.

Это психоаналитическое «безумие», по терминологии противников психоанализа едва ли может быть так квалифицировано, особенно, если мы вспомним, что в числе охваченных безумием мы встречаем такие, не вызывающие споров в авторитетности. имена, таких серьезных ученых в области патопсихологии и психологии, какими являются профессора Bleuler, Jones, Putnam, Jung, Ellis и другие.

Сам отец психоанализа, Sigm. Freud, венский профессор, объясняет это враждебное отношение к новому учению тем, что его критики опираются и опирались до сих пор не на собственные наблюдения и исследования, но постоянно оперируют с его же, известными им из литературы, случаями, чем может быть, в крайнем случае, подорвана ценность изложения таких наблюдений, но не сами факты.

Целый ряд ученых, выступавших с критикой Freud'овского учения или выдвигали неуместный и недоказанный аргумент морального характера, как это было и с критиками Дарвина, или же утверждали, что те же явления можно было бы объяснить иначе; однако, как правильно заметил Bleuler, никто еще не попытался сделать это на самом деле.

Так или иначе, психоанализ, как определенное направление научной мысли, имеет все основания получить должное распространение и, конечно, языком фактов, а не разнообразными мнениями о нем или впечатлениями, он может быть опровергнут или принят.

Для того, чтобы правильно судить о самом учении, нам необходимо, хотя бы вкратце, познакомиться с научной физио-

номией Freud'а и с тем путем, идя по которому он пришел к своим заключениям, вылившимся и объединенным теперь в форме цельного, определенного учения.

Freud, ученик Charcot, начал свою научную деятельность в клинике великого невропатолога в то время, когда Charcot работал над вопросом об истерии. Это была эпоха блестящих и глубоких откровений, которыми в праве гордиться наука.

Шарко создал целую школу, плеяду выдающихся исследователей в области невропатологии и между ними Freud'у должно отвести не последнее место.

Под влиянием своего учителя Freud вместе с доктором Breuer'ом посвящает себя изучению истерии, этой загадочной болезни,и в 1895 году оба ученых выпускают совместный труд, который надо считать классическим по строгости мысли, по серьезности изложения и по ценности тех выводов, к каким привело это исследование.

Эта книга, к сожалению известная только специалистам, могла бы лучше всяких слов показать, с какой подготовкой умел подойти и изучать вопросы чрезвычайно запутанные и, казалось бы, неразрешимые молодой ученый.

В этой работе, как в зародыше, есть уже многое из того, из чего, развиваясь и укрепляясь на непосредственном наблюдении, раскроется затем учение Freud'а. Breuer не пошел дальше, некоторые исследователи возвращаются к исходному труду Freud'а, но сам исследователь не мог удовлетвориться этим первым, хотя бы и очень ценным своим трудом и продолжал работу.

С этого времени между Freud'ом и официальными представителями науки начали устанавливаться, все более и более оформляясь, отрицательные, даже враждебные отношения.

Пугающая новизна мыслей Freud'а, его неспособность итти на уступки и компромиссы делают его фигуру подобной тем, кто умирает, но не сдается.

В тесном кружке гонимых людей, взятых под подозрение, благодаря их совместной работе с Freud'ом, основатель психоанализа вместо того, чтобы вступать в активную борьбу, обратился к строго научной деятельности. Враждебная атмосфера, окружавшая кружок, имела, по словам Freud'а, ту хорошую сторону, что заставляла работников особенно внимательно и критически относиться к своей работе.

Здесь, в стороне от официальной университетской кафедры, в тиши лаборатории, Фрейд неутомимо разрабатывал и критиковал свой собственный метод, все более и более совершенствуя его и превращая его в надежное орудие научной мысли.

Такое отношение к своему методу остается у Freud'a и до сих пор, когда психоанализу уже не грозят опасности и в целом ряде больших центров и с официальных кафедр читается курс психоанализа.

Успех не остановил работы Freud'a и в своей последней статье снова, как когда-то давно, он опять призывает к тому, чтобы усовершенствовать психоаналитический метод и сделать его более доступным широкому кругу страдающих людей.

Freud смотрит на свой метод, как на один из научных методов, позволяющих нам найти доступ и изучать область так называемого бессознательного. Психоанализ и является учением о бессознательном, об огромной и важной области человеческого духа, в которую у нас нет до сих пор путей помимо учения Freud'a.

Бессознательное, разрабатываемое и изучаемое психоанализом есть область, из которой сознание совершенно исключено, другими словами явления, диктуемые нам бессознательным, ощущаются как совершенно чуждые нам, не связанные, не обусловленные нашим «я», как бы извне навязанные, в чем неповинно наше «я».

К таким явлениям относится все разнообразие навязчивых слов, мотивов, стремлений, которые, привязавшись к нам, никак не могут быть отогнаны, не подвластны нам и мы ждем с томительным чувством, когда они сами уйдут. Из того же бессознательного влияют на нас силы, заставляющие нас делать целый ряд ошибок, обмолвок, описок, вызывающие в нас специфическую рассеянность, забывчивость, пристрастие, раздражение.

Анализ вскрывает неизвестные нередко нам самим причины таких «симптомных действий» в аффективности нашего реагирования. Одной из существенных особенностей аффективных состояний является то, что они вызывают как бы расщепление сознания, появление целого ряда несвязанных между собою личностей в едином «я», другими словами,

аффект вызывает диссоциацию [1]), наиболее ярко проявляющуюся в состояниях истерической забывчивости, амнезии.

Благодаря этому забвению, как состоянию непроизвольному, называемому в психоанализе *вытеснением*, достигается устранение из области сознания путем подавления, диссоциации с сознанием мучительных, неприятных переживаний и таким образом нарушается целостность, единство сознания. Появляется новая сфера, неощутимая как личное, приобретающая громадное значение в нашей жизни и тем более недоступная нашему воздействию, что она нигде и ни при каких условиях не может уже быть осознанной, синтезированной с нашим «я».

Однако устраненное таким образом из области ясного сознания переживание тем самым не уничтожено, оно, как инородное тело—секвестр, не связанное с нашим «я», продолжает существовать и как не подвластное сознанию вмешивается и нарушает плавное и нормальное течение душевных процессов.

Мне пришлось, например, пережить неприятное, тягостное положение, из которого я вышел таким образом, что это положение предалось забвению и я от него освободился. Но это освобождение только кажущееся, так как, не смея сознаться себе в этом переживании, не введя его в синтез моего душевного богатства, я вызвал состояние расщепления моего сознания, я сделал его бедным.

Аффект вытесненного переживания не был мной пережит до конца, не был изжит, и в моей душе остались неиспользованные силы. Этот процесс в психоанализе носит название «ущемленного аффекта [2])»; аффект как бы ищет выхода из области бессознательного и присоединяется и находит свое косвенное выражение в каждом случае, имеющем хотя бы самую отдаленную связь или аналогию с бывшим переживанием. Такая связь бывает нередко столь косвенной и непонятной для постороннего наблюдателя, что совсем не кажется убедительной и тем не менее сам страдающий этими вытесненными переживаниями в своих реагировании и поведении обнаруживающих скрывшийся аффект, объективно

---

[1]) Первоначальный термин, замененный затем термином «вытеснение»
[2]) В сущности подвергшийся вытеснению.

указывает на эту связь, переживая при этом различные непонятные явления.

Бессознательное, таким образом, формируется из вытесненных из ясного сознания представлений и к нему, как казалось бы, у нас совершенно нет никакого доступа, тем более, что и психические процессы, имеющие место в этой области, отличаются своеобразными особенностями, вовсе неубедительными и недоказательными для нашего обычного сознания. При таких условиях может показаться доступ в область бессознательного для нас раз навсегда закрыт и у нас едва ли существует основание даже говорить о нем, как о какой-то реальноси.

Однако наблюдения Freud'а над истеричными показали, что то, чего они не помнят и не знают в ясном сознании, они вновь и вновь переживают в своеобразной форме во время своих припадков и так называемых сумеречных состояний. Если из их сознания выпали целые периоды их жизни, недоступные уже воспоминаниям, то они деятельно обнаруживаются во время припадков. Такие состояния являются наиболее яркими, убедительными выражениями тех процессов, которые в более слабой, не в столь болезненной форме можно наблюдать и у здоровых людей.

Истеричный, как утверждает Freud, страдает своими воспоминаниями.

Freud'у удалось показать, что таким сумеречным состояниям соответствуют те процессы, которые наблюдаются у здоровых людей в их сновидениях, и старое предположение, высказанное целым рядом выдающихся психопатологов о родстве состояний сна с болезненными явлениями в области психикп нашло свое научное подтверждение.

Freud последовательно переходит от изучения сумеречных состояний к проблеме сна и во сне, в сновидениях открывает широкий путь к бессознательному.

Ближайшее ознакомление с процессами сновидений обнаружило, во-первых, что мышление во сне отличается особенностями так называемого примитивного мышления, символического мышления, к которому нормальный человек обращается в жизни в исключительно редких случаях.

В художественном творчестве, в области религиозных и экстатических состояний, как и в области психоневротиче-

ских переживаний, обнаруживается наиболее ярко это символическое мышление.

При таком способе мышления символ знак является совершенно равноценным, адэкватным предмету, значком которого он является и нет никакого принципиального различия между тем и другим.

Если в практическом или логическом нашем мышлении знак—слово, есть не что иное как условное обозначение, облегчающее нам оперирование в окружающем мире, то во сне это овладение в мире сновидений дано нам прежде всего как непосредственное, желательное для нас овладение, а следовательно, бескритическое и полное.

Таким именно свойством обладает примитивное мышление ребенка и дикого человека, игнорирующих реальность и замещающих ее осуществлением своих желаний, этими же особенностями отличается наше мышление во сне, то же встречаем мы у психоневротиков в их симптомах болезни, потому что болезнь, психические расстройства у человека есть не что иное, как упрощение, возвращение назад к своему первоисточнику, но никогда не представляют собой какого-либо усложнения или дальнейшего развития психики. Эта особенность примитивного мышления у психоневротика и в нашем сновидении вызывает с нашей стороны определенное отношение к ним: сны, мы утверждаем не вдумываясь в них, «вздор», психоневротики и истерики говорят или делают глупости (см. 2-ую часть лекций).

Если практическое повседневное отношение к снам и к истерии может успокоиться на таком распознавании, не делающем ему чести, то наука, для которой нет ничего глупого или умного, должна все обратить в предмет своего исследования, тщательно наблюдать то, что для ненаучного, некритического ума так ясно и так просто разрешимо.

Наука, пользуясь психоанализом, стала изучать эти «глупости» и обнаружила в них много ценного и важного, такого, что проливает свет на очень многие явления, остававшиеся до сих пор загадочными или малозначительными.

Поскольку психоанализ исходит из этого примитивного, символического мышления, — он оперирует с такими явлениями, от которых точные науки и естествознание отклонялись, не удостоивая их внимания. Ведь, действительно,

явления, выражающиеся в форме символического мышления, требуют перевода своего на обычный язык понятий, при чем они теряют в этом процессе перевода столько, сколько, например, теряет художественное литературное произведение в простой безыскусственной передаче; при этом в сущности от первоначального произведения не остается ничего, кроме весьма незначительного содержания, вызывающего удивление перед тем, как такая фабула или сюжет могли вызвать в нас какое-либо переживание, таким оно представляется бледным и незначительным в передаче.

Вот почему и произведение искусства и символические продукции нужно воспринимать в той форме и в том виде, в каком они вылились, и с тем чувством, которое их сопровождало; при всех иных способах понять такие явления мы рискуем получить уже нечто новое, ничего общего не имеющее с тем, что мы изучаем или воспринимаем.

Эта особенность материала, изучаемого при психоанализе, вызывает к нему враждебное, недружелюбное отношение со стороны всех тех, кто заковывает явления в бездушные схемы; с другой стороны, затрудняет возможность передать его и всегда рождает сомнения в том, что процесс описан и истолкован правильно; для убедительности нужно самому все это видеть и наблюдать.

Эти трудности в передаче результатов, особенно самого процесса исследования, вызывают со стороны людей, фактически незнакомых с применением на практике психоанализа, естественное недоверие к нему.

Процесс, облегчающий нам доступ в область бессознательного, сложен; в двух словах его можно определить, как выявление «направленности», тенденции человеческого желания, о которых сам человек может или ничего или почти ничего не знать.

Наша сознаваемая направленность, избирательное отношение к окружающему, нами сознается обычно, как наш интерес, наше волевое напряжение, которое от времени до времени нарушается некоторыми процессами, уже не сознаваемыми нами, как наши личные и отмеченные особым характером—они вмешиваются, врываются в нашу жизнь.

Исходя из наблюдений над так называемым гипноидным состоянием, во время которого пациенты, свободно предоставленные себе, произносили слова и делали жесты,

совершенно не связывавшиеся с их бодрственным состоянием сознания, Freud предложил метод «свободных» ассоциаций, метод, сводящийся вкратце к тому, что человека просят сосредоточить свое внимание на том, что ему, помимо его воли, приходит, лезет в голову.

К таким мыслям, образам, обрывкам мыслей у нас, как правило, существует определенное отношение, не позволяющее нам при обыкновенных условиях на них сосредоточиться. Только разве тогда, если в голову приходит «счастливая» мысль, мы приемлем ее, как желанную и с удовольствием констатируем, что она *наша*, *нам* пришла в голову.

Исследуя такого рода свободно возникающие содержания сознания, мы обнаруживаем, что если они не всегда связываются с сознательной деятельностью человека, зато они непреложно говорят нам о таких его стремлениях, о существовании которых он, может быть, и не догадывается, и о тех путях, по которым тенденциозно текут и развиваются его мысли (желания).

Естественно, что при таком наблюдении может встать вопрос и явиться подозрение в том, что наблюдатель пристрастно не только объясняет такие мысли, но и как бы еще и вызывает желательные для него, тенденциозные проявления. Однако существует объективный способ убедиться в совершенно противоположном: эти незначительные, пустые мысли, «лезущие» в голову, на самом деле далеко не безразличны для того, к кому они приходят.

Доказательством этого могут служить факты, самые обычные в психоаналитической практике; это случается тогда, когда исследуемый в определенный момент, наконец, воспризнает не только эти мысли как свои, но, что гораздо важнее, поймет и тот символический смысл, который в них заключается или, лучше сказать, скрывается. Другими словами, за некоторым чуждым субъекту образом или иным содержанием вдруг раскрывается ему действительно бывшее с ним тягостное переживание.

Всякий, кому приходилось видеть, быть свидетелем такого явления, легко подтвердит, что психоаналитический метод свободно возникающих мыслей или образов действительно дает возможность человеку проникнуть в глубину собственного бессознательного, понять и пережить его.

При таком проникании в бессознательное мало помогают наши объяснения и все наши остроумные догадки, так как терапевтический эффект может наступить лишь в том случае, если сам больной узнает и, мало того, переживет, почувствует, что это—его мысли, узнает их снова.

Вот почему нет никаких оснований говорить в психоанализе о внушении, так как прежде всего внушение и внушаемость только мешают психоанализу и потому психоаналитик борется с суггестией, так как она закрывает дорогу к бессознательному для самого субъекта. Если внушение есть пассивное подчинение, то психоанализ, наоборот, требует активного участия в лечении самого больного.

Во время такой деятельности, воспризнав и вспомнив давно минувшие события жизни, исчезнувшие, как ему кажется, без следа, пациент вновь с прежней силой переживает свои воспоминания так, как если бы он снова был в тех же условиях жизни, в том же возрасте, в каком с ним это случилось впервые.

Нередко он, взрослый человек, ведет себя как ребенок, произносит детские слова, волнуется и горячится и потом сам удивляется этой неожиданной реакции, вполне правильно осознавая ее источник и ее причины.

Такие явления, самые рядовые в практике психоанализа, лучше всяких теорий и догадок подтверждают нам существование ущемленного аффекта [1]), показывая, что на протяжении целого ряда лет, иногда двух и трех десятков, этот ущемленный аффект сохранил и прежнюю свою силу и прежнее содержание.

Когда, таким образом, не только найдена в сознании, но и пережита в чувстве больного причина психических непорядков, то тем самым устраняется и следствие. Действительно, такое наблюдение представляется наиболее убедительным и удивительным в психоанализе и не может вызывать никаких сомнений.

Таким образом терапевтический результат, с одной стороны, явления переживания нередко остро и бурно протекающие, с другой,—являются наиболее доказательными процессами, подтверждающими и все снова и снова позволяющими

[1]) Вытеснение.

убедиться, что процессы, о которых мы до сих пор говорили, существуют не только в теории, но и на самом деле.

Люди, судящие о психоанализе, опираясь на опубликованные случаи, разводят руками и даются диву, не понимая, как могут такие, с их точки зрения вздорные, неубедительные аналогии, при этом еще как-то всегда дурно понятые, вызывать у больного какое-либо другое чувство, кроме самого законного недоумения и недоверия. И для того, чтобы найти какое-нибудь объяснение таким явлениям, приходят к заключению, что ведь дело идет, конечно, о безнадежно больных и понять их психику не дано здоровому человеку. Вот почему положения психоанализа, перенесенные на здорового человека, вызывают обычно самую бурную и неотвратимую оппозицию.

Оппозиция эта объясняется тем, что для того, чтобы правильно судить о психоанализе, нужно познакомиться с этой областью, о которой я уже упоминал, с областью символического мышления.

Конечно, в тех интеллектуальных процессах, которыми пользуется здоровый человек и которым он по праву придает исключительно важное значение, таких элементов, как правило, немного, но делать из этого заключение, что символическое мышление не имеет никакого значения в нашей жизни, было бы неправильным и поспешным.

Всякий из нас из личного опыта знает о тех состояниях рассеянности, во время которых нам в сознание врываются самые пустячные, иногда дикие мысли, которые мы нередко отказываемся признать своими. Тем не менее, конечно, не может быть сомнений, что они также принадлежат нам, как и те, которые мы признаем своими.

Это—действующие в нас, иной раз совершенно помимо, а нередко и против нашей воли, тенденции (я о них уже упоминал), ярко проявляющиеся в тех свойственных всем здоровым людям процессах, которые носят название действий, совершенных по ошибке. Этим явлениям Freud посвящает первую часть своих лекций.

Исходя из анализа таких явлений, Freud'у удается подвести слушателей совершенно естественно, не вводя их сразу в сферу патологических явлений, в область психоанализа.

На целом ряде случаев, искусно подобранных и остроумно и доказательно анализированных, раскрываются перед

нами закономерные действия со стороны неведомой нам области бессознательного.

Там, в этой недоступной нам области нашего мышления, в полной мере сохранились все те примитивные, суеверные, непонятные для трезвого сознания отношения к миру, в которых человек не хочет или не может себе самому сознаться.

Грубые эгоистические желания, фантастические возможности, удивившие нас, если бы они вдруг предстали перед нами,—спокойно, под прикрытием недоступности, пребывают и даже иной раз владеют нами и управляют нашими поступками.

И тем более мы в их власти, тем чаще оказываемся в их руках игрушкой, в руках наших же неизвестных нам влечений, чем меньше у нас сил и охоты их осознать, ввести их в синтез нашего сознания, нашего духовного богатства.

Психоанализ учит нас рассеивать мрак нашего незнания и овладевать этими управляющими нами грубыми силами. Однако для того, чтобы ими овладеть, их покорить, нужно научиться понимать их язык, понимать *значение*, *смысл* того, что они обнаруживают и показывают.

Всякое психологическое явление имеет свой смысл и значение и только узнав смысл его, можно надеяться овладеть и явлением. Смысл и значение таких явлений, однако, совсем иные, проходят другие пути, чем мы к этому привыкли, опираясь на привычки нашего сознательного мышления и поведения. То, что кажется убедительным и полным значения в нашем бессознательном, то может, и чаще всего и оказывается, совершенно неприемлемым для сознания, для *нашего* сознания, как нарушающее моральные, социальные или другие высшие наши стремления.

Таким образом выясняется, что наше бессознательное, как примитивное, архаическое мышление, согласно биогенетическому закону, представляющее собой первоначальный стадий мироотношений человека, находится в непримиримом противоречии и во вражде с теми культурными ограничениями личности, которые делают ее социальной единицей, участником в культурном строительстве человечества.

Отсюда следует, что те, у кого преобладает такое архаическое мышление, именно окажутся людьми наиболее анти или асоциальными.

Действительно, Freud'у удалось доказать, что мышление душевнобольных и невротиков, в большей или меньшей степени внеобщественных, отличается как раз такими чертами, которые сближают их с примитивными людьми.

Душевная болезнь, согласно такому воззрению, есть не что иное, как возвращение назад, к первоисточнику мироощущения, а не движение вперед. Таким образом выясняется, что все те болезни, особенно ясно это видно на половых извращениях, которые до сих пор представлялись в науке загадочными, непонятными, стали доступными пониманию и лечению, когда к ним подходишь с этой точки зрения.

Половой инстинкт играет основную роль во всех только что описанных процессах.

Все наше поведение, все наши проявления в основе своей имеют могучий инстинкт самосохранения, который в разрезе родового самосохранения называется половым инстинктом. Половой инстинкт и половое влечение и есть та энергия, тот primum movens, которым обусловливается в своем простейшем, первоначальном виде—в форме либидо, всяческое проявление человека. Родовой инстинкт, естественно, обладает громадным значением в жизни отдельного существа, и этот могучий фактор нашего развития, до сих пор, к сожалению, не привлекавший внимания исследователей и незаслуженно ими обходившийся, выдвигается психоанализом на первый план.

Подходя к изучению человеческой души с точки зрения ее динамики, Freud раскрывает перед нами половое влечение, как основную «динамис»-силу душевных движений. В этом пункте, самом существенном для всего психоанализа, Freud встречает наисильнейший отпор и оппозицию. Такое противодействие, как мы узнаем из лекций, вполне понятно, так как именно в этой области общество особенно уязвимо и не чувствует уверенности в прочности своего фундамента.

Ведь только благодаря подавлению половой свободы и регулированию половых отношений могло построиться и окрепнуть и общество и культура. Отказ от свободного вы-

явления и применения полового влечения по Freud'y знаменует переход от примитивного, чисто животного удовлетворения, самоудовлетворения, к новой деятельности, генетически связанной с половой, но уже направленной на цели общественные, моральные, творческие,—то, что называется сублимированием, т.-е. повышением плана выявления сексуального стремления (Лампрехт).

Противоположным этому культурноценному процессу сублимации является так называемая регрессия или возвращение назад к примитивному источнику сексуального стремления; эти явления наиболее ярко и доказательно раскрываются в тех проявлениях душевно-больных, когда их цинизм, эгоизм и распущенность достигают такой степени, которая невозможна у взрослого культурного человека.

Все эти эгоистические, грубые проявления не являются чем нибудь новым, чуждым, никогда не бывшим в опыте каждого человека, наоборот, они характерны для определенной стадии в развитии нашем, и Freud, уже в практике психоанализа все время убеждавшийся в громадном значении, какое имеют в деле происхождения психоневрозов детские переживания сексуального характера, обращается к изучению сексуальности ребенка. У ребенка Freud находит в зародыше все те проявления и притом как нормальные, физиологические, которые у взрослого мы привыкли оценивать, как половые извращения, как патологические явления. Если по отношению к ребенку можно применить термин «многообразно извращенный»,—полиморфноперверзный,—то такой термин у ребенка указывает нам, что у взрослого с задержанным развитием в определенной области наблюдаются те же перверзии, которые имеются в зародышевой форме уже у ребенка, как нормальное проявление его либидо.

Конечно, эти сексуальные проявления у ребенка носят совершенно иной характер, чем у взрослого, так как если взрослый по своему половому развитию должен находиться в той стадии, когда у него обнаруживается так называемая любовь к объекту, то ребенок по своей сущности, отмеченный стадией „автоэротизма“ или самоудовлетворения, такой объект находит в самом себе, в своих связанных с питанием и выделением функциях или в самой своей личности (нарцизм).

Половое у ребенка, конечно, имеет другое содержание, чем это наблюдается у взрослого, и сводится к чувственным, приятным ощущениям и переживаниям в связи с функционированием его органов или с разглядыванием себя.

Из этого видно, что термин сексуальное по Freud'у имеет более широкое значение по объему, чем это обычно вкладывают в понятие сексуального, и только за неимением другого, более подходящего термина Freud остановился на старом, придав ему расширенное значение.

Область детской сексуальности, ее громадное значение в деле воспитания и оздоровления человека не отрицается громадным большинством исследователей, и в то же время ни в какой другой области нет столько недосказанного, противоречий и крайних мнений, как именно в этом вопросе.

И в этой области Freud, оставаясь серьезным исследователем, меньше всего считается с предрассудками или с личностными усмотрениями. Величие проблемы, к которой можно и следует подойти только строго научно, дает ему возможность бесстрашно отклонить все нападки, которые больше всего направляются на эту сторону его учения.

Придя к заключению на основании изучения громадного материала наблюдений, что неправильности в развитии сексуального и являются главной причиной психоневрозов, выбивают человека из общества, делая его нетрудоспособным, асоциальным, Freud стремится выяснить, каким образом оздоровить, помочь таким больным. Этому важному вопросу посвящена третья и последняя часть лекций Freud'а.

Но, может быть, еще большей удачи и лучших результатов можно было бы достигнуть не лечением уже существующей болезни, а приняв меры к тому, чтобы она не могла развиться, предупреждая ее—в профилактике болезни? В этом смысле наблюдения Freud'а, умеющего совершенно безбоязненно говорить о явлениях так, как они открываются его смелому, точному и проницательному взору, могут дать очень много ценного.

Они научат нас прежде всего не эмотивно, а спокойно, исследовательски подходить к таким явлениям сексуальных проявлений у детей и у взрослых, которые до сих пор отпугивали и отпугивают многих решительных в других областях людей. Конечно, для того, чтобы говорить о таких

проявлениях, нужно прежде всего выработать в себе определенное, чистое отношение к вопросу, пусть на первом плане будет предмет нашего исследования, а не наше к нему отношение. Только там, где кончается наша личная заинтересованность, начинает формироваться и определяться объективное знание. К такому объективному знанию ведет нас психоанализ.

Из всех предрассудков, с которыми мы неустанно боремся и от которых мы постепенно освобождаемся, труднее всего бывает освободиться от предрассудков, связанных с половым вопросом; поскольку на пути такого освобождения стоит и мешает нам наша личная заинтересованность, постольку мы не сумеем подойти к вопросу о сексуальности в том смысле и масштабе, которые свойственны ему, как могучему, отличающему все живое от неживого стремлению. Неспособность именно так видеть и рассматривать половой инстинкт говорит нам о нашей ограниченности, *не-свободе*, узость нашего кругозора не позволяет нам быть настоящими, деятельными и полезными воспитателями молодого поколения в этой важной области.

Вот почему нашей ближайшей целью в смысле полового оздоровления детей и юношей будет прежде всего наше собственное освобождение от мешающей нам „не-свободы" в этом отношении и, рука об руку с новым эвгеническим направлением в биологии человека, оказывать помощь ближайшую, необходимейшую и, может быть, легче других осуществимую, людям, предотвращая в трудные, критические моменты развития их тяжелые травмы или давая им войти в синтез их духовной деятельности. Нередко мы сами, совершенно не сознавая этого, вредим молодому поколению и не в состоянии дать ему ясное и отчетливое понимание того, в чем сами не разбираемся—наша задача не подавлять или убегать от вопросов, которыми полна вся жизнь, по попытаться разрешить их, насколько это в состоянии сделать наука.

Правильное понимание значения сексуальности и роли ее в деле развития человека и его духовных ценностей позволит нам не раз убедиться в том, что при определенно выраженной творческой деятельности и проявлениях ребенка он одинаково легко может найти осуществление своего твор-

чества в двух имеющих совершенно различное объективно-общественное значение направлениях:—он создаст или имеющую только субъективную, только его удовлетворяющую, ведущую к возможному для него только компромиссному существованию свою болезнь или странность, или же, если удастся освободить его от себя самого, его творчество найдет свое выявление в создании объективных, нужных другим, ценностей, то-есть тех культурных, общественно значительных продуктов духовных достижений, которыми в праве гордиться человечество.

Если творческая деятельность действительно в плане нашей телесной сущности находит свое первое примитивнейшее обоснование и диктуется нашими сексуальными инстинктами, то перед биологом, психологом и педагогом раскрывается возможность изучать, понимать и воздействовать через эту сферу на высшие и самые ценные духовные продукции человека.

Профессор Ив. Ермаков.

Февраль 1922 г.

Предисловие.

Книга, которую я предлагаю вниманию читателя под названием „Введение в психоанализ“, совершенно не претендует на то, чтобы заменить уже существующие сочинения в этой области науки. (Pfister — „Die psychoanalytische Metode“. 1913; Leo Kaplan—„Grundzüge der Psychoanalyse“. 1914,; Régis et Hesnard — „La psychoanalyse des nevroses et des psychoses“. Paris, 1914; Adolph F. Meyer — „De Behandeling van Zenuwziaken door Psychoanalyse“. Amsterdam, 1915.)

Это — курс лекций, читанный мною в течение двух зимних семестров 1915—1916 и 1917 годах врачам и лицам обоего пола не специалистам.

Таким образом все особенности этого труда объясняются условиями его возникновения: в лекционной форме изложения, естественно, нет возможности сохранить беспристрастие научного трактата, так как перед лектором стоит определенная задача не утомить внимания слушателей при двухчасовой лекции. Для того, чтобы вызвать определенное цельное впечатление, были неизбежны повторения: приходилось затронуть один и тот же вопрос, например, первый раз в связи с толкованием сновидений, и затем вернуться к нему снова при обсуждении неврозов. Такой план изложения неизбежно вызвал своеобразную группировку материала, благодаря чему некоторые кардинальные вопросы, например, о бессознательном, не могли сразу получить исчерпывающего объяснения и к ним приходилось возвращаться повторно. Благодаря той же причине обсуждения некоторых вопросов иной раз прерываются до того момента, когда представится случай пополнить или осветить их.

Конечно, тот, кто знаком с психоаналитической лите-турой, немного найдет нового в моем „Введении“, д… работы в этом направлении могут дать то же самое и бо… и в более подробном виде.

В настоящем труде мне необходимо было ограничит… только полным и связным изложением психоанализа, поэ…му в некоторых отделах этой книги (при рассмотрении эт…логии страха, фантазий у истеричных) я использовал м…териал, до сих пор еще мною нигде не обнародованный.

Freud

Вена, весна 1917 г.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ.

Введение.

М. г.г. и М. г.г.! Мне совершенно неизвестно, насколько вы явились сюда подготовленными слушать курс психоанализа. Однако точное название моих бесед „Введение в элементы психоанализа“ рассчитано на такого слушателя, который еще решительно ничего не знает из этой области, и поэтому мне придется познакомить вас с самыми элементарными сведениями.

Вам известно, однако, думается мне, что психоанализ представляет собою один из методов лечения нервнобольных, поэтому я начну с ознакомления вас с тем, как ведется дело в этой области, так как практика психоанализа совершенно иная, чем в других областях медицины, и нередко противоречит обычным нашим представлениям. Действительно, всякий раз, как мы подвергаем больного какому-нибудь новому способу лечения, мы начинаем с того, что, насколько это достижимо, облегчаем возможность применения такого метода и гарантируем больному успешность лечения.

Думаю, что так именно и следует поступать: так, тем самым мы увеличиваем шансы на успех.

Совсем не то, когда мы приступаем к лечению невротика психоанализом, здесь нам приходится действовать совершенно иначе: мы указываем больному на трудность такого лечения, на его продолжительность, обращаем внимание на те усилия и жертвы, какие сопряжены с лечением, и в то же время мы не можем гарантировать успеха лечения, так как он зависит от поведения больного, от степени его понятливости, от его выдержки и от того, насколько он пойдет навстречу нашим мероприятиям. Из дальнейшего вам

станет ясно, что для такого, как может показаться, неправильного подхода к пациенту у нас имеются вполне серьезные основания.

Вы, конечно, не в праве обижаться на то, что мое отношение к вам вначале будет не иным, чем к такого рода невротику, и я вам не смогу пообещать ничего определенного, но ведь я вам и не посоветую продолжать ходить меня слушать. Вот почему мне придется непременно указать вам с самого начала на те недочеты в понимании психоанализа, какие связаны с его преподаванием, и на трудность в этой области выработки собственного отношения к нему.

Я должен вам указать и на то, что все ваше образование до сих пор и все навыки вашего мышления должны были сделать вас, без сомнения, противниками психоанализа и не мало труда придется вам затратить, чтобы преодолеть в себе неосознанный протест против него.

Я не могу обещать вам наперед, что благодаря моим лекциям вы овладеете психоанализом, но одно я знаю наверное, это то, что, прослушав мои лекции, вы не научитесь вести психоаналитических исследований и не сможете их применить на практике. Впрочем, если среди вас нашлись бы лица, которые не удовлетворились бы этим беглым знакомством с психоанализом, а захотели бы вступить с ним в прочную связь, то я им не только не посоветую это сделать, но всячески буду удерживать и предупреждать их от такого шага. Ведь тот, кто пожелал бы в наше время избрать себе подобную профессию, тем самым в корне потерял бы всякую возможность иметь успех в университете. Если же такой врач занялся бы практикой, то встретил бы недоверие и даже враждебное отношение в обществе, на него были бы направлены все темные силы, и если вы на минуту подумаете о свирепствующей в настоящее время в Европе войне, то, может быть, составите себе приблизительное представление о том, как многочисленны эти враги.

И тем не менее, несмотря на все это, существуют и такие люди, которых всякая новая истина непреоборимо влечет к себе, несмотря на все неприятности и опасности в жизни.

Если среди вас окажутся люди такого рода, и если вы, вопреки моим предупреждениям, снова явитесь в эту ауди-

торию, то я буду вас приветствовать. Но все равно, вы все имеете законное право узнать о том, каковы эти мной упомянутые затруднения, мешающие вам ознакомиться с психоанализом. Во-первых, укажу, как трудно преподавать психоанализ и обучить ему. Преподавание медицинских наук опирается на наглядный метод. Вам предъявляют анатомический препарат, вы видите осадки химических реакций, сокращение мышц при раздражении нерва, перед вами демонстрируют больного, дают возможность увидеть его, указывают на симптомы его болезни, знакомят с последствиями болезненных процессов, а в некоторых случаях показывают и самих возбудителей болезни в чистых культурах. Если дело идет о хирургическом случае, то и здесь вы присутствуете при хирургическом вмешательстве, видите, как оказывается пособие больному, и вам не возбраняется попробовать и самим кое-что выполнить. Даже при психиатрических демонстрациях вы можете сделать целый ряд ценных наблюдений над изменениями мимики у больного, удостовериться в расстройствах речи или поведения его: все это оставляет у слушателя неизгладимое впечатление. Роль преподавателя в медицине таким образом сводится к руководству зрителя, как бы осматривающего музей, в то время как он совершенно самостоятельно непосредственно знакомится с явлениями и сам убеждается в существовании определенных фактов в этой области. В психоанализе, к сожалению, дело обстоит совершенно иначе, так как при психоаналитическом лечении происходит один только словесный обмен, разговор между анализируемым и врачом, при чем больной высказывается, сообщает о своих переживаниях, жалуется, сознается в своих желаниях и чувствах, а врач слушает, старается направить определенным образом мысли больного, убеждает его, привлекает его внимание в известном смысле, дает ему разъяснения и наблюдает за всем поведением больного, реагирует ли он положительно или отрицательно.

Малокультурные родственники наших пациентов, которым импонируют только бьющие в глаза мероприятия, какие можно увидеть разве только на экране в кинематографе, не упустят случая усомниться в методе лечения. „Да разве это мыслимо помочь больному одними разговорами“. Понятно, такое возражение и недальновидно и непоследователь-

но, так как те же самые люди в другом случае вполне определенно заявляют, что больные только внушают себе свою болезнь.

Когда-то слово служило орудием колдовства, да и в настоящее время в слове сохранилось немало старой чудодейственной силы. Действительно, разве не при помощи одних только слов человек может осчастливить или, наоборот, ввергнуть в отчаяние другого? Разве, пользуясь словами учитель, не передает своих знаний ученикам? Разве слова оратора не увлекают слушателей и не заставляют их изменить взгляды? Слова вызывают сильные чувства и служат средством влияния одних людей на других. Вот почему мы не собираемся дискредитировать терапевтического значения слов в лечении невротиков. Что же делать, нам придется удовольствоваться тем, что мы услышим слова, которыми обмениваются психоаналитик и его больной.

Однако оказывается, что и это невозможно. Беседа, к которой сводится психоаналитическое лечение, совершенно не терпит постороннего слушателя, такую беседу, следовательно, нельзя показать. Если на лекции по психиатрии вполне возможно демонстрировать студентам и неврастеника или больного истерией, то такой больной расскажет нам при этом о своих страданиях, сообщит свои жалобы, но те признания, которые нужны при психоанализе, больной сделает только при условии особой привязанности к врачу, больной умолкнет тотчас же, как только почувствует присутствие хотя бы одного безразличного для него слушателя; ведь признания больного касаются самых интимных сторон его души, всего того, что ему, как определенной социальной личности, приходится скрывать от других, и в чем он, может быть, не захочет сознаться и самому себе.

Вот почему вам не придется лично познакомиться с психоаналитическим лечением, и вы принуждены будете довольствоваться тем, что узнаете буквально с чужих слов. Поэтому вам чрезвычайно трудно выработать свой собственный взгляд на психоанализ, так как вы вынуждены будете строить свои знания, основываясь на том доверии, которое вы питаете к своему преподавателю. Представьте себе теперь, что вы присутствуете не на психиатрической, а на исторической лекции, и вам читают о жизни и подвигах

Александра Македонского. Почему вы не сомневаетесь в истинности сообщаемых вам сведений? Ведь здесь с первого взгляда положение кажется еще более сомнительным, чем при психоанализе, так как профессор истории, подобно вам, конечно, не участвовал в походах Александра; психоаналитик по крайней мере может вам рассказать о том, что он сам видел. Однако, почему же вы верите историку? Он приводит вам ссылки из древних писателей, современников Александра, близких по времени к событиям этой эпохи, он сошлется на произведения Диодора, Плутарха, Арриана и др., он покажет вам снимки с монет и статуй Александра, фотографию с помпейской мозаики—битвы при Иссе. Ведь, строго говоря, все эти документы могут только доказать, что уже в то отдаленное время не было сомнений в личности Александра, не сомневались в реальности его подвигов, однако, и при всем этом ваше критическое отношение было бы здесь вполне уместно; оно подсказало бы вам недоверие к некоторым данным об Александре, указало бы на разногласие в целом ряде свидетельств, и все же я не могу допустить, чтобы вы ушли с лекции, усомнившись в реальности личности Александра Македонского. И тут перед вами возникнут два соображения—во-первых, то, что у лектора нет никаких оснований заставить вас верить в существование того, в чем он сам сомневается, и, во-вторых, то, что в исторических памятниках жизнь Александра излагается более или менее одинаково. Теперь, если бы вы сами занялись изучением этих исторических памятников, то, конечно, приняли бы во внимание и мотивы, влияющие на показание тех или иных историков, и стали бы исходить из свидетельств, между собою сходных.

Результаты вашего исследования наверное вполне успокоют вас, но они были бы совсем иными, если бы вы занялись такими историческими лицами, как Моисей или Нимврод. В дальнейшем изложении вы узнаете о том, каковы те сомнения, которые могут возникнуть у вас при знакомстве с психоанализом.

С вашей стороны теперь вполне законен вопрос: да как же можно изучить и убедиться в правоте психоанализа, если нет возможности привести объективных к тому доказательств? Вы правы, изучить его не легко и овладевших, как сле-

дует, психоанализом совсем уж не так много. Тем не менее существует определенный путь для его изучения, он приводит нас к изучению самих себя, к нашей собственной личности. Такое изучение не следует смешивать с самонаблюдением, хотя, если хотите, в крайнем случае и можно рассматривать психоанализ как один из видов самопознания.

Предметом изучения психоанализа на самом себе может послужить ряд очень распространенных и общеизвестных психических явлений, здесь приобретаем мы определенное убеждение в том, что процессы, изучаемые в психоанализе, существуют на самом деле, и убеждаемся в правильности их психоаналитического понимания. Однако такой путь, к сожалению, имеет пределы, за которые невозможно выйти. Мы можем только тогда рассчитывать на определенные результаты, когда психоанализ ведется опытным психоаналитиком, так как при этом испытываешь на самом себе действие психоанализа и в то же время можешь овладеть техническими приемами такого исследования. Изучать таким образом психоанализ можно, разумеется, только каждому отдельно, а не всем слушателям сразу.

Что же касается теперь другой причины, мешающей вам овладеть психоанализом, то вина в этом уже не в психоанализе, а в вас самих и объясняется вашей специальностью—медициной. Медицинские науки приучили вас постоянно, во всех явлениях болезни искать причины их в грубо-анатомических изменениях в организме, объяснять их химическими или физическими причинами и подходить к ним биологически, но как раз области душевной жизни, в которой находит свое завершение деятельность всего нашего удивительно сложного организма, вам совершенно не приходилось касаться. Психологический подход к явлениям вам чужд, вы привыкли относиться к нему с недоверием, не усматривать в нем ни тени научности, предоставив всю эту область в распоряжение поэтов, натурфилософов, мистиков и других дилетантов. Такая ограниченность вашего кругозора вредно отзывается на вашей медицинской деятельности, потому что больной может прежде всего раскрыться перед вами все-таки только со стороны своей душевной сущности, и существует серьезная опасность для вас, в наказание за ваше непонимание души человека, во многих случаях добиться

меньших результатов, чем это доступно знахарю, целителям силами природы и мистикам, которых вы презираете.

Мне хорошо известны причины, оправдывающие такой пробел в вашем образовании; вам нехватает философских знаний, которые могли бы помочь вам в вашей врачебной деятельности. К сожалению, однако, ни спекулятивная философия, ни описательная психология, или та психология, которая рассматривает физиологию чувств и называется экспериментальной в той форме, как они преподаются в школе, не могут дать вам ничего практически-нужного в вопросах взаимоотношений между душой и телом, они не дадут вам ключа для понимания разнообразных нарушений душевной деятельности. Хотя одна из медицинских наук, психиатрия, и занимается описанием душевных ненормальностей и группирует их в определенные клинические картины болезней, однако в часы откровенности психиатры сами не уверены в том, насколько их описания заслуживают названия науки.

Невыясненность происхождения симптомов болезни, из которых слагаются такие клинические единицы, увеличивает непонятность самих процессов и их взаимоотношений, с другой стороны, этим симптомам не соответствуют определенные изменения в мозгу, а если и существуют, то не могут объяснить нам происхождения их. Да и самый терапевтический эффект возможен при таких психических заболеваниях только в том случае, если удастся обнаружить проявление каких-либо побочных органических изменений.

Психоанализ пытается заполнить этот пробел в медицинских знаниях. Он предлагает психиатрии недостающее ей психологическое обоснование болезней, он надеется вскрыть ту общую всем болезням базу, исходя из которой можно будет понять корреляцию между психическими и соматическими расстройствами. Для этого психоанализ должен прежде всего откинуть все чуждые ему анатомические, химические или физиологические теории и оперировать исключительно с чисто психологическими понятиями. Вот почему, как мне думается, он покажется вам таким необычным.

Имеется еще одно препятствие, затрудняющее его понимание, но это не ваша вина, и я не могу обвинять ни вашу подготовку, ни предвзятость ваших мнений. Дело в

том, что психоанализ двумя основными своими положениями оскорбляет всякого человека и вызывает протест: первое из этих положений грешит против одного интеллектуального предрассудка, другое находится в противоречии с эстетически-моральным. Не следует, однако, относиться слишком легко к этим предрассудкам, ведь они являются могущественными залежами полезных и даже больше, необходимых богатств в развитии всего человечества, оба они опираются на нашу аффективность, а потому с ними нелегко бороться.

Первое коробящее утверждение психоанализа сводится к признанию того, что все душевные процессы по существу бессознательны и что сознательные процессы являются только, как отдельные проявления всей нашей душевной деятельности. Вы, конечно, припоминаете, что мы, наоборот, привыкли отожествлять всякое психическое явление с сознанием. Психический характер явления для нас определяется его сознательностью, по этому воззрению психология есть наука о содержании сознаний. Это отожествление психического с сознанием представляется нам таким законным, что всякое возражение против него кажется нам бессмысленным. Тем не менее психоанализ настаивает на своем и не может допустить такого отожествления сознания с психическим. Психоанализ, наоборот, утверждает, что психические процессы чувствования, мышления и желания могут проявляться в форме бессознательного мышления и бессознательного желания.

Такое утверждение сразу лишает его симпатии всех приверженцев трезвой научности и навлекает на него подозрение в принадлежности его к тем фантастическим, таинственным учениям, которые зарождаются во мраке суеверий и собираются удить рыбу в мутной воде. Но вам едва ли понятно, почему я считаю предрассудком такое отвлеченное понятие как „психическое есть сознательное". Может быть, вы уже догадываетесь, благодаря какому направлению ума можно притти к отрицанию бессознательного, если оно действительно существует и для чего понадобилось отрицание его. Вопрос о том, следует ли согласиться, что психическое тожественно с сознанием, или нужно расширить понятие психического за пределы сознания,—может показаться вам бессодержательным спором о словах, но позвольте уверить вас, что благодаря допущению существования бессознатель-

ных душевных процессов нам открывается возможность совершенно нового понимания явлений науки.

Едва ли вам приходит в голову, как это первое дерзкое утверждение, сделанное психоанализом, тесно связано со вторым, о чем я собираюсь вам сказать. Второе положение, добытое в результате исследований психоаналитического порядка, утверждает, что влечения, которые мы обозначаем термином сексуального характера в узком и широком смысле этого слова, играют необыкновенно важную и до сих пор еще никем в должной мере невыясненную роль, как причины нервных и душевных заболеваний. Скажу больше, эти же сексуальные влечения принимают участие в творчестве высших культурных, художественных и социальных ценностей человеческого духа, внося в нашу жизнь такие вклады, которые следует достойным образом оценить. Я убедился на опыте, что недружелюбное отношение к положениям психоаналитического учения вытекает из сопротивления, на которое оно натыкается. Не хотите ли узнать, как это объясняется? Мы думаем, что культура могла возникнуть благодаря необходимости при условии удовлетворения человеком своих влечений; такое культурное строительство общества продолжается и по сие время при том непременном условии, что каждый вновь вступающий в общество член, снова отказывается от удовлетворения своих личных влечений в пользу всего общества, приносит их в жертву. Среди целого ряда влечений, изменивших таким образом свое старое направление, первостепенную роль играют половые стремления: в этой новой своей роли они сублимируются, т.-е. порывают непосредственную связь с сексуальной целью и находят проявление в области социальной, теряя свой чисто половой характер. Такая психическая надстройка, однакоже, неустойчива, сексуальные влечения плохо подчиняются нашей воле, и всякому, кому предстоит принять участие в культурном строительстве общества, грозит определенная опасность: половые влечения такого человека могут не уступить этому превращению. И на самом деле, разве общество не убеждено в том, что культура его может больше всего пострадать от безудержного удовлетворения сексуальных влечений и от проявления их в самых грубых формах? Общество не терпит таких напоминаний о слабом месте, на котором оно построе-

но, в его интересах воспрепятствовать осознанию могущества сексуальных влечений и не разъяснять значения половой жизни; вот почему наше внимание из чисто воспитательных соображений постоянно отвлекают от всей области полового чувства. Именно потому общество нетерпимо к результатам, к которым приходит психоаналитическое учение, и психоанализ получил кличку учения в эстетическом отношении безобразного, презренного и опасного—в отношении моральном.

Вам понятно, конечно, что объективные результаты научной работы не могут ничуть пострадать от такого рода возражений; для того, чтобы можно было считаться с такого рода возражением, оно должно быть продуктом ума, а не чувства. К сожалению, человеческой природе свойственно считать все нежелательное заблуждением, а при таких условиях оказывается уже не трудным подыскать всегда и соответствующее возражение. Вот почему люди считают все неприятное заблуждением и отрицают истинность психоаналитических положений логическими и фактическими аргументами, диктуемыми, однако, всегда чувством, а не умом, и упорно продолжают держаться старых предрассудков, несмотря на все попытки их опровергнуть. Со своей стороны мы можем утверждать, что, устанавливая эти неприемлемые для общества положения, мы были совершенно свободны от какой-либо тенденциозности. Мы утверждали только такие положения, фактическое обоснование для которых мы почерпнули из нашей упорной работы.

Совершенно не касаясь вопроса о том, насколько те или иные положения науки могут быть опасными для общества, мы и теперь, как и раньше, безусловно отвергаем всякую возможность вмешательства в область научной работы какихлибо практических соображений.

Вот каковы те затруднения, которые мешают вам заниматься психоанализом. Это, может быть, достаточно для первого раза.

Если вы сумеете побороть в себе невыгодное впечатление от этой лекции, мы будем продолжать наше изложение.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ.

Ошибочные действия.

М. г.г. и М. г.г.! Мы начнем сегодня с исследований, а не с предположений. Мы изберем для этого очень часто встречающиеся, всем известные явления, до сих пор мало привлекавшие к себе внимание. При том эти явления не имеют ничего общего с болезнью и встречаются у всякого здорового человека. Такие явления носят название *ошибочных действий*, например, тот случай, когда вместо того, что собираются сказать, говорят совсем другое—называют *обмолвкой*, если же такое явление случается во время письма—*опиской*, во время чтения, когда читаешь не то, что написано—*очиткой*, если слышишь не то, что говорят—*ослышкой*, разумеется, если у данного лица нет органического поражения слуха. В основе другого ряда аналогичных явлений лежит *забывание*, когда на время ускользает из памяти какое-либо хорошо знакомое слово, которое не трудно затем узнать, или если забудешь выполнить какое-нибудь *намерение* и оно вспоминается только позже,—словом, это временное выпадение из памяти тех или иных явлений.

Третий ряд таких же явлений, в которых время уже не играет никакой роли, наблюдается при *затеривании*, когда засунешь куда-либо какую-нибудь вещь и потом не можешь никак найти или при аналогичной *потере вещей*. В этом случае наше отношение к затериванию совсем иное, чем к забываниям другого рода: оно нас и удивляет и огорчает, вместо того, чтобы мы находили это естественным. Сюда же мы отнесем наши *ошибки*, обнаруживающие на определенный промежуток времени наше неправильное отношение к тому или иному явлению, хотя и до и после них мы опреде-

ленно сознаемся в нашей оплошности. Таких ошибок очень много и для каждой из них у нас имеется определенное название.

Все эти ошибки обнаруживают внутреннее родство прежде всего в том, что все названия этих ошибок одинаково начинаются с предлога ver (по-русски о, например, оговорка Versprechen, описка—Verschreiben)[1]) и т. д., в сущности, эти ошибки не имеют никакого значения, так как они по большей части скоропреходящи и не угрожают нашей обыденной жизни. Иногда, впрочем, какая-нибудь из них неожиданно приобретает определенное значение, когда дело касается, например, потери практически нужных предметов, но, как правило, они нас очень мало беспокоят и мы обычно их совсем не замечаем. Именно на эти-то явления мне и хотелось бы обратить ваше внимание. На это, однако, вы с досадой можете мне возразить: на свете, как и в области нашей души, найдется не мало загадочных явлений; но ведь не мало чудесного, требующего своего изучения, и в области психопатологии, так что, право, уж очень странно тратить свое время и внимание и проявлять интерес к таким пустяковым явлениям. Вот, вместо этого, если бы вы могли разъяснить нам, как это происходит, что человек с нормальным зрением и слухом днем может слышать или видеть несуществующее на самом деле, или почему больному вдруг покажется, что самые близкие ему люди, до того самые дорогие ему, его преследуют, или как, опираясь на самые невероятные доказательства, человек высказывает бред совершенно бессмысленный даже в глазах ребенка,—если бы вы все это объяснили, то мы, конечно, не отказались бы признать известное значение за психоанализом; а если психоанализ способен заниматься только пустыми вопросами вроде того, почему оратор на торжественном заседании произносит вместо одного слова другое, или почему какая-то хозяйка куда-то засунула свои ключи, то—увольте, мы найдем более интересное и полезное дело.

Прошу запастись терпением, м. г.г. и м. г.г. Никак не могу согласиться с вашим возражением. Психоанализ действительно не может похвалиться тем, что он не занимался

---

[1]) Все, что находится в скобках, относится не к немецкому тексту, а составляет примечание переводчика.

мелочами. Наоборот, самые незначительные, скромные проявления, так сказать, отбросы из мира явлений, служат материалом, над которым работает психоанализ. Вам не следует, однако, смешивать, критикуя психоанализ, серьезность проблемы с тем, насколько она внешне бросается в глаза.

Да разве не случается сплошь да рядом, что великое проявляется в самом малом. Таких примеров можно было бы привести очень не мало. Как, например, немного нужно вам, молодым людям, для того, чтобы убедиться в расположении к вам какой-нибудь особы. Разве вы станете ждать объяснений в любви, бурных объятий?

Едва заметный другим брошенный на вас взгляд, беглое движение, какое-нибудь длительное рукопожатие, и уже нет места сомнению. Или возьмем другой пример: положим, что вам в роли должностного лица приходится произвести следствие по поводу убийства. Неужели вы думаете, что преступник оставит вам на месте преступления свою фотографическую карточку и свой адрес и разве не придется вам по необходимости удовлетвориться даже менее убедительными вещественными доказательствами для раскрытия личности преступника? Поэтому не будем относиться с пренебрежением к ничтожным признакам; весьма возможно, опираясь на них, мы раскроем что-нибудь более важное. Если я и соглашусь с вами, что великие проблемы науки должны нас интересовать прежде всего, то ведь решение взяться за изучение той или иной великой проблемы обыкновенно ни к чему не приводит, если не знаешь, как к ней приступить. При научных исследованиях солидных результатов можно достигнуть гораздо скорее, если обратишься к тому, что тебя окружает и что более доступно.

Если такое изучение ведется строго, без предубеждений, и если не ждешь заранее намеченных доказательств, то, при счастливых обстоятельствах, нам может открыться путь к изучению великих проблем, потому что единая связь объединяет весь мир явлений как малых, так и великих. После всех этих рассуждений, я думаю, вам уже не трудно будет остановиться на тех ничтожных ошибках, которые встречаются у здоровых людей. Мы начнем с того, что обратимся к человеку совсем незнакомому с психоанализом и спросим его, что он думает о происхождении этих явлений?

Прежде всего, вероятно, он нам ответит, что такие пустячные явления и не заслуживают никакого объяснения, это просто маленькая случайность. Но что же этим хотят сказать? То ли, что на свете происходят ничтожные явления, ускользающие из цепи мировой причинности, которые одинаково могут как случиться, так и не случиться? Да, но если кто-нибудь нарушает таким рассуждением естественный детерминизм мировых явлений, то все наше научное миросозерцание рушится в прах. В таком случае можно было бы поставить ему на вид, насколько последовательнее религиозное миросозерцание, убежденное в том, что без божьей воли и воробей не упадет с крыши. Таких выводов не сделает, конечно, ни один человек, он сейчас же внесет поправку и скажет, что при изучении таких явлений, естественно, найдутся для них объяснения.

Эти явления происходят вследствие ничтожных нарушений функций психической деятельности, на которые можно было бы указать, а именно, свободно владеющий речью человек может обмолвиться: 1) если он устал или ему нездоровится, 2) если он взволнован, 3) если он в это время занят чем-нибудь посторонним. И все это легко подтверждается. Действительно, обмолвки случаются нередко при усталости, при головной боли, или перед приступом мигрени; в таких же состояниях забываются и имена собственные, так что некоторые лица, как только замечают у себя забывание собственных имен, ждут приступа мигрени. Нередко и волнение вызывает расстройства памяти, путаешь слова, берешь в руки не то, что нужно, забываешь, что нужно сделать; но чаще всего ошибаешься при рассеянности, то-есть в том случае, когда думаешь совсем не о том, о чем надо. Примером такой рассеянности мог бы служить профессор из „Fliegende Blätter“, до того ушедший в свои мысли о книге, которую он собирается писать, что забывает свой зонтик и шляпу. Все мы знаем из собственного опыта о таких случаях, когда забудешь что-нибудь сделать, не исполнишь обещания, потому что нас захватило что-то другое.

Все это очень просто и не вызывает возражений, но совсем уж не так интересно, как мы думали. Однако приглядимся поближе к объяснению ошибочных действий.

Условия, выдвигаемые для объяснени этих явлений, совсем не одинакового происхождения. Если нездоровье и расстройство кровообращения в мозгу указывают на физиологическую причину забывания, то возбуждение, усталость, расстройство внимания—явления, обусловленные другими причинами, которые можно было бы назвать психофизиологическими. Все эти причины не трудно объединить в следующую теорию: как под влиянием утомления, так и вследствие рассеянности, а иногда и от общего возбуждения получается расщепление внимания, почему определенному действию уделяется слишком мало внимания; при этих условиях некоторые действия выполняются неправильно или неточно. К таким же результатам приводит легкое нездоровье или изменение притока крови к мозгу, так как эти состояния обусловливают тот же причинный момент—расщепление внимания.

Таким образом во всех вышеизложенных случаях все дело сводится к нарушению внимания вследствие органических или психических изменений.

Все это, однако, дает нам слишком немного для психоаналитического подхода к вопросу. При более детальном наблюдении мы приходим к убеждению, что далеко не все факты можно объяснить этой теорией расщепления внимания при ошибочных действиях, или по крайней мере не все они ею так просто объясняются.

Нам, действительно, известно, что ошибочные действия и забывания встречаются у совершенно нормальных людей, которые совсем не устали, не рассеянны и не взволнованы, разве что им вследствие того, что они ошиблись, задним числом припишут возбуждение, которого, однако, они сами, по их словам, не чувствовали. Да и нельзя же думать так упростить задачу, будто бы правильное выполнение какого-либо действия гарантируется напряженностью нашего внимания, и при понижении его такое выполнение затрудняется. Существует очень много действий совершенно автоматических, с очень незначительным участием внимания, и тем не менее они выполняются с большей уверенностью. На прогулке, даже если вовсе не думаешь, куда идешь, держишь правильное направление и останавливаешься там, где нужно; так это обычно и бывает. Опытный пианист попадает на соответствующие клавиши, вовсе об этом не думая;

конечно он может и ошибиться, но если бы автоматическая игра способствовала увеличению числа ошибок, то как раз виртуоз при его автоматической игре должен был бы ошибаться чаще всего. Мы наблюдаем, однако, как раз обратное, целый ряд действий лучше всего осуществляется особенно тогда, если мы на них не обращаем внимания, и мы чаще всего ошибаемся именно в том случае, когда требуется особая точность в действиях, и потому не может быть речи об отвлечении нашего внимания. В этом случае, если хотите, можно обвинять „волнение", но остается совершенно непонятным, почему это волнение, напротив, не усиливает нашего внимания в отношении того, что так хочется выполнить. Вряд ли таким образом возможно объяснить, исходя из психофизиологической теории или теории внимания, такие случаи, когда в разговоре или в речи, благодаря обмолвке, скажешь вдруг совершенно противоположное тому, что собирался сказать.

Но при ошибочных действиях можно наблюдать еще не мало второстепенных явлений, совершенно непонятных и необъяснимых с точки зрения указанных теорий. Например, когда забудется какое-нибудь слово, то чувствуешь досаду, хочешь во что бы то ни стало вспомнить его и никак не можешь отделаться от этого желания, почему же в таком состоянии навязчивого желания припомнить человеку так редко удается, при всем стремлении его, вспомнить это слово, которое, как он выражается, „вертится у него на языке", между тем он тотчас же его признает, если кто-нибудь другой ему подскажет его. Или как же объяснить те случаи, когда ошибочные действия растут, сплетаются одно с другим или заменяют друг друга?

В первый раз забыли о назначенном свидании, затем, когда были приняты все меры, чтобы не забыть дня, перепутывают час.

Иной раз хотят воспользоваться обходным путем для того, чтобы вспомнить забытое слово, но при этом оказывается забытым второе, которое могло бы помочь вспомнить первое. Стараются теперь припомнить уже второе слово, и вдруг ускользает из памяти третье и т. д.

То же явление наблюдается и при опечатках, которые мы рассматриваем, как ошибочные действия наборщика. Вот вам случай упорно повторявшейся опечатки: в одной социал-демократической газете,—в отчете об одном торжестве

было напечатано: „Среди присутствующих мы видели и его высочество корнпринца“ (вместо кронпринца, т.-е. наследника престола). В следующем номере редакция, извиняясь, делает попытку исправить опечатку: „Разумеется, нужно было написать кнорпринца“ [1]). В таких случаях не остается ничего сделать, как обвинить или сослаться на навождение, на злого духа наборного ящика и явления такого порядка, которые во всяком случае выходят за пределы психофизиологической теории опечатки.

Знаете ли вы, что можно, так сказать, спровоцировать обмолвку, т.-е. вызвать ее внушением? Рассказывают такой анекдот. Одному молодому человеку, новичку на сцене, была поручена „важная роль“ в „Орлеанской Деве“: он должен был доложить о том, что король приехал и что коннетабль отсылает обратно свой меч. Актер, игравший главную роль, зло подшутил над этим новичком: он подсказал молодому человеку на репетиции несколько раз вместо слов пьесы: —комфортабль отсылает назад свою лошадь“ (непереводимая игра слов: Pferd (лошадь) вместо Schwert (меч), и добился своего. Во время представления дебютант повторил шуточное донесение, хотя его усиленно предупреждали этого не делать, а, может быть, именно потому это так и случилось.

Такие особенности ошибочных действий, конечно, не могут быть объяснены теорией отвлечения внимания, но из этого вовсе не следует, что теория эта не верна. Ведь может статься, что ей чего-то недостает, ее следует дополнить, и тогда она станет вполне удовлетворительной. Но дело заключается в том, что ошибочные действия нужно рассматривать еще и совсем с другой стороны.

Начнем с обмолвки, так как она больше других ошибочных действий годится для наших целей, хотя, конечно, мы могли бы с таким же успехом рассмотреть описки или очитки. Теперь мы должны сознаться, что до сих пор мы задавали себе вопрос только о том, когда, при каких условиях получаются обмолвки и только на эти вопросы мы и получали ответ. Но можно задать и другой вопрос: а почему произошла именно такая обмолвка, а ни какая-либо иная? Обратим также внимание на то, к каким результатам

[1]) Непереводимая игра слов, делающая смешным благодаря искажению слово кронпринц.

приводят обмолвки. Вы видите, что до тех пор, пока мы не получим ответа на этот вопрос, пока мы не выясним, к чему ведут обмолвки, явление это останется для нас психологически случайным даже в том случае, если его можно было объяснить физиологически. Моя обмолвка могла бы выразиться в бесконечно разнообразных формах, я мог бы сказать вместо требуемого слова одно из тысячи других и благодаря этому могло бы получиться беспредельное множество искажений этого слова. Нужно ли думать, что обмолвка есть явление незакономерное, или же мне в каждом данном случае из всевозможных видов обмолвок навязывается только определенная, только данная, и можно ли надеяться получить хоть какой-нибудь определенный ответ на этот законный вопрос?

Meringer и Mayer (один—филолог, другой—психиатр) в 1895 году именно с этой стороны и пытались подойти к вопросу об обмолвке. Они собрали большой материал и сначала просто описали отдельные случаи. Если такое изучение не в силах полностью объяснить нам обмолвку, то по крайней мере оно укажет нам путь к пониманию ее. Meringer и Mayer отличают следующие виды искажения речи вследствие обмолвки: перемещение (Vertäuschungen), предзвучание (Vorklänge), отзвуки (Nachklänge), смешение (Vermengungen, Kontamnationen) и замещение (Ersetzungen, Substitutionen). Привожу вам примеры этих групп по указаниям авторов. Случай перемещения: Die Milo von Venus вместо die Venus von Milo (Милос из Венеры вместо Венеры из Милоса). Случай предзвучания: Es war mir auf der S c h w e s t... auf der Brust so schwer; пример отзвука: Ich fordere Sie a u f, a u f das Wohl unseres Chefs aufzustossen (предлагаю вам выпить за здоровье нашего шефа). Вместо anstossen (чокнуться) сказано aufstossen (отрыгнуть) под влиянием созвучия с двумя предыдущими a u f.

Однако такого рода обмолвки довольно редки, гораздо чаще наблюдаются случаи обмолвок благодаря уплотнению, сокращению и смещению; например, когда молодой человек заговаривает с дамой на улице следующим образом: Wenn Sie gestatten, mein Fräulein, möchte ich Sie gerne b e g l e i t-d i g e n (если вы разрешите, барышня, я бы вас проводил). В слове begleit-digen кроется кроме begleiten (проводить),

очевидно, еще и beleidigen (обидеть). (Этот молодой человек между прочим должно быть не имел успеха у этой дамы.) Как пример замещения Meringer и Mayer приводят такую обмолвку: Ich gebe die Präparate in den Briefkasten вместо Brütkasten (я ставлю препараты в почтовый ящик, вместо в термостат).

Попытка этих авторов выяснить на основании собранного материала сущность обмолвок не может считаться удачной. Они утверждают, что как гласные, так и согласные звуки слов имеют не одинаковую звуковую ценность и иннервация при произнесении более ценного момента может задерживающим образом действовать на иннервацию менее ценного. При этом оба автора ссылаются на сравнительно редкие случаи предзвучания и отзвуков. Что же касается самих результатов обмолвок, то такие звуковые предпочтения, если только они действительно существуют, не в силах нам ничего объяснить. Чаще всего при обмолвках вместо одного слова произносят другое, похожее на него, и такое сходство, как думает большинство, вполне удовлетворительно объясняет это явление. Например, в своей вступительной речи профессор заявляет: Ich bin nicht g e n e i g t (geeignet) die Verdienste meines sehr geschätzten Vorgängers zu würdigen (я не склонен, вместо неспособен, оценить заслуги моего уважаемого предшественника). Или другой профессор: Beim weiblichen Genitale hat man trotz vieler V e r s u c h u n g e n... Pardon: Versuche... (в женских гениталиях, несмотря на много искушений... виноват, попыток).

Но самой обыкновенной и в то же время самой поразительной формой обмолвки будет та, когда говорят как раз противоположное тому, что хотели сказать. При этом не может быть, конечно, и речи о звуковых отношениях слов или о влиянии сходных звуков один на другой, хотя здесь можно бы ссылаться на то, что крайности особенно близки между собой по своему смыслу, как ассоциации по контрасту. Мы можем привести исторические примеры такого рода. Председатель нашей законодательной палаты однажды открыл заседание словами: „Господа, я признаю наличие законного числа членов и потому объявляю заседание *закрытым*“.

Подобно ассоциациям по контрасту также предательски могут подвести и другие привычные ассоциации, которые

иной раз всплывают совсем некстати. Так, например, рассказывают, что на торжественном бракосочетании потомка Гельмгольтца с отпрыском рода знаменитого изобретателя и крупного промышленника Сименса физиолог DuBois-Reymond держал приветственную речь. Блестящее свое слово он закончил следующим образом: „Итак, да здравствует новая фирма Simens und Halske“.

Это, как вы знаете, название старой фирмы, и сопоставление этих двух имен для берлинца так же привычно, как для венца Riedel und Beutel.

Таким образом нам приходится присоединить к звуковым соотношениям и к словесному сходству еще и влияние словесных ассоциаций. Но и этим еще далеко не все исчерпывается. В целом ряде других обмолвок нам только тогда удастся найти объяснение, когда мы обратим внимание на то, что было сказано или что предполагалось сказать немного раньше. Итак, еще новый случай отзвука, похожий на случай Meringer'а, но еще более отдаленно связанный уже по смыслу. Однако после всех этих объяснений у меня складывается впечатление, что нам стало еще труднее понять обмолвки, чем это было в самом начале.

Я не ошибусь, если скажу вам, что благодаря всем этим исследованиям у нас теперь все же сложилось несколько иное впечатление об обмолвке, о чем, может быть, стоит поговорить. Мы познакомились с условиями, при которых происходят обмолвки, затем—с влияниями, благодаря которым получается то или иное искажение слова, но мы еще вовсе не приняли во внимание, какой эффект получается в результате обмолвки без всякого отношения к процессу ее образования. Если мы решимся и на последнее, то должны будем иметь мужество заявить, что в некоторых из вышеприведенных случаев и результат обмолвки имеет определенный смысл. Но что значит выражение: это имеет смысл? Это значит, что на результат обмолвки, может быть, следует смотреть, как на полноценный психический акт, преследующий известную цель и полный содержания и значения. Мы с вами все время говорим об ошибочных действиях, но иной раз может показаться, что такое действие на самом деле как будто вовсе не ошибка, а совершенно правильный поступок, только заменивший тот другой, которого ждали и предполагали.

Этот истинный смысл ошибочного действия иной раз кажется до того очевидным, что его нельзя не признать. Если председатель палаты депутатов закрывает заседание уже в первом своем слове, вместо того, чтобы открыть его, и если знаешь условия, при которых произошла эта обмолвка, то вдруг начинаешь понимать, что это ошибочное действие далеко не бессмысленно. Председатель, не ожидая для себя ничего хорошего от этого заседания, был бы рад закрыть его с самого начала. Указать на такой смысл, т.-е. истолковать эту обмолвку, нам совсем нетрудно. Или, например, если даже, как будто, вполне признавая таланты, другой заявляет: Diesen reizenden neuen Hut haben Sie sich wohl selbst aufgepatzt (эту прелестную шляпку вы должно быть сами так обезобразили—вместо aufgeputzt, т.-е. отделали?), то никакая наука в мире не помешает нам услышать в этой обмолвке выражение: Dieser Hut ist eine Patzerei (эта шляпа—бесвкусица). Или если очень энергичная дама рассказывает: „На вопрос моего мужа доктору, какой диэты ему придерживаться, доктор ответил, что он может есть и пить все, что *я хочу*“, то ведь в этой обмолвке выражена ясная и последовательная программа поведения этой дамы.

Милостивые государыни и милостивые государи, если бы обнаружилось, что не только в некоторых исключительных случаях обмолвки и других ошибочных действий есть определенный *смысл*, но что его можно уловить в громадном количестве случаев, то значение таких действий, о котором мы еще до сих пор не говорили, должно нас до крайности заинтересовать и с полным правом отодвинуть на задний план все другие точки зрения. Оставим поэтому в стороне все физиологические и психофизиологические процессы и займемся только психологическим исследованием смысла, т.-е. того значения и намерения, которые скрываются в этих явлениях. Поэтому приступим к рассмотрению более обширного материала для того, чтобы проверить истинность наших предположений. Однако, прежде чем мы приступим к этому, я просил бы вас последовать за мной по другому пути. Нередки случаи, когда драматург пользуется оговоркой или другим ошибочным действием, как средством художественного изображения. Такой факт показывает нам, что писатель, преднамеренно пользующийся обмолвкой, при-

дает ей определенный смысл. Конечно, нельзя понимать это так, чтобы писатель, случайно сделав описку, потом оставил бы ее в тексте, как обмолвку. Ведь писатель своей обмолвкой хочет нам что-то объяснить и нам следует вдуматься, какую цель он себе ставит; быть может, он собирается показать нам, что его герой рассеян, устал или, возможно, ждет приступа мигрени. Нам, конечно, не следует придавать слишком большого значения тому факту, что писателю вздумалось приписывать обмолвке определенный смысл. Возможно ведь, что обмолвка, сама по себе бессмысленное и случайное явление, может иметь смысл только в самых редких случаях, в руках же писателя получает определенное содержание и смысл в согласии с планом и потребностями литературного произведения. Но и в таком случае нас не удивило бы, если бы писатель рассказал нам об обмолвке гораздо больше, чем физиолог или психиатр.

Пример такой литературной обмолвки мы находим в трагедии „Wallenstein“ (Пикколомини, 1-й акт, 5-е явление). Макс Пикколомини в предыдущей сцене выступает в защиту герцога и восторженно говорит о благах мира, раскрывшихся перед ним, когда он сопровождал дочь Валленштейна в лагерь. Его отец и посланик двора Квестенберг в полном недоумении от его речей. А затем пятое явление развивается так:

Квестенберг. О, горе нам. Вот до чего дошло!
Друг, неужели в этом заблужденьи
Дадим ему уйти, не позовем
Сейчас назад, и здесь же не откроем
Ему глаза?

Октавио. Мне он открыл глаза
И то, что я увидел — не отрадно.
Квестенберг. Что ж это, друг?
Октавио. Будь проклята поездка!
Квестенберг. Как? Почему?
Октавио. Идемте! Должен я
Немедленно ход злополучный дела
Сам проследить, увидеть сам. Идем!

Квестенберг. Зачем? Куда? Да объясните!
Октавио. К ней!
Квестенберг. К ней?
Октавио. К герцогу. Идем.

(Перевод А. Толстого).

Октавио хотел сказать к нему, „к герцогу“, но ошибся и своей обмолвкой—к ней выдает нам причину, почему юный герцог так неожиданно стал мечтать о мире.

O. Rank указал нам еще более разительный пример у Шекспира, в трагедии его „Венецианский купец“, в той знаменитой сцене, когда счастливый возлюбленный собирается выбрать один из трех ящичков. Но, может быть, лучше всего я вам прочту всю эту выдержку из исследования Rank'a.

„Безусловно художественно тонко мотивированная и технически блестяще использованная обмолвка, подобно тому, как это отмечено Freud'ом в „Валленштейне“ („Психопатология обыденной жизни“, 2-е издание, 48 стр.) указывает нам, что не только поэтам, повидимому, известны механизм и смысл ошибочных действий, но такое знание предполагается и у зрителя. Такая обмолвка имеется в „Венецианском купце“ Шекспира (3-й акт, 2-е действие). Порция, которая по воле отца своего может выйти замуж только за того, кто вытянет счастливый жребий, до сих пор лишь благодаря счастливой случайности избавляется от немилых ее сердцу претендентов. Но Бассанио ей нравится, и она боится, чтобы и он не вытянул пустышку. Ей хочется сказать ему, что и в таком случае он не должен сомневаться в ее любви, но сказать это ей мешает данная отцу клятва. Вся во власти такой внутренней борьбы, она по воле поэта говорит Бассанио:

Порция. Я все прошу, повремените лучше,
и прежде, чем решиться, дайте дню
иль двум пройти: ведь если ошибетесь
вы в выборе — я потеряю вас.
Поэтому немного подождите.
И слышу что-то, только не любовь —
мне говорит, что я бы не хотела
вас потерять, и знаете вы сами,

Что ненависть не может подавать
такую мысль. Но для того, чтоб лучше
меня понять могли вы,—хоть язык
у девушек один: их мысль,—охотно
держала б вас я месяц или два
здесь у себя перед тем, как вы рискнули б
из-за меня. Могла бы я тогда вас научить,
вас научить, как выбрать то, что надо.
Но клятву тем нарушила бы я,
а этого я ни за что на свете
не сделаю. Итак, возможно, вам
не угадать. Но если так случится,
то грешное раскаянье в меня
вселите вы. Раскаянье, что клятву
нарушить я не захотела. Ах,
проклятие глазам, чудесно-вещим,
они меня околдовали всю
и на две половины разделили:
одна из них вам вся принадлежит,
другая вам... „мне“ я сказать хотела,
но если мне, то также вам,—итак,
вам все принадлежит. О, злая...

(Перевод Вейнберга).

Шекспир с удивительным психологическим проникновением заставляет ее посредством обмолвки сказать то, о чем она собиралась только намекнуть Октавио, так как ей нельзя было открыть, что уже до исхода выборов она вся его и любит его одного. Таким искусным приемом автору удается вывести влюбленных из состояния мучительной неизвестности и разрешить напряженное ожидание зрителей, намекая на исход выбора.

Обратите внимание на то, как находчиво Порция примиряет получившееся благодаря ее обмолвке противоречие, как она устраняет это противоречие и, в конце концов, подтверждает смысл обмолвки:

Одна из них вам вся принадлежит,
Другая вам... „мне“ я сказать хотела,
Но если мне, то также вам—итак...

Один философ не-медик совершенно случайно раскрывает в одном своем замечании смысл ошибочных действий и тем самым избавляет нас от необходимости еще раз их разъяснить. Вы, конечно, слышали о великом сатирике Lichtenberg'е.

О нем Гете сказал: „Там, где у него шутка, скрывается целая проблема. Но случается и так, что шутка объясняет и разрешает проблему“. В своих остроумных сатирических заметках Lichtenberg пишет: „Он с таким увлечением зачитывался Гомером, что читал „Агамемнон“ вместо angenommen (принятый). Вот настоящая теория очитки.

В следующий раз рассмотрим, не сможем ли мы в понимании ошибочных действий итти рука об руку с писателями.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ.

Ошибочные действия.

М. г.г. и м. г.г.! В прошлый раз нам пришла в голову мысль изучать ошибочные действия сами по себе, а не по отношению к тем преднамеренным поступкам, которые из-за них были нарушены, при чем у нас получилось впечатление, будто в отдельных случаях такие ошибки имеют какой-то смысл. Если бы наше впечатление подтвердилось в большом числе случаев, то смысл этот заинтересовал бы нас больше, чем условия, при которых возникают ошибочные действия.

Нам надо, однако, условиться, как понимать слово „смысл" какого-нибудь психического процесса. „Смыслом" мы называем цель, к которой стремится такое явление и его взаимоотношение с другими психическими процессами. В большинстве случаев слово смысл при наших исследованиях можно заменить словом намерение, тенденция. И теперь возникает вопрос: что же это было—самообманом или поэтической вольностью с нашей стороны, когда мы увидели в ошибочных действиях определенное намерение?

Остановимся на обмолвке и присмотримся внимательно к большому числу таких случаев. Здесь нам встречается ряд случаев, в которых наличность намерения, смысла обмолвки не внушает никакого сомнения. Это касается особенно тех обмолвок, в которых вместо одного получается прямо противоположный смысл. Когда президент парламента при открытии заседания говорит: „объявляю заседание *закрытым*", то это, конечно, имеет только один смысл, а именно, что ему хочется закрыть заседание. По этому поводу можно было бы

сказать: „Да ведь это его собственные слова! Нам остается теперь поймать его на слове“. Не возражайте мне, что нельзя придавать его словам такой смысл, что мы ведь прекрасно знаем, что он хотел, наоборот, открыть заседание, а не закрыть, и что сам он это подтвердит, а ведь, по вашим же словам, он является последней инстанцией в этом споре. Вспомните, однако, что мы условились с вами рассматривать само по себе ошибочное действие, об отношении же его к намерению говорящего, которому оно противоречит, мы скажем потом. Иначе мы совершим логическую ошибку, просто отстранив всю проблему, то, что англичане называют „begging the question“.

Если в некоторых случаях обмолвки и нет открытого противоположного утверждения, то все-таки в ней может обнаружиться противоположный смысл. „Ich bin nicht g e n e i g t die Verdienste meines Vorgängers zu würdigen“. „Geneigt“ не является противоположением „geignet“, однако это явное признание совершенно противоречит той обстановке, в которой говорит оратор.

Существуют еще и другие случаи, когда благодаря обмолвке речь приобретает двоякий смысл. Все предложение в таком случае звучит, как скомканное уплотнение, точно получившееся из нескольких предложений. Таков пример с решительной дамой: „мой муж может есть и пить все, что я х о ч у“. Словно бы ей хотелось сказать: Он может есть и пить все, что хочет, но разве он смеет чего-нибудь хотеть? Не он, а я хочу. Нередко обмолвки производят впечатление таких сокращений, например, в случае профессора анатомии. После лекции о носовой полости профессор спрашивает своих слушателей, поняли ли они его объяснения, и, получив утвердительный ответ, прибавляет: „Сомневаюсь, потому что даже в городе с миллионным населением лиц, представляющих себе анатомию носовой полости, можно сосчитать на о д н о м пальце, виноват,—по пальцам одной руки“. В данном случае эта скомканная речь имеет определенный смысл: единственный человек это и понимает.

Этому роду случаев, в которых смысл открывается нам в самом ошибочном действии, можно противопоставить другие; в них обмолвки не имеют никакого явного смысла, и таким образом этот род обмолвок как бы самым решительным об-

разом противоречит высказанному нами выше предположению, что обмолвки имеют определенный смысл. Нередко случается, что вследствие обмолвки коверкается собственное имя или произносится бессмысленный ряд звуков, и эти случаи как будто бы дают уже вполне определенный отрицательный ответ на вопрос о том, насколько бессмысленны ошибочные действия. Однако, при ближайшем анализе таких случаев обнаруживается возможность понять и эти искажения слов, и даже больше, оказывается, что нет никакой принципиальной разницы между этими загадочными и прежними, более ясными случаями обмолвок.

Один господин, которого спросили о здоровьи его лошади, ответил: Ja, draut (да, это драут) das dauert vielleicht noch einen Monat (это продлится, вероятно, еще месяц). На вопрос о том, что он хотел, собственно, сказать этим, он, подумав, ответил: Das sei eine traurige Geschichte (это печальная (трауриге) история), и из столкновения двух слов траури и дауэрт (печальная и продлится) получилось „драут“ (Meringer и Mayer).

В другом случае речь идет о происшествии, которое рассказчик осуждает: Dann aber sind Tatsachen zum Vorschwein gekommen (тогда обнаружились факты). На дополнительный вопрос получается ответ, что было желание назвать эти происшествия свинством—Schweinereien. „Форшайн“ и „Швайнерай“ составили вместе „форшвайн“ (М. и М.).

Припомните молодого человека, который хотел begleitigen незнакомую даму. Мы взяли на себя смелость разложить это слово на begleiten (проводить) и beleidigen (оскорбить) и были уверены в правильности нашего толкования, не требуя подтверждения его. Вам ясно из этих примеров, что и такие темные случаи обмолвок можно объяснить столкновением, интерференцией двух различных желаний. Разница между теми и другими случаями объясняется тем, что в первом одно намерение заменяется другим (субституируется) при обмолвках с противоположным значением,—между тем как во втором случае она проявляется в извращении или модификации слов и таким образом получаются комбинации сами по себе более или менее осмысленные.

Теперь, кажется, мы разгадали тайну большинства обмолвок, и если мы будем придерживаться нашего взгляда на них, нам удастся понять еще и другие, до сих пор оставшиеся загадкой. Едва ли, например, когда дело идет о коверкании имен, можно предположить конкуренцию двух сходных и в то же время различных имен. Однако не так уже трудно понять мешающую правильному произношению тенденцию. Коверканье имен происходит нередко и безо всяких обмолвок, оно стремится сделать имя неблагозвучным, или похожим по созвучию с чем-то унизительным, то-есть представляет собой известного рода оскорбление, от которого культурный человек, если и не всегда охотно, то все же уклоняется. Он может позволить себе такое оскорбление только в виде шутки, конечно, не очень высокого достоинства. Чтоб привести резкий и отвратительный пример такого коверканья, я напомню вам, как в настоящее время имя президента французской республики переделали из Poincaré в „Швайнкарре". Нетрудно допустить, что и при обмолвке имеется такое же оскорбительное желание, какое проявляется при намеренном коверканьи имен. Подобное объяснение напрашивается само собой, особенно в случаях обмолвок с комическим или абсурдным эффектом. „Ich fordere Sie auf auf das Wohl unseres Chefs aufzustossen". Торжественное настроение неожиданно нарушается словом, возбуждающим неаппетитное представление. Исходя из случая бранных и насмешливых речей, мы едва ли можем здесь не принять прорвавшееся намерение протестовать против этого показного почтения, приблизительно в таких выражениях: не верьте этому, это не всерьез, наплевать мне на этого парня, и т. п. То же самое значение можно открыть в стремлении превращать безобидные слова в неприличные, цинические, например, Apopos вместо apropos, Eischeissweibchen вместо Eiweissscheibchen (M. и M.).

Мы знаем многих людей, которые удовольствия ради коверкают безобидные слова, превращая их в циничные. Некоторые считают это остроумным, и на самом деле иногда приходится каждый раз справиться, сказано ли это с специальной целью, в виде шутки, или это—обмолвка.

Таким образом мы сравнительно без особого затруднения разрешили тайну ошибочных действий. Вы видите, что

это не случайные явления, а ценные акты нашей психики; они обладают смыслом, они образуются благодаря одновременному действию, или, лучше сказать, противодействию двух противоположно направленных желаний. Могу себе представить, каким градом вопросов и сомнений готовы вы меня засыпать, требуя ответа, прежде чем радоваться этому первому результату нашей работы. Я тем охотнее готов отвечать вам, что в мои намерения вовсе не входит натолкнуть вас на слишком поспешные заключения. Лучше подвергнем холодному анализу все наши положения одно за другим. Что же собственно вы хотели бы меня спросить? Думаю ли я объяснить таким образом все случаи обмолвки или только известную их часть? Можно ли распространить такое толкование и на все другие виды ошибочных действий, на очитку, описку, забывание, затеривание вещей и на перепутывание их? Если ошибки имеют характер психических явлений, то какое же значение следует придавать, какую роль играют при этом утомление, волнение, рассеянность и расстройство внимания? Затем можно заметить, что из двух конкурирующих тенденций ошибочных действий одна всегда проявляется открыто, а другая нет. Можно ли обнаружить эту скрытую тенденцию, и если можно, то каким образом? И если, наконец, у нас имеется догадка относительно содержания этой скрытой тенденции, то каким образом доказать, что догадка эта не только вероятна, но единственно верная. Может быть, у вас найдется еще какой-нибудь вопрос? Ну, а если нет, то я попробую предложить сам. Напомню вам, что сами по себе ошибочные действия, как таковые интересуют нас лишь постольку, поскольку они могут помочь нам познакомиться с психоанализом. Вот почему я теперь выдвигаю вопрос: что же это такое за желание и тенденция, препятствующие проявлению других желаний и тенденций и каковы отношения между первым и вторым? Получается впечатление, будто после разрешения определенной проблемы нам приходится сызнова начинать с самого начала.

Итак, можно ли таким образом объяснить все решительно случаи обмолвки? Думаю, что да, потому что каждый раз, когда изучаешь обмолвку, всегда удается найти ее разрешение. Но ведь невозможно доказать, что не существует обмолвок другого характера. Согласен, однако для нас это

теоретически совершенно безразлично, так как заключения, которые нам нужны для введения в психоанализ, остаются в силе и в том случае, если бы даже нашему объяснению поддавались бы только некоторые обмолвки. На ваш следующий вопрос, в праве ли мы распространить наши подтвердившиеся на обмолвке объяснения и на другие случаи ошибочных действий, я хотел бы ответить утвердительно. Да вы и сами в этом убедитесь, стоит нам только заняться описками, ошибками и т. п. явлениями. Но по техническим соображениям я советовал бы вам отложить этот вопрос до тех пор, пока мы не познакомимся еще основательней с областью обмолвок.

Но раз мы согласились с тем, что при обмолвках действует психический механизм, то нам необходимо дать ответ на вопрос о значении, какое имеют при обмолвках расстройства циркуляции крови, утомление, раздвоение внимания, волнение. Помните, что мы вовсе не отвергаем этих условий. Психоанализу исключительно редко приходится что-либо отвергать, чаще он только дает нам новое знание. Но както всегда случается так, что это новое, чего раньше не замечали, оказывается самым существенным. Мы признаем без всяких оговорок влияние физиологических условий, нездоровья, расстройства кровообращения, состояния истощения, как условий, способствующих обмолвкам, нас убеждает в этом личный ежедневный опыт. Но многое ли это может объяснить? Прежде всего они не являются необходимым условием ошибочных действий, так как обмолвка вполне возможна и при цветущем здоровьи и в совершенно нормальном состоянии. Физические условия могут разве только облегчить и способствовать проявиться обмолвке. Для того, чтобы охарактеризовать эти отношения, я однажды воспользовался сравнением, которое я повторю просто потому, что не в состоянии заменить его лучшим. Представьте себе, что поздно ночью я прохожу пустынной улицей, где на меня нападает грабитель и отнимает у меня часы и кошелек. Так как я не мог рассмотреть лица грабителя, то в ближайшем полицейском участке я заявляю: пустынная улица и темнота отняли только что у меня ценные вещи. Полицейский комиссар может мне заметить, что я напрасно придерживаюсь слишком механического понимания явлений.

Скажите лучше: под защитой темноты и глухой улицы неизвестный грабитель отнял у вас ваши драгоценности. Главной задачей нашей, как мне кажется, является—найти грабителя и отнять у него похищенные вещи.

Психофизиологические условия, как-то: волнение, рассеянность, расстройство внимания, как видите, очень мало могут помочь нашей задаче найти объяснение обмолвке; эти физиологические условия представляют собой только формы выражения, отдельные фразы, китайские стены, заглянуть за которые нам ничто не может помешать. Спрашивается, что вызывает в таких случаях волнение или особое отвлечение внимания? Здесь снова приходится признать известное значение за созвучиями, сходством слов и привычных словесных ассоциаций; все они облегчают толкование обмолвки благодаря тому, что как бы пролагают путь, по которому она развивается.

Но разве тем, что передо мной развертывается тот или иной путь, уже предрешается и то, что я по нем пойду? Нужен еще мотив для того, чтоб я решился итти, необходима еще сила, которая повлекла бы меня по нем. Все эти звуковые и словесные отношения совершенно так же, как и физиологические состояния только облегчают появления обмолвки, но не могут служить объяснением ей. Посудите сами, ведь в огромном большинстве случаев нарушения речи происходят вовсе не потому, что произносимые слова напоминают по созвучию другие, и не потому, что они теснейшим образом ассоциативно связаны с противоположными им по смыслу словами, и даже не вследствие того, что они благодаря привычным ассоциациям между собой связаны. Мы могли бы, вместе с философом Wundt'ом признать, что обмолвки имеют место в том случае, когда вследствие физического ослабления ассоциативные процессы побеждают все другие стремления речи; с этим можно было бы согласиться, если бы повседневный опыт этому не противоречил, указывая нам на то, что в одних случаях нет физических, в других ассоциативных условий, способствующих ошибкам.

Но особенно интересным представляется мне следующий ваш вопрос: каким образом можно убедиться в существовании двух соперничающих между собой тенденций? В настоящее время вы едва ли поймете, к каким важным послед-

ствия приведет нас этот вопрос. Согласитесь, что одна из них,—нарушенная тенденция,—нигде не вызывает сомнений, человек, совершивший ошибочное действие, знает ее и сознается в ней. Повод к сомнениям и размышлениям может дать только другая, нарушающая. Вы, вероятно, не забыли, что в целом ряде случаев и эта последняя тенденция ясна так же, как и первая, о ней свидетельствует результат обмолвки, если у нас только хватит мужества признать за результатом такое значение. Председатель, например, допустивший обмолвку, по смыслу противоположную тому, что он собирался сказать, с одной стороны, хочет открыть заседание, с другой,—в то же время хочет его закрыть; тут больше и толковать нечего, до того это ясно. Но каким образом обнаружить эту препятствующую тенденцию в тех случаях, когда она не находит своего выражения так явно и проявляется только в исковерканном виде?

Обнаружить эту тенденцию в первом ряде случаев можно очень простым и верным способом, тем же, каким обнаруживают нарушающую тенденцию. О ней можно узнать непосредственно у самого оратора; тотчас же после обмолвки он сам может восстановить первоначальное свое намерение. Das d r a u t, nein das dauert vielleicht noch einen Monat. Но он же может нас познакомить и с искажающей тенденцией. Спросим его, почему он сказал сперва draut?—и он ответит: Я хотел сказать, это печальная (traurige) история. В другом случае, при обмолвке „Vorschwein" вы услышите подтверждение того, что говорящий сперва хотел сказать: это свинство (Schweinerei), но затем, сдержавшись, сказал другое. В этих случаях удается точно установить как искажающую, так и искаженную тенденции. Я нарочно остановился на таких случаях, которые сообщили и объяснили не я и не один из моих последователей. Тем не менее в обоих этих случаях для того, чтоб найти разрешение загадки, нужно было проделать маленькую операцию, а именно, спросить говорившего, почему он так обмолвился и что он может по этому поводу сказать? В противном случае, быть может, он и не остановился бы на своей обмолвке и не пожелал бы ее объяснить. Но раз его спросили, он объяснил ее первой пришедшей ему в голову мыслью. Так видите ли, эта маленькая процедура и ее успешный резуль-

тат,—это уж и есть психоанализ, прототип всякого психоаналитического исследования, которым мы впоследствии займемся.

Скажите, может быть я недоверчив, подозревая, что в тот момент, когда перед вами впервые всплыл психоанализ, у вас поднялся тотчас же против него и протест? Думается, что вы хотели бы мне возразить: неужели можно считать вполне доказательным то, что скажет человек, допустивший обмолвку? Ведь он естественно идет вам навстречу и объясняет обмолвку первым пришедшим ему в голову соображением, если оно хоть сколько-нибудь подходит для объяснения, но из этого вовсе нельзя выводить заключения, что обмолвка произошла именно так. Иной раз это, может быть, и так, но также легко это, может быть, и иначе. Мало ли что могло ему притти в голову, может быть, не менее подходящее, а возможно и еще лучше объясняющее нам обмолвку.

Удивительно, как мало у вас, в сущности, уважения к психическому факту. Представьте себе, что при химическом анализе вещества удалось из его состава выделить другое, весом в столько-то миллиграмов; из этого весового отношения можно вывести определенные заключения. Как же вы думаете, найдется ли такой химик, который стал бы отрицать этот факт, ссылаясь на то, что выделенное в анализе вещество могло бы иметь и другой вес? Каждый признает факт, именно этот вес, а не другой, и на этом будет строить свои дальнейшие выводы. Только тогда, когда речь идет о психическом факте, о том, что человеку пришла в голову определенная мысль, вы не хотите этому придать никакого значения и утверждаете, что с таким же успехом могла ему притти и другая мысль. У вас есть иллюзия личной психической свободы и вы не желаете от нее отказаться. Очень жаль, что в этом отношении я совершенно расхожусь с вами во мнениях.

Вы не станете дальше возражать, но только до другого благоприятного случая; хорошо, скажете вы, мы поняли особенности техники психоанализа, она сводится к тому, чтоб заставить самого анализируемого найти разрешение проблемы. Но вот вам другой пример. Оратор на торжестве приглашает собравшихся выпить (aufstossen), отрыгнуть за

здоровье шефа. По вашим словам, мешающая тенденция в этом случае, это—унижение, оно-то и препятствует почтительно выразиться оратору. Но все это только ваше толкование, основанное на наблюдениях не из области обмолвок. Спросите оратора и он, конечно, будет энергично отрицать это желание унизить шефа. Почему же вы не откажетесь после такого явного возражения от вашего недоказуемого толкования?

На этот раз ваше возражение действительно очень серьезно. Представляю себе неизвестного оратора на торжестве, это, вероятно, ассистент чествуемого шефа, быть может, уж приват-доцент, молодой человек с блестящим будущим. Я настойчиво стану просить его сказать мне, не чувствовал ли он протеста против чествования шефа? Но тут я, наконец, попался. Терпение его истощается и он набрасывается на меня: Слушайте, бросьте ваши приставания, иначе я не поручусь за себя. Подумайте, своими подозрениями вы портите всю мою карьеру Я сказал „aufstossen“ вместо „anstossen“ просто потому, что в этом же предлонии мне пришлось уже дважды произнести слог „auf“. Это то самое, что Meringer называет отзвучанием, и нечего об этом толковать. Вы поняли меня? Довольно! Гм, какая неожиданная, удивительная реакция. И полное отрицание нашего предположения. Ну, ничего не поделаешь с этим молодым человеком. Но мне кажется, что уж очень он заинтересован в том, чтоб не открылся смысл его ошибки. Может быть, вам бросится в глаза, что даже странно както вести себя так резко, когда ведь речь идет только о чисто теоретическом исследовании; но в конце концов должен же он знать, скажете вы, что он хотел сказать и чего не хотел.

Так вы думаете, что он должен это знать? Но это еще вопрос.

Ну, теперь, кажется вам, вы меня окончательно поймали. Я слышу ваше восклицание: так вот какова оказывается ваша техника, нечего сказать! Когда допустивший обмолвку объясняет согласно вашему толкованию, тогда вы опираетесь на его слова, как на доказательство истинности вашего предположения. „Ведь он сам это сказал!“ Но если его объяснения вам не подходят, тогда вы придаете значение его словам и не хотите ему верить.

Это верно, согласен. Но вот возьмите случай, в котором все обстоит также чудовищно. Если обвиняемый сознается на суде в своем преступлении, то судья верит его сознанию, если же он отрицает свою вину, то судья ему не верит. Будь это не так, тогда не было бы судопроизводства, а вы, конечно, оправдываете такую систему, хотя она не свободна от ошибок.

Но разве вы судья, а тот, кто обмолвился, обвиняемый? Разве обмолвка, преступление?

Может быть, следует воспользоваться этим сравнением. Вы только посмотрите, к каким глубоким разногласиям привело нас некоторое углубление невинной проблемы ошибочных действий. Пока мы еще не в состоянии сгладить все эти противоречия. Поэтому я предлагаю вам условно продолжать сравнение с судьей и подсудимым. Сознайтесь, что смысл ошибочного действия не вызывает никакого сомнения, раз анализируемый сам в нем сознается. Зато и я должен с вами согласиться, что невозможно представить никаких прямых доказательств, подтверждающих предполагаемый смысл ошибочного действия, если анализируемый отказывается объяснить его. Также невозможно привести эти доказательства в отсутствие его.

В случаях судопроизводства мы вынуждены пользоваться уликами, делающими наши заключения более или менее вероятными, но из практических соображений на суде нередко приходится признать виновным и на основании одних только косвенных улик. У нас нет в этом необходимости, но в то же время нас ничто не заставляет отказаться от того, чтобы пользоваться подобными уликами. Было бы ошибкой думать, что наука состоит только из точно доказанных положений и неправильно от нее этого требовать. Такие требования может предъявить науке человек, ищущий безусловных авторитетов и ощущающий потребность заменить религиозный катехизис другим, хотя бы научным. Наука насчитывает в своем катехизисе очень мало аподактических положений и все сводится к утверждениям, обоснованным до известной степени вероятности. Главным признаком научного образа мыслей является способность удовлетвориться приближением к полной уверенности и возможность вести творческую работу, несмотря на отсутствие окончательных подтверждений.

На что, однако, нам опереться в нашем истолковании ошибок, где найти нам улики, если показания анализируемого не помогают нам разъяснить смысл ошибки? Со всех сторон. Сначала мы будем опираться на аналогию их с такими явлениями, которые далеки от ошибок; например, мы утверждаем, что коверканье имен при обмолвке имеет целью дать ему унизительное значение, совершенно так же, как и при сознательном коверкании. Затем мы будем исходить из душевного состояния, при котором произошло ошибочное действие, из нашего знания характера лица, допустившего оговорку, и впечатлений, какие имели место у данного лица перед совершенной ошибкой и на которое оно, возможно, реагировало этим ошибочным действием. Обычно мы толкуем ошибочное действие, исходя из общих соображений и высказывая сначала только предположение; мы предлагаем определенное толкование и стараемся подтвердить его, исследуя душевное состояние допустившего ошибку. Иной раз приходится ждать известных событий, как бы предсказанных уже в ошибочном действии, и тогда находим подтверждение нашего предположения.

Если я ограничусь одной только областью обмолвки, то я едва ли сумею так легко привести нужные доказательства, хотя и здесь нет недостатка в убедительных примерах. Молодой человек, желающий begleitigen (слияние слов „beleidigen"—оскорбить и begleiten—проводить) по всей вероятности очень робок. Даму, муж которой может есть и пить только то, что она хочет, я знаю, как одну из очень властных хозяек у себя дома. Или возьмем такой случай. На общем собрании „Конкордия" недавно вступивший член этого общества произносит горячую оппозиционную речь, во время которой он обращается к членам правления, называя их „Vorschussmitglieder" (члены ссуды), слово, которое может получиться из слияния слов Vorstand (правление) и Ausschuss (комиссия). Мы предполагаем, что в нем зашевелилась тенденция против его роли представителя оппозиции, которая могла бы помешать ему получить ссуду. Действительно, нам сообщают, что оратор вечно нуждался в деньгах и как раз в то время подал прошение о ссуде. Соображения, мешавшие оратору проявить оппозицию до конца, можно было бы формулировать таким образом: сдер-

жись в своей оппозиции, так как от этих людей зависит разрешить тебе выдачу ссуды.

Но еще больше таких улик я мог бы привести вам из области других ошибочных действий, к чему я сейчас и перейду.

Если кто-либо забывает фамилию, или имя, или запоминает ее только с огромным трудом, то мы естественно можем допустить, что у такого лица существует неприязнь против человека с этой фамилией и поэтому ему так не хочется о нем думать; обратим внимание на обстоятельства, при которых произошло такое забывание фамилии.

Господин Y безнадежно влюблен в даму, вскоре вышедшую замуж за господина X. Хотя Y очень давно знает X и все время ведет с ним дела, он однако всегда забывает его фамилию, и всякий раз, когда ему нужно написать X деловое письмо, он должен спрашивать, как фамилия X (по Jung'у). Очевидно, Y и знать не хочет своего счастливого соперника.—„И думать о нем не хочу“.

Или: дама наводит у врача справку об одной общей знакомой, при чем называет ее девичьей фамилией, фамилию же по мужу она забыла. Тогда она сознается, что дама эта была очень недовольна замужеством своей подруги и не переносила ее мужа (Brill).

Но нам следует осветить вопрос о забывании имен еще в другом отношении; мы теперь преимущественно остановимся на психическом состоянии, при котором происходят такие забывания. Забывание наших намерений можно свести к противоположному желанию, препятствующему основному намерению. Так привыкли мы думать не только в психоанализе. Таково ведь общепринятое мнение, которого хотя и придерживаются в жизни, но в теории упорно отрицают. Благодетель, который стал бы извиняться перед благодетельствуемым в том, что забыл исполнить его просьбу, едва ли оправдается этим в глазах последнего. Проситель тотчас же подумает: ему это вовсе не интересно, он только обещает, а не хочет сдержать обещания. В некоторых случаях житейское мнение о забывчивости вполне совпадает с психоаналитическим его пониманием. Представьте себе хозяйку, встречающую приглашенного гостя словами: Как, вы пришли сегодня? А я совсем забыла, что пригласила вас на сегодня.

Или вообразите молодого человека, который признался бы возлюбленной, что совершенно забыл про свидание. Я думаю, что он никогда в этом не признается, а придумает тут же самые невероятные препятствия, помешавшие ему не только притти, но даже предупредить ее об этом. Вы знаете, что на военной службе не полагается ссылаться на забывчивость, и такое оправдание еще не избавляет от наказания, и мы считаем это вполне правильным. Тут уже нет разногласий относительно того, что забывчивость имеет определенный смысл, и даже знают, какой именно смысл. Почему же люди так непоследовательны и не распространяют такой взгляд и на другие формы ошибок? На это, разумеется, имеются основания.

Если у публики так мало основания сомневаться в смысле, скрывающемся в забывании намерений, то неудивительно, что писатели пользуются ими в своих произведениях, придавая им тот же смысл. Кто из вас видел или читал пьесу B. Schaw „Цезарь и Клеопатра“, может быть, вспомнит, что в последнем действии Цезаря перед отъездом мучает мысль, что ему надо еще что-то сделать. Наконец, он вспоминает, что забыл попрощаться с Клеопатрой. Этим небольшим штрихом Schaw приписывает Цезарю качество, которого у него не было и которого он и не добивался. Исторические источники, наоборот, свидетельствуют, что Цезарь принудил Клеопатру ехать с ним в Рим и что она жила в Риме со своим маленьким Цезарионом до убийства Цезаря, когда она бежала из города.

Случаи забывания намерений представляются такими ясными, что они мало годятся для нашей цели—вывести смысл ошибочных действий из определенных психических положений. Вот почему нам лучше обратиться к особенно многозначительному и мало понятному ошибочному действию—утериванию и закладыванию куда-нибудь вещей. Вам покажется совершенно невероятным, чтобы при утеривании, которое мы иной раз так болезненно переживаем, мы сами преднамеренно принимали участие. Однако существует не мало наблюдений такого рода. Молодой человек, например, теряет дорогой для него по воспоминаниям карандаш. Накануне он получил от своего шурина письмо, кончавшееся следующими словами: У меня нет ни желания, ни времени,

для того, чтоб поддерживать твое легкомыслие и твою лень, (по Даттнеру) карандаш был подарком именно этого шурина. Без такого совпадения мы, конечно, лишены были бы возможности утверждать, что в описанной потере скрыто желание избавиться от этой вещи. Подобные случаи очень не редки. Теряют вещи, когда поссорились с тем, кто их дал, и не хотят больше вспоминать о нем, или же случается и так, что определенные вещи перестают нравиться и ищут случая заменить их другими, лучшими. Проявлением того же намерения может служить по отношению к данной вещи неловкость, благодаря которой предмет падает, ломается, разбивается. Можно ли, например, объяснить случайностью, если школьник как раз накануне дня своего рождения теряет, портит, ломает нужную ему вещь, ранец или карманные часы?

Едва ли тот, с кем часто случались неприятные переживания, связанные с невозможностью найти то, что он сам куда-то заложил, сможет поверить, что здесь было какое-то намерение с его стороны. И все-таки нельзя считать редкостью такие случаи, когда можно доказать существование определенного намерения, на время или даже навсегда освободиться от известной вещи. Вот лучший пример такого рода.

Один молодой человек рассказал мне: „Несколько лет тому назад у нас были семейные неурядицы с женой, я считал свою жену слишком холодной, хотя и сознавал ее достоинства, но близости у нас не было. Как-то раз она купила мне книгу, которая, по ее предположению, могла меня заинтересовать. Я поблагодарил ее за этот знак „внимания", обещал прочесть книгу, спрятал ее и никак не мог потом найти. Так прошло несколько месяцев. Иногда я вспоминал об исчезнувшей книге, но безуспешно старался ее найти. Полгода спустя заболевает моя любимая мать, которая живет не с нами. Состояние больной было так серьезно, что моя жена переехала к ней на квартиру, чтоб ухаживать за ней. Моя жена в это время показала себя с самой лучшей стороны. И вот, однажды вернувшись домой в восхищении от того, что сделала моя жена, и полный благодарности к ней, я подхожу к письменному столу, выдвигаю, без всякого определенного намерения, но с какой-то

сомнамбулической уверенностью определенный ящик стола, и на самом видном месте нахожу книгу, которую столько времени я безуспешно разыскивал".

Вместе с исчезнованием причины окончилась и забывчивость и книга была легко найдена.

Милостивые государыни и милостивые государи! Я, конечно, мог бы до бесконечности перечислять подобные случаи. Но я этого не сделаю, так как в моей психопатологии обыденной жизни (появилась в 1901 г.) вы и без того найдете богатую казуистику для изучения ошибочных действий (см. также в сочинениях Maeder'a (франц.), A. A. Brill (англ.), E. Jones (англ.), J. Stärke (голландск.) и др.). Все эти примеры все снова и снова приводят нас к одному определенному результату, а именно к тому, что ошибочные действия имеют смысл. Они раскрывают нам, каким образом можно угадать или подтвердить такой смысл ошибки, исходя из сопровождающих ее обстоятельств. На этот раз я не буду распространяться, так как у нас есть определенный план использовать изучение ошибок для подготовки к психоанализу. Я должен буду остановиться здесь еще только на двух группах наблюдений: на комбинированных, часто повторяющихся ошибках и на подтверждении нашего толкования наступившими после них событиями.

Часто повторяющиеся и комбинированные ошибки представляют собой, без сомнения, высший цвет этого рода поступков. Если бы перед нами стояла только задача доказать, что ошибки могут иметь смысл, то мы уже с самого начала ограничились бы только ими, потому что в их смысле не усумнится даже ограниченный ум, и не боятся самого критического подхода. При упорно повторяющихся явлениях элемент случайности, конечно, отпадает, но зато оно вполне согласуется с определенным намерением. Наконец, то явление, что один вид ошибки может замениться другим, показывает нам, что сущность ошибки заключается не в форме и не в средствах, которыми она пользуется, а именно в намерении, которому она служит и которое достигается самыми различными путями. Вот пример повторного забывания: E. Jones рассказывает, что он как-то, неизвестно почему, несколько дней под ряд забывал на своем письменном столе уже готовое к отправке письмо. Наконец, он решил сдать его на

почту, но получил его обратно от „Dead letter office“, потому что он забыл написать адрес. Затем он написал адрес, но, принеся на почту письмо, увидал, что забыл приклеить марку. Тут он должен был сознаться, что ему вообще не хотелось отправлять этого письма.

Бывают случаи, когда по ошибке действие, направленное на то, чтоб взять какой-либо предмет, комбинируется с забрасыванием его. Одна дама, путешествуя со своим шурином, знаменитым артистом, приехала в Рим. Гостю был оказан торжественный прием живущими в Риме немцами, и между прочим ему поднесена была золотая античная медаль. Дама была огорчена, что шурин не умеет оценить, как следует, эту прелестную вещь. Когда эту даму сменила ее сестра, а дама вернулась на родину, то, к своему удивлению, распаковывая вещи, она находит медаль, неизвестно каким образом очутившуюся в ее багаже. Она немедленно пишет об этом шурину, сообщая, что завтра же отошлет в Рим увезенную ею медель. Но на завтра медаль куда-то запропастилась и ее нельзя было найти и отослать. Тут только дама поняла, какова причина ее рассеянности: ей просто хотелось оставить у себя медаль (по R. Reitler'у).

Я уже рассказывал вам случай комбинации забывания и ошибки: дело шло о человеке, забывавшем сначала про назначенное свидание, а во второй раз, когда он принял меры, чтоб не забыть, то пришел не в условленный час. Аналогичный случай произошел с одним моим другом, который занимался как наукой, так и литературой. „Несколько лет тому назад,—рассказывает мой друг,—я согласился вступить в комиссию одного литературного общества, потому что надеялся добиться при помощи его постановки моей драмы. Я посещал аккуратно каждую пятницу, хотя и без всякого интереса, заседания общества. Несколько месяцев тому назад я получил уведомление, что моя драма будет поставлена в театре в Ф. С тех пор я регулярно стал забывать про заседания общества. После того, как я прочел вашу книгу об этих явлениях, я устыдился моей забывчивости, стал упрекать себя, говорил, что это подлость не являться на заседания общества, когда люди перестали мне быть нужны. Я решаю в ближайшую же пятницу непременно пойти на заседание. Я себе об этом напоминал ежедневно, и вот

в определенный день я у дверей зала заседания. Но, к моему удивлению, я нашел ее закрытой, а заседание уже законченным. Я, видите ли, ошибся в дне: была не пятница, а суббота“.

Было бы очень соблазнительно, собрать большое число подобного рода случаев но пойдем дальше; я хочу показать вам такие случаи, в которых наше толкование может найти подтверждение в будущем.

Главное условие во всех этих случаях, понятно, заключается в том, что настоящее психическое состояние человека, делающего ошибку, нам остается неизвестным, или мы лишены возможности познакомиться с ним. В этом случае наше толкование может иметь значение одного только предположения, которому мы и сами не хотим придать решающего значения. Однако, затем факты подтверждают наше толкование. Так, например, однажды в гостях у новобрачных я услышал, как молодая жена со смехом рассказывала о случившемся с ней инциденте. На другой день по возвращении со свадебного путешествия она зашла к своей незамужней сестре, чтоб пойти с ней, как прежде, за покупками, в то время, как муж ушел по своим делам. Вдруг на улице она замечает одного господина и, толкнув сестру, говорит: „Смотри, вот там идет господин Л.“. Она совершенно позабыла, что господин Л. уже несколько недель состоит ее мужем. Мне стало жутко при этом рассказе, но я все же не решался сделать из него должного вывода. Несколько лет спустя уже я припомнил этот эпизод, когда этот брак закончился очень печально.

A. Maeder рассказывает об одной даме, забывшей примерить перед венчанием свое подвенечное платье и, к отчаянию своей модистки, вспомнившей об этом поздно вечером. Maeder приводит этот факт в связи с тем, что эта дама скоро развелась со своим мужем. Я знаю одну теперь уже разведенную даму, которая подписывала деловые документы своей девичьей фамилией за много лет до того, когда она, разведясь, снова ее приняла. Я знаю много женщин, потерявших обручальное кольцо во время свадебного путешествия, я знаю также, что супружеская жизнь этих женщин подтвердила вполне понятный смысл этого случая. Приведем, наконец, еще более разительный пример такой же категории,

только с благоприятном исходом. Рассказывают, что брак одного известного немецкого химика не состоялся только потому, что он забыл о часе венчания и вместо церкви отправился в лабораторию. Он был так умен, что ограничился этой единственной попыткой и умер холостяком в глубокой старости.

Не приходит ли вам в голову,, что в этих примерах ошибки заняли место omina или предзнаменований древних народов? В действительности часто omina была не чем иным, как ошибочным действием, например, когда-кто либо спотыкался или падал. Другая часть этих предзнаменований носила характер объективных событий, а не субъективного поведения. Но вы не поверите, как трудно иной раз бывает решить в каждом конкретном случае, принадлежит ли ошибка к группе субъективной или объективной, так как субъективное активное поведение умеет часто маскироваться в формы пассивного переживания.

Каждый из вас, имеющий долгий жизненный опыт, оглядываясь назад, может сказать, что он смог бы избежать многих разочарований и горьких случайностей, если бы имел мужество и решимость видеть в мелких ошибках людей предзнаменования и вещие признаки и оценивать их, как сокровенные намерения. По большей части не можешь на это решиться; начинаешь на себя смотреть так, как будто обходным путем, через научное исследование, становишься снова суеверным. Да ведь и не все предзнаменования оправдываются, и на основании наших теорий вы поймете, что не все они и должны оправдываться.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Ошибочные действия.

М. г. г. и м. г. г.! В результате всех наших стремлений мы можем установить положение, что все ошибочные действия имеют свой смысл. При этом подчеркнем еще раз, что мы вовсе не утверждаем,—и для наших соображений это вовсе и не существенно,—будто каждое ошибочное действие имеет непременно смысл, хотя мне это и кажется весьма вероятным. Мы можем удовлетвориться и тем, если мы сравнительно часто сможем раскрыть такой смысл в различных видах ошибок. В этом отношении формы этих ошибок чрезвычайно различны: при обмолвке, описке и т. д. возможно часть случаев отнести и на физиологические причины, при видах ошибок, основанных на забывании (забывание слов, намерений, затеривание вещей и т. д.) я не допускаю существования подобных случаев. Что же касается просто потери, то она, вероятно, возможна и безо всякого намерения. Причины происходящих в жизни ошибок только в известной части соответствуют нашим воззрениям и подтверждают их. Вам не следует упускать из вида этого ограничения и в будущем, когда мы исходим из того положения, что ошибочные действия, как психические акты, являются результатом столкновения двух намерений. В этом и заключается первый результат психоаналитического исследования. До сих пор в психологии была неизвестна возможность такого рода интерференций и тех результатов, к каким они ведут. Мы таким образом значительно расширили область психических явлений и завоевали для психологии такие феномены, которые раньше к ней не относились.

Остановимся еще на минуту на том положении, что ошибочные действия представляют собой психические акты; заключается ли в таком положении больше содержания, чем в нашем утверждении, что ошибочные действия имеют смысл? Я этого не думаю, напротив, это последнее утверждение более неопределенно и может дать повод к большим недоразумениям. Все, что наблюдается в области душевной жизни, можно назвать иной раз психическим феноменом. Важно выяснить, происходят ли отдельные душевные проявления непосредственно из физических, органических, материальных воздействий, и в таком случае изучение их не дело психологии, или же явления происходят и связаны с другими психическими процессами, за которыми уже где-то дальше скрывается ряд органических причин. Психическими процессами мы всегда называем только процессы второго рода, а потому мы считаем целесообразным формулировать наше положение таким образом: в данном явлении имеется определенное содержание, оно имеет смысл: под словом „смысл“ мы понимаем известное значение, намерение, тенденцию и определенное место в ряду других психических явлений.

Существует целый ряд других явлений, близко примыкающих к ошибочным действиям, однако такое название к ним не подходит. Мы называем их случайными, симптомными поступками. Они тоже носят характер немотивированных, незаметных, неважных явлений и даже как будто бы излишних. От ошибочных действий они отличаются отсутствием при них другого, противоположного намерения, с которым они приходят в столкновение и которые мешали бы им проявиться. С другой стороны, эти симптомные поступки постепенно переходят в жесты и выразительные движения душевных переживаний. К ним относятся все явно бесцельные, имеющие как бы характер игры, манипуляции с нашей одеждой, с частями тела, безотчетно взятыми в руки предметами, подвернувшимися нам под руку, это относится и к мелодиям, которые мы напеваем про себя, сами того не замечая. Я убежден, что все эти явления имеют такой же смысл и значение, как и ошибочные действия, и являются незначительными признаками важных душевных переживаний — следовательно, полноценными психическими актами. Но я не собираюсь останавливаться на этой новой громад-

ной области душевных явлений, а лучше вернусь к ошибочным действиям, потому что, благодаря изучению их, мы можем легче всего выяснить важные для психоанализа вопросы.

Мы только поставили, но еще не разрешили самых интересных проблем, когда утверждали, что ошибочные действия являются в результате столкновения двух противоположных намерений, из которых одно можно назвать нарушающим, другое нарушенным. Нарушенные намерения так ясны, что не вызывают сомнения, но вот относительно нарушающих было бы интересно узнать, во-первых, что это за тенденции, которые проявляются, как мешающие другим тенденциям, а во-вторых, каковы взаимоотношения между мешающими тенденциями и теми, которым они помешали.

Разрешите мне снова воспользоваться примером обмолвки и ответить вам на второй вопрос раньше, чем на первый. Мешающее стремление при обмолвке может иногда иметь отношение к содержанию нарушенного, тогда обмолвка содержит возражение против последнего, поправку или, наконец, дополнение к нему. Или, и это более темный и интересный случай,—когда между нарушающим и нарушенным намерением нет ничего общего по содержанию.

Примеры первого рода отношений легко отыскать в уже приведенных нами случаях или подобных им. Почти все обмолвки имеют смысл противоположный тому, что собирался сказать допустивший их, таким образом ошибочный поступок является выражением борьбы между двумя несовместимыми стремлениями. Я объявляю заседание открытым, но скорее хотел бы его сейчас же закрыть,—вот смысл оговорки председателя. Политическая газета, обвиняемая в продажности, защищается в статье, которая заканчивается словами: „Наши читатели могут быть свидетелями того, что мы всегда совершенно бескорыстно защищали общественные интересы". Но, составляя эту статью, редактор „ошибся" и написал—корыстно. Это свидетельствует о том, что редактор думал: хоть я и должен так написать, но я знаю, что это ложь. Народный представитель, требующий, чтоб императору всегда говорилась беспощадная (rückhaltlos) правда, должно быть, под влиянием внутреннего голоса, перепуганного его смелостью, превратил благодаря обмолвке rückhaltlos

в rückgrablos (без спинного хребта), т.-е. согнув спину, низкопоклоннически [1]).

В известных уже вам примерах, производящих впечатление сокращений и слияний двух слов в одно, дело касается поправок, добавлений или дальнейшего развития, причем вторая тенденция появляется на-ряду с первой. Тут (проявились) zum Vorschein gekommen, но лучше уж прямо сказать: это были Schweinereien (свинства), и в результате получилось: es sind Dinge zum Vorschwein gekommen. Людей, которые это понимают, можно сосчитать по пальцам одной руки, но нет, существует только один понимающий это, в результате: можно сосчитать на одном пальце. Или еще: мой муж может есть и пить все, что он хочет; но вы ведь знаете, *я* не переношу, чтобы он чего-нибудь хотел, в результате: он может есть и пить все, что мне хочется. Во всех этих случаях обмолвка вытекает из содержания высказанного намерения или присоединяется к нему. Странное впечатление производит другой вид отношений между обоими борющимися намерениями. Если мешающее намерение не имеет ничего общего с содержанием нарушенного, то откуда же оно является и почему оно появляется именно в этом месте, как определенная помеха? Наблюдения, которые только и могут нам ответить на этот вопрос, показывают, что в таких случаях нарушение исходит из ряда мыслей, занимавших незадолго до этого данное лицо и проявляющихся независимо от того, нашли ли они себя выражение в речи или нет. Такой процесс можно назвать отзвуком, но, конечно, не отзвуком произнесенных слов. Здесь имеется ассоциативная связь между мешающими и нарушенными тенденциями, но она кроется не в содержании, а создалась искусственно, часто очень окольным путем.

Вот вам простой пример из собственных наблюдений. Однажды я встретил в наших горах, в доломитовых пещерах двух венок, одетых, как туристки. Я прошел с ними часть дороги и мы говорили о наслаждениях и о тяготах образа жизни туристов. Одна из них соглашалась, что такое препровождение времени в течение целого дня сопряжено с некоторыми неудобствами. „Так неприятно,—сказала она,—все

[1]) Deutscher Reichstag, Nov.

время шагать по солнцепеку, когда кофта и рубашка совершенно пропитаны пóтом“. Здесь она немного заминается и продолжает: „Когда приходишь nach Hose (домой, вместо Hause — Hose, что значит панталоны) и есть возможность переодеться...“. Мы не анализировали тогда этой обмолвки, но, мне думается, ее не трудно понять. Дама хотела более исчерпывающе перечислить белье и сказать: кофта, рубаха и панталоны... Упоминание о панталонах, как неблагопристойное, было обойдено, но в следующей, по содержанию уже вовсе независимой фразе, непроизнесенное слово появляется в виде искажения сходного с ним слова Hause.

Ну, теперь, наконец, мы можем обратиться к вопросу, который мы все откладывали. Это главный вопрос: какого порядка эти намерения, проявляющиеся таким необыкновенным образом в роли нарушителей других намерений? Разумеется, очень неодинакового порядка; однако мы сможем найти в них и что-то общее. Если мы станем изучать ряд примеров, то увидим, что они распадаются на три группы. К первой относятся случаи, в которых мешающая тенденция известна говорящему и чувствовалась им перед обмолвкой. Так, при обмолвке „Vorschwein“ говорящий не только сознается в том, что он осуждает происшествия, о которых идет речь, словом Schweinerei (свинства), но не отрицает намерения, которое он не пожелал привести в исполнение. Вторую группу случаев составляют такие, в которых говорящий тоже не отрицает наличности у него мешающей тенденции, но не сознается в том, что она зашевелилась у него непосредственно перед обмолвкой. Если он и соглашается с нашим толкованием обмолвки, то в известной мере удивлен ею. Примерами такого случая, может быть, лучше всего могли бы служить не обмолвки, а другие виды ошибочных действий. В третьей группе наше толкование встречает энергичный протест со стороны допустившего обмолвку, он не только отрицает у себя подобное намерение перед обмолвкой, но определенно заявляет, что ничего подобного у него и быть не могло.

Припомните только случай с „aufstossen“ и тот грубый отпор, который я получил от оратора, когда хотел истолковать его обмолвку. В этих случаях, как вы помните, мы еще не условились, как их понимать. Я бы, конечно, не

обратил никакого внимания на возражение оратора, произнесшего тост, и по-прежнему держался бы моего толкования, тогда как вы, уверен, все-таки находитесь под впечатлением его яростного отпора и, может быть, думаете, что было бы, пожалуй, лучше отказаться от толкований таких обмолвок и причислить их к случаям чисто физиологическим в психоанализе. Понимаю, что̀ вас пугает в этом случае. Ведь мое толкование предполагает, что у говорящего могут проявляться такие желания, о которых он сам ничего не знает, но о которых я могу узнать на основании улик. Вам мешает согласиться с этим новизна и серьезность следствий, вытекающих из такого предположения. Я вас прекрасно понимаю и думаю, что до известной степени вы правы. Но вот что мы можем установить: если вы хотите быть последовательными и проводить взгляды на ошибочные действия, покоящиеся на таком большом числе наблюдений, то вам придется принять и это странное предположение. Если же вы не решаетесь на этот шаг, то вам придется раз на всегда отказаться от всего того, что вы узнали до сих пор об ошибках.

Посмотрим, что объединяет все эти три группы случаев, что обще всем этим трем процессам обмолвки. В первых двух группах говорящий признается в существовании у него протестующей тенденции, в первой группе кроме того этот процесс дает о себе знать уже до обмолвки, но и в том и в другом случае он был оттеснен. Говорящий решил не дать ему выразиться в своей речи и тогда-то и произошла с ним обмолвка, т.-е. оттесненное желание против его воли находит себе выражение, изменяя то, что он хочет сказать, смешиваясь с тем, что он говорил, или заменив то, что он хотел сказать. Таким представляется нам механизм обмолвки.

С этой точки зрения мне не трудно совершенно согласовать процесс, наблюдаемый в третьей группе с описанным только что механизмом. Для этого мне только стоит предположить, что эти три группы обмолвок различаются между собой только неодинаковой степенью оттеснения протестующей тенденции. В первой группе такая тенденция имеется и замечается говорящим перед его речью, в это время она отвергается и за это возмещает себя в обмолвке. Во второй

группе протестующая тенденция отвергается гораздо энергичнее и не замечается говорящим даже перед произнесением фразы. Удивительно то, что все это тем не менее не мешает ей послужить причиной обмолвки! Но именно благодаря этому нам уже легче объяснить процессы, происходящие в третьей группе. Я осмелюсь допустить, что в ошибочном действии может проявиться даже и такая тенденция, которая давно, может быть, даже очень давно, уже оттеснена, не замечается говорящим и поэтому именно им и отрицается. Но если мы оставим даже в стороне проблему третьей группы, то из наблюдений над другими случаями вы должны вывести заключение, что подавление существующего намерения сказать что-либо является необходимым условием, вызывающим обмолвку.

Теперь мы можем сказать, что нами достигнут определенный успех в понимании ошибочных действий. Мы знаем теперь не только то, что они представляют из себя психические акты, в которых открываются и смысл и намерение, они не только образуются при столкновении двух различных намерений, но мы утверждаем, что одно из этих намерений подвергается оттеснению, выполнение его не допускается, и тогда оно проявляется, нарушая другое намерение. Нужно сначала помешать ему самому для того, чтобы оно было способно мешать другому. Этим, понятно, еще не дается полное объяснение явлений, называемых ошибочными действиями. Действительно, мы убеждаемся в том, что возникают новые вопросы и начинаем подозревать, что чем дальше подвинемся мы в нашем понимании, тем больше найдется у нас поводов для постановки новых вопросов. У нас может, например, возникнуть такое соображение: почему не предположить, что все эти процессы происходят проще? В том случае, если имеется стремление оттеснить какую-либо тенденцию, вместо того, чтоб привести ее в исполнение, это оттеснение должно было бы быть настолько удачным, чтоб тенденция уже не могла совсем проявиться; но оттеснение могло и не удасться и тогда оттесненная тенденция проявляется полностью. Но ведь ошибочные действия, как следствие компромисса, говорят о полуудаче и о полунеудаче для каждого из обоих намерений и, за исключением отдельных случаев, не удастся ни совсем подавить угрожающего намерения, ни она, в

свою очередь, не в состоянии всецело проявиться. Можно представить себе, что для проявления таких компромиссных результатов должны иметься особые условия, но мы вряд ли и подозреваем, какого они характера. Как бы мы ни углублялись в изучение ошибочных действий, мы, думаю, все равно не откроем этих неизвестных нам условий. Для этого нам необходимо прежде всего исследовать еще некоторые загадочные области душевной жизни, и только, встретив там аналогичные явления, мы почувствуем достаточно мужества для того, чтобы выдвинуть положения, необходимые для более глубокого и широкого понимания ошибочных действий. И заметьте себе: работа над маловажными явлениями, которую мы постоянно производим, сопряжена с известной опасностью. Существует душевная болезнь, называемая комбинаторным помешательством (паранойя), при котором больные безгранично пользуются объяснениями таких малозаметных признаков и, разумеется, никто вам не поручится за верность заключений, исходящих из таких оснований. От такой опасности нас лучше всего уберегут широко поставленные наблюдения, повторность сходных заключений из самых различных областей душевной жизни.

Поэтому отложим на время анализ ошибочных действий, но я попрошу вас запомнить метод, которым мы до сих пор пользовались. В этой области вы могли составить себе представление о том, каковы цели наших психологических изысканий. Наша задача не только описывать и классифицировать явления, но и понять их, как результат борьбы душевных сил, как выражение направляющих к определенной цели стремлений, действующих или совместно или направленных друг против друга. Мы стремились к динамическому пониманию душевных явлений, поэтому явления, воспринимаемые нами в нашем понимании, должны отступить на задний план перед стремлениями, которые мы только еще предполагаем.

Итак, не будем больше углубляться в изучение вопроса об ошибочных действиях, но бросим беглый взгляд на все обширное поле ошибочных действий и мы обнаружим при этом как уже известное нам, так кое-что и новое. Условимся по-прежнему придерживаться уже принятого нами деления на три группы обмолвок, вместе с соответствующими формами описок, очиток, ослышек, забывания с его

видами, в зависимости от того, что именно забыто (собственные имена, иностранные слова, намерения, впечатления) и ошибочной замены, забрасывания и утраты вещей. Ошибки, в плане нашего отношения к ним, отчасти соответствуют забыванию, отчасти замене предметов.

Несмотря на то, что мы уже не мало говорили об обмолвках, мы можем к этому прибавить еще кое-что. С обмолвкой связаны некоторые аффективные переживания, не совсем лишенные интереса. Никому не хочется обмолвиться; нередко пропускаешь мимо ушей, не слышишь своей собственной обмолвки, но зато никогда не пропустишь обмолвки другого. Обмолвка, в известном смысле, заразительна, не легко говорить об обмолвке, не впадая при этом в подобную же ошибку. Самые слабые формы обмолвок, которые в состоянии дать нам разъяснение о скрытых душевных процессах, не трудно понять в смысле их мотивировки. Если, например, кто-нибудь коротко произносит длинный звук, вследствие наступившего при этом слове мотивированного движения, то он зато растягивает следующий короткий звук и делает новую обмолвку, компенсируя этим предыдущую. То же происходит, когда произносят нечисто или небрежно двойной звук, например, eu или oi, как ei, то стараются исправить это, изменяя произношение следующего ei в eu или oi. При этом, как кажется, имеет решающее значение предусмотрительное отношение к собеседнику, как бы он не подумал, что говорящему безразлично, как он относится к своему родному языку. Второе, компенсирующее коверканье имеет прямою целью обратить внимание слушателя на ошибку и убедить его, что оно не ускользнуло от внимания и собеседника. Самыми частыми, простыми и обыкновенными случаями обмолвки являются слияние и предсозвучие (Vorklänge), которые появляются во второстепенных частях предложений. Например, в длинном предложении благодаря обмолвке последнее слово предполагаемой фразы произносится раньше, чем следует. Это производит впечатление известного нетерпения, желания поскорее закончить фразу и в общем указывает на известное нежелание произнести фразу или, может быть, всю эту речь. Таким образом мы подошли к тем границам, где различие между психоаналитическим и психологическим пониманием обмолвки сво-

дится на нет. В таких случаях, мы полагаем, имеется нарушающая нашу речь тенденция, но она только может проявиться, но не обнаружить свое настоящее содержание и свою цель. Вызванное им нарушение поддается тогда всякого рода влиянию со стороны звукового или ассоциативного сродства и может оцениваться, как отвлечение внимания от того, что хочется сказать. Но ни описанное нарушение внимания, ни влияние ассоциативного сродства не составляют еще сущности процесса. Обмолвка свидетельствует только о наличии нарушающего речь момента, природа же этого нарушающего стремления не может быть установлена на основании его проявлений, как это удается сделать во всех более ярко выраженных случаях обмолвки.

Описка, к рассмотрению которой я теперь перехожу, настолько аналогична обмолвке, что нам не приходится ждать от изучения ее новых точек зрения. Однако, может быть, мы в состоянии будем внести кое-какие дополнения. Обычно встречающиеся мелкие описки, слияния и вынесение вперед более удаленных, особенно заключительных слов указывают на нежелание вообще писать, нетерпеливость, желание покончить с письмом; в более резко проявляющихся описках мы можем открыть природу и намерение мешающих письму стремлений. Если не всегда можно узнать о том, что происходило с пишущим, допустившим ошибку, то одно можно утверждать с несомненностью, а именно, что не все было у него в порядке. Описка также часто не замечается пишущим, как и обмолвка. Существуют лица, имеющие привычку перечитывать перед отправлением всякое письмо, ими написанное, другие этого никогда не делают. Если же они сделают это в виде исключения, то им всегда представится случай найти и исправить замеченную описку. Как это объяснить? Получается впечатление, будто эти лица знают, что они ошиблись, когда писали; можем ли мы это действительно предположить?

С практическим значением описки связана интересная проблема. Вы, может-быть, помните случай убийцы N, который, выдавая себя за бактериолога, доставал из научных институтов разводки культур чрезвычайно опасных для жизни бактерий, которые он применял, как средство устранить таким передовым образом со своей дороги близких ему лиц.

Однажды, жалуясь правлению одного бактериологического института на недействительность присланных ему культур, он допустил описку и вместо слов „при моих опытах над мышами и морскими свинками"—написал: „при моих опытах над людьми". Описка эта бросилась в глаза врачам института, но, насколько мне известно, они не сделали из нее необходимых заключений. Как же вы думаете? Могли ли врачи смотреть на эту ошибку, как на признание и возбудить следствие, благодаря которому можно было бы своевременно предупредить преступление? Не послужило ли в данном случае незнакомство с нашим толкованием ошибок причиной того, что преступление раскрылось так поздно? Полагаю, однако, что хотя подобная ошибка мне показалась бы очень подозрительной, тем не менее существуют важные обстоятельства, мешающие использовать ее, как вещественное доказательство совершенного преступления. Дело вовсе не так просто. Конечно, описка безусловно является уликой, но, опираясь только на нее, еще нельзя было бы начинать следствие. Описка действительно указывает, что этого человека интересовала мысль о заражении людей, но это совсем еще не дает нам право решить, имеет ли эта мысль значение определенного преступного намерения, или же она относится к области практически-безобидных фантазий. Очень даже вероятно, что человек, допустивший такую описку, самым энергичным образом и с полным сознанием своей правоты, станет отрицать наличие у него подобных фантазий и отвергнет их, как совершенно чуждых ему. После того, как мы с вами рассмотрим различие между психической и материальной реальностями, вам еще легче будет понять эту возможность. Здесь же мы имеем дело со случаем, получившим впоследствии непредвиденное значение.

При очитке мы встречаемся с совершенно другим психическим состоянием, чем при описке и обмолвке. Одна из двух конкурирующих тенденций здесь заменена сенсорным раздражением и поэтому, возможно, оказывается менее устойчивой. В противоположность тому, что имеет место, когда хочешь что-нибудь написать, то, что нужно прочесть, не является продукцией психики читающего. В огромном большинстве случаев очитка приводит поэтому к полному замещению одного слова другим, при чем вовсе не требуется,

чтоб между текстом и очиткой наблюдалась какая-либо связь по содержанию; обычно очитка происходит благодаря внешнему сходству слов. Пример Lichtenberg'a: Agamemnon вместо angenommen—лучший в этой группе очиток. Если желательно узнать о мешающей, вызывающей очитку тенденции, то следует, оставив в стороне неправильно прочитанное слово, приступить к анализу, задавая при этом два вопроса: какая мысль приходит в голову, когда думаешь об очитке, и при каких условиях она произошла? Иногда для объяснения очитки достаточно знать об условиях, при которых она произошла. Например, некто, испытывая естественную потребность, бродит по незнакомому городу и на вывеске второго этажа читает слово Closethaus. Еще не успев удивиться тому, как высоко прибита вывеска, он убеждается, что написано Corsethaus. В других случаях, независимых от содержания текста очиток, нужен обстоятельный анализ, который нельзя произвести, не обладая опытностью психоаналитической техники и без доверия к ней. Объяснить очитку по большей части не трудно. Подставленное слово, например, Агамемнон непосредственно выдает затрудняющую течение мыслей помеху.

В настоящее время, в эпоху войны, нередко случается, что вычитывают там, где встречается хоть сколько-нибудь похожие слова, название городов, командующих армиями и часто встречающиеся военные выражения. Происходит таким образом подстановка чуждого и неинтересного тем, что нас занимает и захватывает. Отражение наших собственных мыслей препятствует новым восприятиям.

При очитке нередко встречаются случаи и другого рода, когда печатный текст сам возбуждает мешающую тенденцию и превращается таким образом, благодаря очитке, в противоположный по смыслу. Когда приходится читать что-либо неприятное, то при помощи анализа открываешь, что сильное желание отвергнуть написанное осуществляется при помощи очитки.

В уже упомянутых раньше более частых случаях очитки, однако, нехватает двух моментов, которым мы приписываем важную роль в механизме ошибочных действий: нет конфликта между тенденциями и оттеснения одной из них, компенсирующей себя при помощи ошибки. Ведь удивительно вовсе не то, что вычитываешь что-либо противополож-

ное тексту, а то, с какой настойчивостью находят свое проявление в очитке мысли, которые раньше подверглись оттеснению. Эти два момента всего чаще встречаются при различных условиях забывания в ошибочных действиях.

Забывание намерений, как мы уже слышали, не нуждается в пояснении и толкование этого явления не противоречит общепринятым взглядам. Тенденция, нарушающая какое-либо намерение, всегда представляет собой противоположное намерение, нежелание выполнить первое; нам осталось только узнать, почему оно не находит себе другое менее замаскированное выражение. Но относительно существования этого волевого сопротивления не может быть сомнения. Иногда удается узнать о тех мотивах, которые заставляют это волевое сопротивление скрыться, но, и оставаясь скрытым, оно всякий раз, благодаря ошибочному действию, достигает своей цели, между тем как оно, наверное, было бы отклонено, если бы оно выступило в форме открытого возражения. Если между моментом возникновения намерения и моментом его выполнения наступило изменение душевного состояния, вследствие которого выполнение намерения не могло иметь места, то такое забывание не вызывает удивления, понимаешь, что совершенно излишне вспоминать о намерении, и оно выпадает в этом случае на время или навсегда. Забывание намерения только тогда можно назвать ошибочным действием, когда в процессе выполнения намерения мы не соглашаемся допустить данное выпадение.

Случаи забывания намерений именно потому, что они слишком однообразны и прозрачны, не представляют никакого интереса в нашем исследовании. Однако изучение этих ошибочных действий может дать нам кое-что новое в двух отношениях. Мы сказали уже, что забывание, т. е. невыполнение намерений, указывает на существование у нас мешающего волевого сопротивления. Это положение так и остается неизменным, но волевое сопротивление, по данным нашего опыта, может быть двоякого рода: непосредственным и посредственным. Я постараюсь лучше всего выяснить это вам на одном или на двух примерах. Когда покровитель забывает замолвить словечко в пользу своего протеже перед третьим лицом, то это может произойти потому, что он мало интересуется своим протеже, и поэтому у него нет большой охоты

сказать в его пользу. Протеже так и поймет эту забывчивость. Но дело может оказаться и более сложным. Сопротивление против выполнения намерения может явиться у покровителя с другой стороны и бить совсем по другому месту. Здесь протеже может не играть никакой роли и сопротивление может быть связано с третьим лицом, перед которым и нужно хлопотать. Вы видите таким образом, какие сомнения возникают у нас в этом случае при практическом применении нашего толкования. Протеже, несмотря на правильное толкование забывчивости, рискует проявить слишком большое недоверие и тем причинить жестокую несправедливость по отношению к своему покровителю. Или, если кто-нибудь забывает про свидание, назначенное другому, с искренним намерением явиться во-время, то самой частой причиной такого забывания бывает определенное нежелание встретиться с этим лицом. Но иной раз, посредством анализа, можно доказать, что мешающая тенденция в данном случае направлена не против лица, которому назначено свидание, а против места, где оно должно было состояться, так как это лицо, забывшее про свидание, старается избегать место благодаря мучительным воспоминаниям и неприятному чувству, связанным у него с этим местом. Или, если забывают отправить по почте письмо, то причина сопротивления может быть в содержании письма, но совершенно не исключена возможность того, что само по себе письмо это безобидного свойства и мешающая тенденция воздействует на него лишь потому, что оно напоминает другое, давшее повод к волевому сопротивлению. В этом случае можно сказать, что сопротивление перенеслось с того письма, где оно вполне оправдывалось, на данное, по отношению к которому оно уже лишено смысла. Вы видите, следовательно, на сколько требуется осторожности и сдержанности, когда пользуются нашим, хотя и правильным методом толкования. Потому что явления психологически равноценные могут иметь совершенно различное значение в практической жизни.

Явления, о которых идет речь, могут показаться вам очень странными. Быть может, вы подумаете, что посредственное „непрямое“ сопротивление — по существу процесс болезненный, но я могу вас уверить, что оно случается у совершенно здоровых людей. Впрочем, я хочу, чтоб вы меня

правильно поняли. Я никоим образом не хотел бы вызвать недоверие к нашему психоаналитическому толкованию. Ведь все эти указанные разнообразные значения забывания намерений могут иметь место лишь до тех пор, пока мы не предприняли анализа конкретного случая, т.-е. когда мы толкуем случай, опираясь единственно на наши общие предположения. Но если мы проведем анализ в определенном случае, то мы всякий раз вполне удостоверимся в том, имеется ли в данном случае прямое волевое сопротивление или последнее имеет какое-либо другое происхождение.

Второй пункт следующий: если в большинстве случаев мы находим подтверждение того, что забывание намерения сводится к волевому сопротивлению ему, то мы смело расширяем это толкование на ряд других случаев, в которых исследуемый не только не подтверждает присутствие у него предполагаемого нами волевого сопротивления, а просто его отрицает. Примерами могут служить безусловно часто встречающиеся случаи забывания вернуть взятые на прочтение книги или забывание уплатить по счетам или долги. Мы не боимся сказать такому человеку, что у него имеется намерение сохранить у себя книги и не платить долгов, тогда как он, отрицая это намерение, не сможет дать нам другого объяснения своего поведения. И поэтому мы все-таки будем продолжать настаивать, что у него имеется такое намерение хотя он об этом ничего не знает; для нас совершенно достаточно, если присутствие у него такого намерения выдает себя этой забывчивостью. Ведь всякий может ссылаться на то, что он именно это забыл. Вы, конечно, припоминаете, что в подобном положении мы с вами уже раз находились. Если мы захотим последовательно проводить наше толкование ошибочных действий, оправдавшееся во многих случаях, то неизбежно придем к предположению, что у человека бывают тенденции, которые могут проявлять известную активность без того, чтоб он о них что-либо знал. Но тут-то нам приходится вступить в противоречие со всеми господствующими в психологии и в жизни взглядами.

Забывание собственных имен и иностранных слов удается также свести к враждебному намерению, прямо или косвенно направленному против данной фамилии. Я уже приводил вам примеры проявления такой враждебности; но здесь осо-

бенно часто встречается окольная причинная связь, и тогда для того, чтоб установить эту враждебность, требуется тщательный анализ. Так, например, во время этой войны, заставившей нас отказаться от многих наших прежних привычек и симпатий, пострадала также и способность припоминать собственные имена вследствие самых странных ассоциативных связей. Со мной недавно случилось, что я не мог припомнить название безобидного моравского городка Bisenz. Анализ показал, что виной тому была не прямая враждебность, а созвучие этого названия с именем палаццо Bisenzi в Орвьето, в котором я с удовольствием проживал несколько раз. Здесь в качестве мотива тенденции, мешающей вспомнить собственное имя, мы впервые встречаем принцип, огромное значение которого мы поймем позже, как причину невротических симптомов, а именно, устранение из памяти воспоминаний, связанных с неприятными переживаниями, оживающими при репродукции этих воспоминаний. Такую тенденцию избегать неприятных чувств в связи с воспоминаниями или другими психическими актами, психическое бегство от неприятного, мы должны признать последним мотивом не только забывания имен, но и многих других ошибочных действий, как, например, различных упущений, ошибок и т. п.

Но забывание имен особенно облегчается, повидимому, благодаря психофизиологическим причинам и может проявляться поэтому и в тех случаях, когда нельзя подтвердить вмешательство неприятного чувства. У тех, кто имеет склонность забывать имена, при помощи психоаналитического исследования, удается установить, что они забывают имена вовсе не потому, что не любят их, или потому, что они напоминают им что-либо неприятное, а вследствие того, что то же самое имя у них ассоциировано с другим кругом мыслей, с которым имена эти имеют близкую связь. Такое имя как бы задержано и не допускается к другим в данное время действующим ассоциациям. Если вы припомните искусственные приемы мнемотехники, то с некоторым удивлением придете к убеждению, что имена забывают именно вследствие тех же ассоциаций, какие создают искусственно для того, чтобы удержать их в памяти. Наиболее разительными примерами такого забывания являются такие собственные имена, которые, как это ясно, у различных людей психически раз-

лично оцениваются. Возьмем, например, имя Теодор. Для одного с этим именем не связано ничего особенного, для другого это—имя отца, брата, друга или собственное. Анализ откроет вам, что если в первом случае не грозит никакая опасность забыть это имя, если оно принадлежит какому-нибудь постороннему человеку, то во втором случае обнаружится склонность отказать посторонним в имени, с которым, как им кажется, связаны отношения интимного характера. Представьте себе, что на такую ассоциативную задержку может в то же время повлиять момент неудовольствия и еще упомянутый мною механизм косвенной причинности, тогда вы будете в состоянии представить себе, какими сложными причинами обусловливается временное забывание имен. Конечно, только правильный анализ может раскрыть вам до конца такое сложное явление.

Забывание впечатлений и переживаний находится еще более ясно и исключительно под влиянием тенденции устранить из воспоминаний неприятное, чем забывание собственных имен. Оно, конечно, не может быть причислено в полном объеме к ошибочным действиям, а лишь постольку, поскольку мы находим его странным, необъяснимым с точки зрения нашего повседневного опыта. Так, например, когда забываются слишком недавние и слишком важные впечатления, или такие, выпадение которых разрывает связь в событиях, в общем хорошо сохранившихся в памяти. Почему и как забываем мы переживания, оставившие в нас несомненно глубокие следы, как, например, событие наших первых детских лет, это совсем другой вопрос, при котором стремление устранить неприятное хотя и играет известную роль, но объясняет далеко не все. То, что неприятные впечатления легко забываются, это—не подлежащий сомнению факт. Это уже давно заметили психологи, и факт этот произвел такое сильное впечатление на великого Дарвина, что он положил себе, как золотое правило, особенно тщательно записывать именно те наблюдения, которые шли в разрез с его теорией, так как он заметил, что такого рода наблюдения плохо им запоминаются.

Тот, кому приходится впервые слышать об этом принципе нашей самозащиты от неприятных воспоминаний при помощи забывания, не преминет привести в виде возражения наблюдение, что как раз труднее всего забывается неприят-

ное, так как оно, против нашей воли, все снова и снова всплывает и мучает нас, например, воспоминания об огорчении и унижениях. Если факт этот сам по себе и верен, то выдвинут он в качестве возражения совершенно неправильно. Очень важно, чтоб вы уже теперь стали считаться с тем фактом, что душевная жизнь представляет из себя арену борьбы и действия противоположных тенденций, или, выражаясь не динамически, в ней имеется противодействие двух противоположных психических пар. Так что, если можно доказать существование у человека одной определенной тенденции, то этим вовсе не исключается возможность одновременного существования противоположных тенденций. Найдется достаточно места для обеих. Все будет зависеть от того, как относятся друг к другу эти противоположности и как влияют они друг на друга.

При потере и при засовывании предметов особенно интересно отметить множество значений, т.-е. разнообразие тенденций, которым могут служить эти ошибочные действия. Во всех этих случаях существует желание потерять, различие только в причинах и целях такого желания: теряешь вещь, когда она испортилась, когда хочется заменить ее лучшей, когда она перестала нравиться, если ее получил от лица, с которым испортились отношения, или если вещь куплена при обстоятельствах, о которых не хочется вспоминать. С такой же целью портят и ломают вещи. В общественной жизни наблюдается, что нежеланные и внебрачные дети болезненней законных; для объяснения этого явления нет надобности ссылаться на грубую технику фабрикации ангелов. Совершенно достаточна для этого известная небрежность ухода за ребенком. В бережном отношении к вещам проявляются те же мотивы, что и в отношении к детям.

Затем обрекаются на потерю вещи, потерявшие свою ценность, когда хочешь пожертвовать чем-нибудь судьбе для того, чтоб предупредить другую грозящую потерю. Такие заклинания судьбы, как оказывается по данным психоанализа, встречаются у нас еще очень нередко. Наши потери представляют из себя часто добровольные жертвы. Также точно потеря может быть проявлением упрямства наказания самому себе; коротко сказать, совершенно невозможно предвидеть всех мотивов тенденции избавиться от вещи посредством потери ее.

Замена вещей, как и другие ошибки, часто имеют целью исполнить желание, от которого отказались. Намерение маскируется тогда в форме счастливой случайности. Так, например, это случилось с моим другом, которому необходимо было против его желания сделать загородный визит по железной дороге. На пересадочной станции он по ошибке попал в поезд, который благополучно доставил его обратно в город. Или, когда во время путешествия хочется подольше остановиться на промежуточной станции, а этому мешают какие-либо обязанности, и тогда не замечаешь или пропускаешь отход нужного поезда, и уж поневоле приходится подчиниться такой счастливой задержке. Или, как это было с моим пациентом, которому я запретил вызывать по телефону любимую женщину, но который, собираясь говорить со мной по телефону, „по ошибке, по рассеянности“ указал неправильный номер, так что оказался соединенным с ней. Прекрасный, имеющий практическое значение пример непосредственного ошибочного действия приводит один инженер по поводу повреждения одного прибора из личных воспоминаний.

„Несколько времени тому назад я производил с товарищем в лаборатории института сложные опыты над упругостью, работой, добровольно нами взятой, но потребовавшей гораздо больше времени, чем мы предполагали. По дороге в лабораторию однажды мой товарищ F сказал мне, что у него очень много дел дома и ему особенно неприятно именно сегодня терять так много времени на лабораторную работу. Я мог только согласиться с ним, и в шутку, намекая на случай на прошлой неделе, сказал: „Будем надеяться, что машина сегодня снова окажется в неисправности и мы сможем раньше прервать работу и уйти“.

Во время работы случилось так, что товарищ F должен был управлять клапаном пресса, осторожно открывая кран и медленно выпуская жидкость, передающую давление из аккумулятора в цилиндр гидравлического пресса. Руководящий опытом при этом находится у манометра и, когда требуемое давление достигнуто, громко произносит: стоп! При этой команде F хватает кран и поворачивает его со всей силой влево (все краны, без исключения, закрываются вправо). Благодаря этому в прессе начинает действовать полное давление аккумулятора, к чему приводящие трубки не были

приспособлены, и тотчас же лопается какое-то соединение трубок. Этот сам по себе совершенно безобидный дефект в машине заставляет нас, однако, прервать на сегодня работу и уйти.

Характерно, впрочем, то, что когда мы некоторое время спустя обсуждали этот инцидент, мой товарищ F никак не мог припомнить мою фразу, которую я очень точно помню".

Этот случай может дать вам повод предположить, что не всегда одна только безобидная случайность делает руки вашей прислуги опасными врагами вашего добра. Но у вас может также возникнуть вопрос и о том, всегда ли случайно наносишь себе самому повреждение и ставишь в опасное положение собственное существование. При случае анализируя такие наблюдения, вы можете проверить значение всех этих положений.

Уважаемые слушатели! Я изложил вам далеко еще не все, что мог бы сказать об ошибочных действиях. Тут не мало найдется такого, что можно еще подвергнуть дальнейшему обсуждению и что нужно еще дополнительно исследовать. Но я буду вполне удовлетворен, если под влиянием всего, что вы узнали, вы начнете сомневаться в ваших прежних воззрениях и тем подготовитесь к усвоению новых знаний. В других отношениях мне приходится ограничиться изложенным и оставить вас перед невыясненными вопросами. Изучением одних только ошибочных действий нельзя доказать всех наших научных положений, да и нет у нас необходимости ограничиться только вышеизложенным материалом. Особенная ценность ошибочных действий для наших целей заключается в том, что их можно очень часто наблюдать и на самих себе, и проявление их вовсе не связано с определенным заболеванием. Мне хотелось бы в заключение ответить на один еще только вопрос, на который я еще до сих пор вам не дал ответа: если, как мы видели на многих случаях, люди так близко подходят к пониманию ошибочных действий и поведение их говорит так часто об этом их понимании, то как же могут они утверждать, что эти явления случайны, лишены смысла и значения? Как могут они так энергично возражать против психоаналитического объяснения этих явлений?

Вы правы, это очень странно и требует объяснения. Но я вам его не дам, а постепенно ознакомлю вас с теми обстоятельствами и взаимоотношениями, из которых это объяснение откроется вам само, без моего непосредственного участия.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Трудности и первый подход.

М. г.г. и м. г.г.! В один прекрасный день было открыто, что симптомы болезни некоторых нервно-больных имеют определенный смысл. Это открытие послужило основанием для психоаналитического метода лечения. Далее, во время этого лечения было замечено, что в некоторых случаях у больных взамен симптомов появлялись сновидения. Таким образом, возникло предположение, что и сновидения имеют смысл.

Но в нашем положении мы не будем держаться этого исторического хода развития психоанализа, а пойдем обратным путем. Постараемся сначала доказать, что сновидения имеют смысл, и из этого почерпнем предварительные сведения, необходимые для изучения неврозов: в сущности, само сновидение представляет из себя нечто вроде невротического симптома, к тому же обладающего еще одним чрезвычайно ценным для нас преимуществом,—а именно: оно бывает и у здоровых людей. Даже больше, если бы все люди были психически совершенно здоровы и только сохранили бы способность видеть сны, то достаточно было бы изучить эти сны, чтобы притти почти ко всем тем выводам, к каким привело нас исследование неврозов.

Таким образом, сновидение стало объектом психоаналитического исследования. И здесь опять мы имеем перед собой самый обыденный, мало привлекающий внимание феномен, не имеющий, повидимому, никакой практической ценности, подобно ошибочным действиям, встречающимся у здоровых

людей. Но, помимо этого, условия нашей работы стали еще более неблагоприятными. Наука мало уделяла внимания ошибочным действиям, она ими почти не интересовалась; но в сущности в изучении их не было ничего позорного. Хотя и говорили, что существуют более важные вопросы, но не отрицали того, что изучение ошибочных действий может, пожалуй, привести к чему-нибудь интересному. Заниматься же исследованием сновидений считается не только непроизводительным и излишним, но прямо-таки позорным; такое исследование вызывает упреки в ненаучности, будит подозрение в личной склонности к мистицизму. Где уже медику возиться со сновидениями, когда даже в невропатологии и психиатрии имеется так много гораздо более серьезных вещей: опухоли, величиной с яблоко, сдавливающие мозг, орган душевной жизни, кровоизлияния, хроническое воспаление, при которых можно под микроскопом демонстрировать изменение тканей. Несомненно, сновидение слишком ничтожный объект, не заслуживающий особого исследования.

К этому нужно прибавить еще одну особенность сновидения, по самому существу своему идущую в разрез со всеми требованиями точного исследования. При изучении сновидений невозможно с полной уверенностью и точностью определить даже объект изучения. Бредовая идея, например, выступает ясно, она резко очерчена. „Я—китайский император“,—громко восклицает больной. Но как быть со сновидением—по большей части его вообще даже невозможно передать словами. Может ли быть у того, кто рассказывает сон, полная уверенность в том, что он его передает точно, ничего не меняя в нем во время рассказа, не прибавляя чего-нибудь вследствие неточности воспоминаний. В большинстве случаев, вообще, не удается вспомнить сновидение; оно забывается, за исключением разве маленьких отрывков. Да разве возможно на толковании такого рода материала обосновать научную психологию или метод лечения больных?

Такая оценка, однако, должна показаться нам слишком односторонней и возбудить наше недоверие. Все эти возражения против возможности сделать сновидения объектом исследования, очевидно, заходят слишком далеко. С доводом, что объект исследования не заслуживает внимания, нам приходилось уже иметь дело при изучении ошибочных действий.

Тогда мы возразили, что великое может проявляться и в незначительном. Что же касается некоторой неуловимости сновидения, то эта особенность является характерным признаком его, на-ряду с многими другими признаками, и нельзя в самом деле приписывать явлениям непременно те или другие типичные особенности. Впрочем, бывают ясные и определенные сновидения. Кроме того, имеются еще и другие объекты психиатрического исследования, страдающие тем уже недостатком-неопределенностью; например, много случаев навязчивых представлений, а между тем ими занимались уважаемые и видные психиатры. Мне вспоминается последний случай, имевший место в моей врачебной практике. Больная обратилась ко мне со следующей жалобой: у меня какое-то чувство, словно я причинила или хотела причинить вред какому-то животному-ребенку:—нет, скорее собаке, быть-может, сбросила его с моста или что-нибудь в этом роде. Принимая во внимание неточности воспоминания сновидений, мы найдем выход из затруднительного положения, если будем считать сновидением только то, что рассказывает лицо, видевшее сон, и не станем обращать внимания на то, что оно, быть может, забыло или перепутало в своих воспоминаниях. Наконец, даже вообще неправильно утверждать, что сон представляет из себя нечто совсем незначительное. Нам всем известно из собственного опыта, что настроение, с которым просыпаешься после сновидения, может длиться целый день: врачи наблюдали случаи, когда душевное заболевание начиналось со сновидения и содержало бредовую идею, заключавшуюся в этом сновидении. О некоторых исторических лицах рассказывают, что они действовали под влиянием сновидений во многих весьма важных своих предприятиях. Поэтому скорее позволительно спросить: откуда берется это пренебрежительное отношение к сновидениям у современных представителей науки?

Я полагаю, что оно явилось, как реакция на слишком высокую оценку сновидений в древние времена. Как известно, реконструкция прошлого—дело нелегкое, но мы можем с уверенностью утверждать,—прошу разрешить мне эту шутку,—что наши предки уже 3000 лет тому назад и более видели такие же сны, как и мы. Однако, как известно, древние народы придавали большое значение сновидениям, полагая,

что ими можно пользоваться и для практических целей. Древние видели в сновидениях вещие откровения будущего и искали в них предзнаменований. Для греков и других восточных народов в те времена военный поход без участия толкователей сновидений был так же невозможен, как в настоящее время без пилотов-разведчиков.

Когда Александр Великий предпринял свой завоевательный поход, в свите его находились самые знаменитые толкователи сновидений того времени. Город Тир, лежавший тогда еще на острове, оказывал царю такое упорное сопротивление, что Александр начал уже подумывать о том, чтобы прекратить осаду. Но однажды ночью ему приснился сатир, носящийся в триумфальном танце. Когда Александр рассказал это сновидение толкователям, то узнал, что этим ему возвещена победа над городом. Тогда он приказал начать наступление и взял Тир. Этруски и римляне пользовались другими способами гадания о будущем, но в течение всего греко-римского периода толкование сновидений было в большом ходу и в почете. Из посвященной этому вопросу литературы до нас дошло, по крайней мере, главное произведение, книга Артемидора из Далдиса, которую относят к эпохе царствования императора Адриана. Я не могу вам сказать, каким образом впоследствии оказалось, что искусство снотолкования пало, и утерялась вера в сновидения. Развитие просвещения не могло при этом сыграть большую роль, т. к. темное средневековье сохранило гораздо более абсурдные вещи, чем античное толкование сновидений. Факт тот, что интерес к сновидениям постепенно упал до степени темного суеверия и сохранился только у простонародья. В наше время последним видом злоупотребления толкованием сновидений являются попытки некоторых лиц угадать, основываясь на сновидениях, числа, которым суждено выиграть в маленьком лотто. Правда, точная наука настоящего времени неоднократно занималась вопросом о сновидениях, но всегда только с целью применить к ним предвзятые психологические теории. Врачи, разумеется, видели в сновидениях не психический акт, а проявление в области душевной сферы соматических раздражений. Binz в 1876 году объявил сновидение „физическим процессом“, во всех случаях бесполезным, во многих прямо болезненным, над которым мировая

душа и бессмертие высятся так же, как синий эфир над равниной глубокой низменности, поросшей сорной травой. Mourly сравнивает сновидение с беспорядочными судорогами пляски св. Витта в противоположность координированным движениям нормального человека. Старое сравнение этого рода проводит параллель между сновидением и звуками, производимым человеком, не умеющим играть, но проводящим одновременно всеми пятью пальцами по клавишам пианино. Толковать — значит найти скрытый смысл, но при вышеуказанной оценке сновидения, разумеется, о толковании не может быть и речи. Прочтите описание сновидения у Wundt'а, Jodl'а и других философов,—они довольствуются перечислением отличий сновидения от бодрственного мышления в унизительных для сновидения выражениях, подчеркивая распад ассоциаций, отсутствие критики, исключение всякого влияния каких-либо знаний и другие признаки пониженной работоспособности психики. Единственный ценный вклад в учение о сновидениях, которым мы обязаны точной науке, относится к влиянию на сновидение действующих во время сна физических раздражений. Недавно умерший норвежский автор J. Mourly Vold оставил нам два толстых тома экспериментального исследования сновидений (1910 и 1912 переведены на немецкий язык), посвященных почти исключительно вопросу о влиянии изменения положения различных членов во время сна. Их ставят нам в пример, как образец точных исследований сновидений. Вы можете себе поэтому представить, что сказали бы жрецы точной науки, если бы узнали, что мы хотим попробовать найти смысл сновидений, но, может-быть, они уж высказались по этому поводу. Так пусть их слова не запугают нас. Если оказалось, что ошибочные действия могут иметь смысл, то то же самое может случиться и со сновидениями. А ошибочные действия очень часто имеют смысл, оставшийся до настоящего времени неизвестным для науки. Присоединимся поэтому к предрассудкам древних и малообразованных масс и пойдем по стопам античных толкователей сновидений.

Прежде всего мы должны ориентироваться в наших заданиях, сделать обзор всей области сновидений, что, собственно, такое сновидение? Трудно определить это в одном предложении. Мы и не будем давать определения, раз до-

статочно только указать на хорошо всем известный факт. Но нам все же следовало бы подчеркнуть самое существенное в сновидении.

Но где же его найти? Различий очень много в интересующей нас области, и различий во всех отношениях. Самым же существенным, пожалуй, будет то, что обще всем сновидениям.

Первый общий всем сновидениям признак—тот, что сновидения можно видеть только во время сна. Очевидно, сновидения представляют собой душевные процессы во время сна и хотя имеют известное сходство с душевной жизнью во время бодрствования, но вместе с тем и резко отличаются от него. Так гласит определение Аристотеля. Быть может, между сновидением и сном имеется и более тесная связь. Сновидение может повлечь за собой пробуждение от сна. Часто видят сон в момент естественного или насильственного пробуждения. Повидимому, сновидение представляет из себя состояние среднее между сном и бодрствованием. Но в таком случае нам приходится обратиться ко сну. Что же такое сон?

Вот физиологическая и биологическая проблема, в которой еще много спорного. Тут мы не можем притти ни к каким определенным заключениям, но, мне кажется, мы все же должны попробовать дать психологическую характеристику сна. Итак, сон—это такое состояние, в котором я ничего знать не хочу о внешнем мире, в котором у меня пропал интерес к этому миру. Я погружаюсь в сон благодаря тому, что ухожу от этого мира и отстраняю от себя его раздражения. Я также засыпаю, когда устаю от этого мира. Засыпая, я, следовательно, говорю внешнему миру: оставь меня в покое, потому что я хочу спать. Ребенок, наоборот, говорит: я еще не хочу спать, я еще не устал, я хочу еще что-нибудь пережить. Психологической целью сна является, повидимому, отдых; его психологическим признаком—потеря интереса к внешнему миру. Наше отношение к миру, в который мы явились так неохотно, обусловливает, повидимому, то, что мы не в силах его переносить долгое время без перерыва. Поэтому мы временно возвращаемся в состояние, в котором находились до появления на свет, т.-е. в состояние внутриутробного существования. По край-

ней мере мы создаем себе условия, совершенно сходные с теми, какие были тогда: тепло, темно, и ничто не раздражает. Некоторые из нас для того, чтобы заснуть, еще сворачиваются в маленький клубок и придают своему телу совершенно такое же положение, как в материнской утробе. Мир словно владеет нами взрослыми не вполне, а лишь на две трети: на одну треть мы еще вообще не родились. Всякое пробуждение утром в таком случае подобно новому рождению на свет. Мы и выражаемся о состоянии после сна следующими словами: будто мы снова родились—при этом мы делаем, вероятно, совершенно ложное предположение об общем самочувствии новорожденного. Есть основание предполагать, что новорожденному скорее не совсем по себе. Мы выражаемся о родившемся ребенке: он увидел свет.

Если такова сущность сна, то сновидение, вообще, не входит в его программу, а скорее кажется нежелательной помехой. Мы, действительно, считаем, что сон без сновидений самый лучший, единственно правильный. Во время сна не должно быть душевной деятельности; если же она все-таки не совсем замирает, то, значит, не удалось установить фетального состояния полного покоя; не удалось совершенно освободиться от последних остатков душевной деятельности. Вот эти-то остатки и представляют из себя сновидения. Но в таком случае, кажется, в самом деле сновидение не должно иметь никакого смысла. При ошибочных действиях дело все же обстояло как будто совершенно по-другому: ведь там была деятельность во время бодрствования. Но во время сна, когда душевная деятельность приостановилась и когда не удается заглушить некоторых ее остатков, почему же необходимо думать, что эти остатки должны иметь еще какой-нибудь смысл? Да и к чему же этот смысл, раз все спит в душевной жизни. Тут уж, действительно, речь может итти самое большее о судорожных реакциях, о таких душевных феноменах, которые наступают только вследствие соматических раздражений. Если все это верно, то сновидения в таком случае оказались бы только остатками душевной деятельности во время бодрствования, мешающими сну. Но тогда мы совершенно спокойно можем оставить эту неподходящую для психоанализа тему.

Однако ведь, если сновидение излишне, то оно все же существует, и мы можем поэтому попытаться уяснить себе сущность его существования. Почему душевная жизнь на засыпает вполне и окончательно? Вероятно, что-то не дает душе покоя. На нее действуют какие-то раздражения, и ей приходится на них реагировать.

Сновидение, следовательно, представляет из себя форму реакции души на действующие во время сна раздражения. Тут намечается новый подход к пониманию сновидения. В различных сновидениях мы и можем искать эти раздражения, нарушающие сон и вызывающие реакцию в виде сновидений. Но этим мы уже определили первую общую всем сновидениям особенность.

Нет ли, однако, еще другого подобного свойства у сновидений? Несомненно есть, но его гораздо труднее объяснить, чем описать. Душевные процессы во время сна имеют совершенно другой характер, чем во время бодрствования. Во время сновидения переживаешь многое и веришь всему, тогда как в действительности ничего не переживаешь, — разве только одно, мешающее спать, раздражение. И переживаешь все преимущественно в зрительных образах. В этих переживаниях могут участвовать чувства и мысли, могут коечто ощущать и другие органы восприятия, но все же главнейшим образом преобладают зрительные образы. Трудности при словесной передаче сновидений происходят отчасти от того, что необходимо при этом описать словами эти зрительные образы. Я мог бы это нарисовать — часто заявляет лицо, видевшее сон, — но я не знаю, как это рассказать. В сущности, сновидение вовсе не представляет из себя ослабленной душевной деятельности, как, например, у слабоумного по сравнению с гениальным: это нечто качественно различное, но трудно сказать, в чем различие. G. Th. Fechner однажды высказал предположение, что арена, на которой разыгрывается сновидение, находится в другом месте (души), чем деятельность представлений во время бодрствования. Хотя мы этого не понимаем, не знаем, как себе это представить, но слова Fechner'а передают правильно то впечатление чего-то странного, которое производит на нас большинство сновидений. И сравнение сновидения со звуками, производимыми немузыкальной рукой, оказывается в таком случае несо-

стоятельным. Ведь рояль будет отвечать всякий раз, когда рука случайно дотронется до клавишей, хотя и не мелодиями, но во всяком случае теми же звуками. Эту вторую особенность, общую всем сновидениям, а именно преобладание в них зрительных образов, мы постараемся себе хорошо заметить, хотя она и остается пока непонятной.

Нет ли еще каких-нибудь особенностей, общих для всех сновидений? Я не нахожу больше ни одной и вижу во всем только различия и во всех отношениях. Различия эти наблюдаются в продолжительности их, в ясности, в аффективной окраске и в способности сохраняться в памяти.

Все происходит вовсе не так, как следовало бы ожидать при насильственном, скудном, судорожном отражении в психике какого-нибудь раздражения. Что касается длительности сновидения, то бывают очень короткие сны, содержащие лишь одну или несколько картин, одну мысль, даже одно только слово; другие сновидения очень богаты содержанием, в них разыгрываются целые романы и, повидимому, они длятся очень долго. Бывают сновидения яркие, как реальные переживания, настолько яркие, что даже после пробуждения мы еще в течение некоторого времени не признаем в них сновидений. Но встречаются и невыразимо слабые сновидения, расплывчатые, как тени. Даже в одном и том же сновидении могут чередоваться очень яркие с почти до неуловимости неясными частями. Сновидения могут иметь вполне определенный смысл или, по крайней мере, быть связными, даже остроумными, фантастически прекрасными. В одних сновидениях мы остаемся совершенно равнодушными, другие будят в нас аффекты, и мы испытываем боль до слез, страх до того сильный, что просыпаемся, удивление, восторг и т. д. По большей части сновидения по пробуждении быстро забываются, но случается, что они сохраняются в памяти в течение всего дня, постепенно к вечеру становясь все более бледными и отрывочными; а другие, например, детские сны сохраняются в памяти так хорошо, что тридцать лет спустя они еще живы, как свежие переживания. Сновидения, как индивиды, могут явиться один только раз и никогда больше не повторяться, или же они повторяются у одного и того же лица неизменными или с маленькими отступлениями. Одним словом,

этот крохотный уголок ночной душевной деятельности располагает огромным репертуаром, может, в сущности, проделывать все, что творит душа днем, но все-таки это не то же самое.

Можно было бы попробовать объяснить все это многообразие сновидений, исходя из предположения, что оно соответствует различным промежуточным стадиям между сном и бодрствованием, различным степеням неглубокого сна. Допустим, что это так, но ведь тогда с увеличением ценности содержания и яркости сновидения должна была бы возрасти и уверенность сознания, что видишь сон, так как при таких сновидениях душа должна была бы быть близкой к пробуждению. Точно также рядом с яркой и разумной частью сновидения не могла бы в таком случае находиться неясная, бессмысленная часть его, за которой следует опять хорошая, разработанная часть. Конечно, душа не в состоянии так быстро менять глубину своего сна. Это объяснение поэтому нам ничего не дает; вообще дело тут не так-то просто.

Откажемся пока от мысли, что сновидения имеют „смысл“, но постараемся лучше понять сновидения, исходя из общих их свойств. Из отношения сновидений ко сну мы заключили, что сновидение является реакцией на нарушающее сон раздражение. Как мы уже слышали, только в этом единственном вопросе точная экспериментальная психология может притти на помощь, она приводит доказательства того, что раздражения, производимые во время сна, появляются в сновидении. Таких опытов было сделано очень много, в том числе и упомянутым Mourly Vold. „Каждый из нас в состоянии подтвердить этот вывод на основании личных наблюдений. Я выберу несколько старых экспериментов“. Mourly произвел несколько опытов над самим собой. Во время сна ему дали понюхать кельнского одеколона. Ему снилось, что он находится в Каире в магазине Johann Marina Farina, а затем последовал ряд невероятных приключений. Или: его слегка ущипнули в затылок; ему снится нарывной пластырь и врач, лечивший его в детстве. Или: ему налили на лоб каплю воды. Тогда он очутился в Италии, сильно потел и пил белое вино „Орвието“.

В других сновидениях, вызванных внешними раздражениями, мы можем еще яснее увидеть то, что наблюдается в указанных, полученных экспериментальным путем снах. Тонкий и остроумный наблюдатель Hildebrand сообщает три своих сновидения, явившихся реакцией на звон будильника:

„Итак, весенним утром я отправляюсь погулять и, бродя по зеленеющим полям, прихожу в соседнюю деревню. Там я вижу жителей деревни в праздничных платьях с молитвенниками в руках, большой толпой направляющихся в церковь. В самом деле, сегодня воскресенье и скоро начнется ранняя обедня. Я решаю принять в ней участие, но сперва отдохнуть немного на кладбище, окружающем церковь, так как я немного разгорячен ходьбой. В это время, читая различные надписи на могилах, я слышу, как звонарь поднимается на колокольню, и замечаю на верхушке ее небольшой деревенский колокол, который должен возвестить начало богослужения. Некоторое время он висит еще неподвижно, но затем начинает колебаться — и, вдруг, раздаются его громкие, пронзительные звуки, до того громкие и пронзительные, что я просыпаюсь. Оказывается, что эти звуки издает колокольчик будильника“.

„Вторая комбинация. Ясный зимний день: улицы еще покрыты снегом. Я обещал принять участие в прогулке на санях, но мне приходится долго ждать, пока мне сообщат, что сани стоят у ворот. Тогда начинаются приготовления к тому, чтоб усесться—надевается шуба, вытаскивается ножной мешок—и, наконец, я сижу на своем месте. Но отъезд затягивается, пока вожжами не дается знак нетерпеливым лошадям. Они трогаются с места; сильно трясущиеся колокольчики начинают свою знаменитую янычарскую музыку с такой силой, что призрачная ткань сновидения сейчас же разрывается. Опять это не что иное, как резкий звон будильника“.

Еще третий пример. „Я вижу, как кухонная девушка проходит по коридору в столовую, держа в руках несколько дюжин тарелок, поставленных одна на другую. Мне даже кажется, что фарфоровой колонне, находящейся в ее руках, грозит опасность потерять равновесие. „Берегись, — предупреждаю я, — весь груз полетит на землю“. Разумеется, следует неизбежное возражение: уже, мол, не в пер-

вый раз, я уже привыкла и т. п., между тем как я все еще не спускаю беспокойного взора с идущей. И в самом деле, на пороге она спотыкается—хрупкая посуда с треском и звоном разлетается кругом по полу сотнями осколков. Но скоро я замечаю, что бесконечно продолжающийся звон похож вовсе не на треск посуды, а на настоящий звон и виновником этого звона, как я понимаю, уже, наконец, проснувшись, является будильник".

Сны эти довольно выразительны, имеют определенный смысл, вовсе не так бессвязны, как это обыкновенно бывает. Мы не станем поэтому что-нибудь возражать против них. Общее в них то, что положение всякий раз кончается шумом, который при пробуждении оказывается звоном будильника. И мы видим в этом случае не только раздражение, вызывающее сновидение,—но узнаем еще нечто большее. Сновидение, оказывается, не узнает будильника; последний в нем не фигурирует—звон колокольчика будильника заменяется в нем другим звуком. Сновидение истолковывает раздражение, нарушающее сон, и толкует его всякий раз по-иному. Почему же это так? На это не дается ответа, и получается впечатление, будто это совершенно произвольно. Но ведь понять сновидение значит быть в состоянии указать, почему оно истолковало будящее раздражение именно таким образом. Совершенно то же можно возразить против опытов Mourly: вполне очевидно, что определенное раздражение проявляется во сне; но почему оно проявляется именно в данной форме—об этом в объяснении ничего не говорится, между тем как форма эта вовсе не вытекает из природы нарушающего сон раздражения. К тому же в опытах Mourly к непосредственному влиянию раздражения большей частью присоединяется еще множество других матерьялов сновидения, например, дикие приключения в сновидении с кельнским одеколоном, которым совершенно невозможно найти объяснение в условиях опыта.

Но примите еще во внимание, что при сновидениях, от которых просыпаются, больше всего шансов определить влияние внешних раздражений, помешавших спу. В большинстве же других случаев это гораздо труднее. Ведь просыпаются не от всех сновидений; возможно ли в таком случае, вспоминая утром ночное сновидение, найти помешавшее раздра-

жение, которое, может быть, ночью оказало влияние на сновидение. Однажды мне удалось уже позже установить такой раздражающий шум, разумеется, благодаря только особым обстоятельствам. Однажды утром я проснулся в одном горном тирольском отеле с уверенностью, что видел во сне, будто умер римский папа. Я не мог объяснить себе этого сновидения, но тут жена пришла мне на помощь, спросив меня: „Слышал ли ты сегодня к утру ужасный трезвон, раздававшийся во всех окружных церквах и капеллах?» Нет, я ничего не слышал, мой сон не был нарушен: но, благодаря этому вопросу, я понял мое сновидение. Как часто подобные обстоятельства вызывают у спящего сновидения, а он между тем впоследствии об этом ничего не знает? Возможно, что это бывает очень часто,—но может быть и нет. Раз нет возможности доказать, что раздражение имело место,—то невозможно и убедиться в этом. Но ведь мы и без того отказались от оценки значения раздражения, мешающего сну, когда узнали, что это раздражение в состоянии объяснить только частицу сновидения, а не все его содержание полностью.

Поэтому нам и незачем совершенно отказываться от излагаемой теории, тем более, что она в дальнейшем может получить более полное развитие. Очевидно, совершенно безразлично, что̀ именно нарушило сон и вызвало сновидение. Если в одном каком-нибудь случае и не было внешнего чувственного раздражения, то его могло заменить раздражение,—исходящее из внутренних органов, так называемое органическое раздражение (Leibreiz). Такое предположение напрашивается само, и оно также совпадает с очень распространенным взглядом на образование сновидений, согласно которому сны возникают в связи с состояниями желудка. К сожалению, и в данном случае приходится предполагать, что по пробуждении часто исчезает возможность доказать, было ли ночью какое-нибудь внутреннее раздражение, помешавшее спать, и потому действие такого раздражения остается недоказуемым. Но не будем закрывать глаза на многие верные наблюдения, подтверждающие мнение, что сны вызываются раздражением внутренних органов. В общем несомненно, что состояние внутренних органов может влиять на сновидения. Связь между содержанием сновидения и

переполнением мочевого пузыря или возбуждением половых органов до того очевидна, что нельзя ее отрицать. От этих ясных случаев можно перейти к другим, в которых содержание сновидения дает, по крайней мере, основание предполагать, что раздражение внутренних органов оказало на них влияние, так как в этом содержании имеются элементы, которые могут быть поняты, как переработка, толкование и изображение этих раздражений. Исследователь сновидений Scherner (1861) особенно защищал то мнение, что сновидения происходят от раздражений из внутренних органов, и привел этому несколько прекрасных примеров. Так, например сон, в котором „два ряда красивых мальчиков с белокурыми волосами и нежным цветом лица стоят один против другого в боевом порядке, бросаются друг на друга, борются, потом опять отходят в прежнее положение и опять проделывают всю сцену с самого начала“, — он объясняет таким образом, что это два ряда мальчиков обозначают зубы. И мы должны согласиться, что такое толкование кажется нам вполне приемлемым, тем более, что оно получает в дальнейшем подтверждение, так как вслед за этой сценой видевший этот сон „извлекает из своей челюсти длинный зуб“. Также правдоподобно толкование, усматривающее в длинных узких извилистых ходах кишечные раздражения. Оно подтверждает положение Scherner'а, что сновидения прежде всего стараются изобразить орган, вызывавший раздражение, при помощи сходных с этим органом предметов.

Итак, мы должны согласиться с тем, что внутренние раздражения могут играть в сновидении ту же роль, что и внешние. Но, к сожалению, оценка значения этих раздражений встречает те же возражения, что и оценка внешних. В большинстве случаев объяснение сновидений, как дериватов раздражения от внутренних органов, остается под сомнением и не может быть доказано. Кроме того, предположение, что в образовании сновидения принимали участие раздражения из внутренних органов, может возникнуть далеко не относительно всех сновидений, а только о некоторой их части. Наконец, раздражение от внутренних органов, как и раздражение внешних чувств в сновидении может объяснить только тот отрывок его, который непосредственно соответствует реакции на данное раздражение.

И вопрос: откуда берется все остальное в сновидении — остается попрежнему без ответа.

Но обратим внимание на одну особенность душевной жизни сновидений, наблюдаемую при изучении влияния раздражений. Сновидение не просто воспроизводит раздражение, а перерабатывает его, делает на него намеки, приводит его в связь с другими элементами или заменяет его чем-нибудь другим. Эта особенность работы сновидения кажется нам чрезвычайно интересной, и возможно, что, быть может, она поможет нам ближе подойти к сущности сновидения. Ведь если кто-нибудь под влиянием определенного побуждения совершает какую-нибудь работу, то разве все, сделанное им, должно непременно исчерпываться только этим побуждением? Например, драма „Макбет“ Шекспира создалась по определенному поводу: в честь восшествия на престол короля, впервые возложившего на свою голову короны всех трех стран „Великобритании“. Но разве этот исторический повод вполне исчерпывает сущность и содержание драмы, разве он объясняет нам ее величие и загадки? Точно так же и внешние и внутренние раздражения, действующие на спящего, может быть, являются только возбудителями сновидения, но не объясняют его сущности.

Второе, общее всем сновидениям свойство, а именно, что сны переживаются нами по большей части в виде зрительных образов, с одной стороны трудно уловимо, а с другой — не дает исходных точек для дальнейшего исследования. Действительно, могут ли какие-нибудь внутренние или внешние раздражения вполне объяснить это явление? Происходит ли оно вследствие испытываемых нами тех или иных раздражений? Почему переживание во сне принимает зрительный образ, когда сновидение только в самых редких случаях вызывается раздражением глаз? А в тех случаях, когда снятся речи, действительно ли возможно, что до слуха спящего доносился разговор или похожий на него шум? Я позволю себе категорически отрицать эту возможность.

Но если мы не можем подвинуться в нашем исследовании, исходя из общих свойств сновидений, то попытаемся подойти к вопросу со стороны различий этих свойств. Сновидения часто бывают бессмыслены, спутаны, абсурдны, но встречаются и осмысленные, трезвые, разумные снови-

дения. Посмотрим, не смогут ли эти последние дать нам кое-какие объяснения относительно первых. Сообщу вам для примера рассказанное мне разумное сновидение одного молодого человека: „Я гулял по Кертнерштрассе, встретил там господина X., с которым короткое время гулял, а затем зашел в ресторан. К моему столу присели две дамы и один господин. Сначала меня это разозлило, и я не хотел на них взглянуть. Потом я посмотрел и нашел, что дамы довольно милы“. По поводу сновидения молодой человек замечает следующее: вечером, накануне сновидения, он, действительно, проходил по Кертнерштрассе—это был его обычный путь—и встретил там господина X. Другая часть сновидения, хотя и не составляет прямого воспоминания, все-таки имеет некоторое сходство с переживанием последнего времени. А вот другое, „трезвое“, сновидение одной дамы: „Муж ее спрашивает: не настроить ли пианино? Она отвечает: не стоит, оно и без того должно быть заново обшито кожей“. Это сновидение повторяет почти дословно разговор, происходивший за день до сновидения между мужем и ею. Чему же учат нас эти два „трезвых“ сновидения? Только тому, что в них мы находим повторение сцен из реальной жизни предыдущего дня или из переживаний последнего времени. Это имело бы еще некоторую ценность, если бы то же самое можно было утверждать относительно всех сновидений. Но об этом не может быть и речи: это можно только сказать относительно небольшого числа сновидений. В большинстве же сновидений не удается найти ничего, что имело бы связь с событиями предшествовавшего дня, а на бессмысленные и абсурдные сновидения этим вообще не проливается свет. В результате перед нами встает новая задача. Теперь нам не только нужно узнать, о чем говорит сновидение, но даже в тех случаях, когда оно, как в приведенных примерах, как будто ясно выражено, у нас возникает вопрос: почему и для чего повторяются в сновидении переживания последнего времени?

Я полагаю, что вы и я только устанем, если и дальше будем продолжать в таком же духе. Мы видим, что недостаточно одного интереса к какой-нибудь проблеме; нужно еще знать путь, по которому можно притти к решению ее. А у нас до настоящего времени этого пути нет. Экспери-

ментальная психология дала нам только несколько очень ценных указаний относительно значения раздражения, как возбудителя сновидения. От философии нам не приходится ждать ничего другого, кроме разве повторения горделивых указаний на интеллектуальную малоценность объекта нашего исследования, а из оккультных наук мы, конечно, и сами не пожелали ничего заимствовать. История и глас народа говорят нам, что сновидение имеет смысл и значение, что оно предвидит будущее. Это трудно предполагать и уже наверное невозможно доказать. Таким образом, в наших первых попытках пролить свет на проблему сновидений мы оказались совершенно беспомощными.

Неожиданно к нам приходит помощь с той стороны, откуда мы ее совсем не ждали. Наша речь—явление далеко не случайное, а сокровищница глубочайшего, древнего познания, хотя пользоваться им можно лишь только с большой осторожностью, эта речь наша говорит о чем-то, что она странным образом называет „Tagträume" („дневные сновидения"), грезами на яву. Эти грезы—фантазии представляют из себя продукты работы фантазии. Явление это очень обычное и так же часто встречается у здоровых, как и у больных. Оно легко доступно изучению и на самом себе. Самое удивительное то, что этот продукт фантазии получил название „дневных сновидений", хотя в нем нет ни одного из свойств, общих всем сновидениям. Уже одно его название показывает, что оно не имеет никакого отношения ко сну. А что касается второго свойства сновидений, то при грезах только себе представляешь, но ничего не переживаешь и не галлюцинируешь. Сознаешь, что фантазируешь, при этом ничего не видишь, а только думаешь. Эти грезы появляются впервые в возрасте, предшествующем половой зрелости, часто даже в последние годы детства, длятся до зрелых лет и затем исчезают, или сохраняются до престарелого возраста. Содержание этих фантазий обусловлено весьма понятными мотивами. В большинстве случаев оно сводится к сценам и происшествиям, в которых находят удовлетворение эгоистические и властолюбивые потребности или эротические желания фантазирующего. У молодых мужчин по большей части на первый план выступают честолюбивые фантазии, у женщин, честолюбие которых ограничивается

любовными успехами, эротические; но довольно часто можно открыть и у мужчин эротическую подкладку их грез. Все их подвиги и успехи должны способствовать только любовным победам, вызывая восхищение женщин. Грезы эти, впрочем, очень разнообразны, и их судьба крайне изменчива. Каждая из них после короткого промежутка времени обрывается, уступая место другой, или же они сохраняются, развиваются в длительные цепи событий и приспособляются ко всем переменам жизненных условий. Они, так сказать, идут, „равняясь" с временем, и получают от него печать времени под влиянием новых жизненных условий. Они в то же время являются сырым материалом поэтического творчества, потому что поэт, перерабатывая свои грезы, создает положения и сцены, которые он затем вставляет в свои романы, новеллы, театральные пьесы. Но героем грез всегда является непосредственно только сам фантазирующий, иногда пользуясь довольно прозрачным отождествлением себя с кем-либо другим.

Быть может „дневные сновидения"получили это название благодаря тому, что они так же относятся к действительности, как сновидения. Таким образом подчеркивается тот факт, что их содержание так же мало реально, как содержание сновидений. Это сходство названий, может-быть, обусловливается еще неизвестным нам психическим характером сновидений. Но возможно и то, что мы вообще не в праве придавать значение такому сходству названия. Однако, все это для нас выяснится только впоследствии.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Предположения и техника толкования.

М. г.г. и м. г.г.! Итак, нам нужен новый метод, чтобы успешно продолжать наше исследование сновидения. По этому поводу я хочу вам сделать одно очень простое предложение: будем в дальнейшем изложении исходить из предположения, что сновидение представляет из себя не соматический, а психический феномен. Вы уже знаете, что это означает, но что же дает нам право сделать такое предположение? Ничего. Однако нет ничего, чтобы мешало нам сделать его. Дело заключается в следующем. Если сновидение представляет собой соматическое явление, то нам вообще нет до него никакого дела. Оно может нас интересовать только в том случае, если мы предполагаем в нем психический феномен. Поэтому попробуем продолжать наше исследование, исходя именно из такого предположения, и посмотрим, что из этого получится. Результат нашей работы покажет нам, сможем ли мы остаться при нашем предположении и настаивать на его правильности, или мы будем вынуждены от него отказаться. Но чего мы собственно добиваемся, с какой целью мы занимаемся исследованием сновидений? С целью добиться того, к чему вообще стремится всякая наука—понимать изучаемые явления, вскрыть связь между ними и в конечном итоге, где это только возможно, увеличить над ними нашу власть.

Поэтому мы будем продолжать работу, исходя из предположения, что сновидение есть психический феномен. В таком случае оно должно представлять из себя продукт

выражения переживаний лица, видевшего сновидение, однако, оно ничего нам не говорит и остается для нас непонятным. Но как вы поступите в том случае, если я вам что-нибудь расскажу, чего вы не поймете? Раньше всего, конечно, спросите у меня объяснения сновидения. Почему же нам не поступить таким же образом? Почему нам не расспросить видевшего сновидение, что оно обозначает?

Вспоминаете ли вы, что мы были уже однажды в таком же положении при исследовании некоторых ошибочных действий, именно случаев обмолвки? Некто оговорился: тут (произошли) zum Vorschwein gekommen вещи, и по этому поводу — к счастью, это были даже не мы, а другие, совершенно посторонние, непричастные к психоанализу, люди—спросили его, что он хотел собственно выразить этими непонятными словами. Спрошенный тотчас же ответил, что у него было намерение сказать: что были свинства, но что он подавил это намерение для другого, смягченного: тут произошли zum Vorschwein gekommen вещи. Уже тогда я вам заявил, что этот расспрос является прототипом психоаналитического исследования. Теперь вы понимаете, что психоанализ придерживается техники, состоящей в том, чтобы, поскольку это только возможно, заставить самого исследуемого дать разрешение всех интересующих его загадок. Поэтому желательно, чтобы видевший сон сам рассказал нам, что обозначает его сновидение.

Но, как известно, при сновидении дело не обстоит так просто. При ошибочных поступках в целом ряде случаев действительно удавалось добиться желаемых результатов, но нам, однако, встретились случаи, в которых спрошенный ничего не хотел отвечать и даже возмущенно возражал против тех объяснений, которые мы ему предлагали. При сновидении, случаев первого рода у нас как будто совершенно не бывает, видевший сон на наш вопрос отвечает всегда одним только незнанием. Отрицать наше толкование мы тоже не можем, потому что и мы ему не можем ничего объяснить. Не лучше ли нам совсем уже отказаться в таком случае от наших попыток объяснить сущность сновидения: ни он, ни мы ничего не знаем о смысле сновидений, и третий уже наверное ничего не может знать, так что у нас, пожалуй, не остается никакой

надежды что-нибудь узнать об этом. Ну что же, если вам угодно,—можете отказаться, но если такой отказ вас не удовлетворит, то мы можем продолжать наше исследование в указанном мною направлении, и тем более я стану настаивать на возможности и вероятности того, что видевшему сон все-таки известно значение его сновидения; он только не знает о своем знании и поэтому настаивает на своем незнании.

Вы, конечно, обратите мое внимание на то, что я опять делаю новое предположение, уже второе в этом коротком изложении, и что этим я, конечно, сильно подрываю достоверность всего метода. Мое первое предположение гласит, что сновидение представляет из себя психический феномен; следующее,—что в душе человека могут происходить явления, в сущности ему известные, хотя он может ничего не знать о них, и стоит только принять во внимание внутреннюю невероятность каждого из этих двух предположений, чтобы с спокойной совестью утерять всякий интерес к выводам, построенным из таких предположений.

Да, м. г.г. и м. г.г., я пригласил вас сюда не для того, чтобы подурачить вас или скрыть от вас истину. Хотя я и объявил курс „элементарных лекций по введению в психоанализ", но из этого вовсе не следует, что в мое намерение входило дать вам изложение ad usum delfini, изображая перед вами все сглаженным, тщательно скрывая от вас все трудности, заполняя все пробелы, скрывая все сомнения, чтобы вы с легким сердцем могли думать, что научились чему-то новому. Нет, именно потому, что вы только еще начинаете изучать этот вопрос, я хочу показать вам нашу науку такою, какая она есть, со всеми ее шероховатостями, трудностями, запросами и колебаниями. Я знаю, что ни в какой отрасли науки дело не обстоит иначе; особенно, если наука находится в начале своего развития, иначе это и не может быть. Я также знаю, что обыкновенно при преподавании стараются вначале скрыть от учащегося эти трудности и несовершенства предмета. Но при психоанализе это невозможно; сознаюсь, что я, действительно, сделал два предположения, одно в пределах другого и кому все это кажется слишком трудным и шатким,— кто привык к большей достоверности и к изяществу выводов,

тот может отказаться итти с нами дальше. Я только полагал, что ему вообще не следовало бы касаться психологических проблем, потому что можно бояться, что здесь он не встретит тех точных и достоверных путей, по которым он был бы готов следовать. Да и совершенно излишне для научной дисциплины, которая может добиваться того, чтобы внести известный вклад в общую сокровищницу науки, чтобы ее услышали и набирать себе сторонников. Ее результаты должны говорить за нее сами, и она может спокойно ждать, пока эти результаты не привлекут к себе внимания.

Но тех из вас, кто захочет продолжать наши занятия, я считаю нужным предупредить, что оба мои предположения не одинаковы. Первое, что сновидение психический феномен, мы хотим доказать результатами нашей работы; второе уже доказано в другой области науки, и я только беру на себя смелость применить ее к нашей проблеме.

Но где же, в какой области науки приведено было доказательство, что у человека может быть такое знание, о котором самому ему ничего не известно, подобно тому, как мы здесь допускаем у видевшего сновидение? Ведь это был бы замечательный, поразительный факт, меняющий наше представление о душевной жизни, и такой факт незачем держать в секрете. Действительно, ведь этот факт как будто отрицает то, что утверждает (знать, чего не знаешь) и все же претендует на реальное существование, ведь это contradictio in adjecto. Совершенно верно, но, однако, этот факт хорошо известен и не его вина, если о нем ничего не знают или недостаточно в него вдумываются. Точно так же, как не наша вина, что обо всех этих психологических проблемах судят люди, которые стоят в стороне от наблюдений и опытов, имеющих в данном вопросе решающее значение.

Это доказательство приведено в области гипнотических явлений. Когда я в 1889 году видел убедительные демонстрации Liebault и Bernheim'a в Nancy, я был свидетелем также и следующего опыта. Когда, приведя человека в сомнамбулическое состояние, заставляют его переживать галлюцинаторно-разнообразные положения, а затем будят его, то сначала получается впечатление, что он ничего не знает о том, что произошло во время его гипнотического сна. Bernheim предлагал загипнотизированному рассказать все,

что с ним происходило во время гипноза, но тот сначала утверждал, что ничего не может вспомнить. Однако Bernheim настаивал, допрашивал, уверял, что тот все знает и должен вспомнить—и вот загипнотизированный начинает колебаться, потом припоминать сначала смутно: вспоминает одно из внушенных ему переживаний, затем другое, воспоминания воскресают все яснее, все полнее и, наконец, всплывают полностью безо всяких пробелов. Но так как он все это знал, как затем оказалось, между тем никто ему ничего об этом не сообщал, то вполне правильно сделать заключение, что он и раньше знал все то, что мог затем припомнить и рассказать. Эти воспоминания были ему только недоступны, он не знал, что они у него есть, он полагал, что ничего не знает, т.-е., то же самое, что предполагаем мы у видевшего сновидение.

Надеюсь, что вас поразит этот факт, и вы спросите меня: почему вы не сослались на это доказательство уже раньше, при ошибочных действиях, когда мы приписывали человеку, сделавшему обмолвку намерения, о которых он ничего не знал и которые отрицал? Если кто-нибудь думает, что ничего не знает о переживаниях, воспоминания о которых все же где-то у него хранятся, то весьма вероятно, что он может ничего не знать и о других процессах в своей душе. Это доказательство наверное произвело бы на нас глубокое впечатление и способствовало бы нашему пониманию ошибочных поступков. Разумеется, я мог бы на это сослаться уже тогда, но я отложил до другого раза, где это мне казалось более необходимым. Ведь часть ошибочных действий разъяснилась сама собой. Другая часть их заставляла нас для общей связи явлений допустить существование несознаваемых душевных процессов. При сновидении мы вынуждены пользоваться доказательствами из других областей. Кроме того, я считаюсь с тем, что в случае сновидений вы легче допустите применение какого-нибудь положения из области гипноза. Состояние сознания, в котором мы совершаем ошибочное действие, должно вам показаться нормальным, в нем нет ничего похожего на гипнотическое состояние. Но между гипнотическим состоянием и состоянием сна, обусловливающим возможность видеть сновидения, имеется несомненно много родственного. Ведь гипноз называется

искусственным сном, мы говорим человеку, которого гипнотизируем: спите—и внушения, которое мы ему делаем, можно уподобить сновидениям во время естественного сна. Психические состояния в обоих случаях действительно аналогичны. Во время естественного сна наш интерес отвлекается от всего внешнего мира, почти то же происходит в гипнотическом сне, когда мы остаемся в комнате только с тем лицом, которое нас загипнотизировало. Впрочем, так называемый сон кормилицы, при котором она находится в контакте с ребенком и только им может быть разбужена, составляет полную параллель гипнотическому сну. Перенесение известных особенностей гипноза на естественный сон не может поэтому казаться нам слишком смелым. Вовсе не таким уж беспочвенным поэтому кажется предположение, что у видевшего сон имеется какое-то недоступное ему и не сознаваемое им знание о его сновидении. Кстати заметим, что тут нам открывается третий подход к изучению сновидения: мы можем исходить из раздражений, нарушающих сон, из дневных грез и, наконец, еще из внушенных в гипнотическом состоянии сновидений.

Теперь, когда наша уверенность, быть может, возросла, вернемся к нашей задаче. Итак, весьма вероятно, что видевший сон знает кое-что о своем сновидении, дело заключается лишь в том, чтобы дать ему возможность открыть у себя это свое знание и сообщить его нам. Мы не требуем, чтобы он тотчас же, немедленно рассказал нам смысл своего сновидения, но по крайней мере он может нам открыть происхождение сна, круг мыслей и интересов, из которых происходит сон. Вы вспоминаете, что в описанном нами случае ошибочного действия у кого-то спросили, откуда у него взялась обмолвка „Vorschwein“, и первое, что пришло ему в голову, объяснило нам его обмолвку. Наша техника при сновидении очень проста, она такая же, как и в этом примере. Мы снова спросим видевшего сновидение, откуда оно у него взялось, и первое его показание будем считать объяснением. Мы не будем обращать внимания на то, думает ли видевший сон, что знает его причину, или не думает этого, и поступим в обоих случаях совершенно одинаково.

Эта техника, конечно, очень проста, но я боюсь, что она вызовет у вас самый резкий отпор. Вы скажете: вот

еще новое предположение, третье по счету и притом самое невероятное! Если я спрашиваю у видевшего сновидение, что ему приходит в голову по поводу его сновидения, то почему, как раз в первой же мысли, какая ему взбредет в голову, должно заключаться ожидаемое объяснение. Ведь ему может вообще ничего не притти в голову или может взбрести бог знает что́. Непонятно, как можно даже предполагать нечто подобное. Вот уже действительно это значит проявить слишком много доверия там, где уместнее было бы критическое отношение. Кроме того, ведь сновидение состоит не из одного только неправильного слова, а из многих элементов. Какой же мысли, пришедшей случайно в голову следует отдать предпочтение?

Вы правы, но только в том, что касается второстепенных деталей. Действительно, сновидение отличается от обмолвки большим количеством элементов. С этим технике необходимо считаться, и я поэтому предлагаю вам разбить сновидение на его элементы и исследовать каждый такой элемент в отдельности. Тогда не будет нарушена аналогия с оговоркой. Вы правы, конечно, и в том, что по поводу того или другого отдельного элемента сна не все придет в голову; видевший сон может ответить, что ему ничего не приходит в голову. Конечно, бывают отдельные случаи, когда мы удовлетворяемся таким ответом,—какие это случаи, об этом вы узнаете потом, и замечательно, что это относится к тем случаям, относительно которых у нас самих могут явиться те или иные предположения. Но в общем, если видевший сон будет утверждать, что ему ничего не приходит в голову, мы не согласимся с ним. Мы будем настаивать на своем, будем его уверять, что хотя бы что-нибудь должно ему притти в голову и мы окажемся правы. В конце-концов какая-нибудь мысль да взбредет ему в голову, какая именно, это для нас безразлично. Особенно же легко будет ему давать нам те сведения, которые можно было бы назвать историческими. Например, он скажет: „вот это случилось вчера (как в двух известных уже нам „трезвых“ сновидениях)“, или: „это мне напоминает что-то недавно случившееся“. Таким образом мы можем заметить, что связь сновидений с впечатлениями последних дней встречается гораздо чаще, чем мы предполагали раньше. Наконец, исходя

из сновидения, видевший его припомнит и более отдаленные, возможно даже очень давние, события.

Но в главном вы не правы. Вы глубоко ошиблись, считая произвольным предположение, что первая же мысль, возникшая у видевшего сновидение, дает искомое объяснение или должна привести к таковому. Неверно, что мысль эта может быть совершенно случайной, вне всякой связи с искомым, и что, если ждать чего-нибудь другого, то это могло бы также случиться. Я уже однажды позволил себе указать вам, что в вас глубоко внедрена вера в психическую свободу и в произвол; но вера эта противоречит научному пониманию и должна сложить оружие перед требованиями детерминизма, господствующего также и в области душевной жизни. Я прошу вас считаться с фактом, что спрошенному пришла в голову именно эта мысль и никакая другая. Однако я не хочу противопоставить одной вере другую. Я могу доказать, что возникшая у спрошенного мысль не произвольна, но определенна и имеет связь с тем, что мы ищем. Недавно я узнал,—не придавая, впрочем, этому слишком большого значения,—что экспериментальная психология привела этому доказательство.

В виду огромного значения вопроса прошу вашего исключительного внимания. Если я прошу кого-нибудь сказать мне, что ему приходит в голову по поводу определенного элемента сновидения, то я требую от него, чтобы он отдался свободным ассоциациям, *исходя из одного определенного представления*. Для этого необходимо особое направление внимания, совсем иное, чем при обдумывании, и несовместимое с этим последним. Некоторым это удается легко, другие при таком опыте проявляют невероятно большую неспособность. Возможна еще большая степень свободы ассоциаций, а именно, если не пользуются таким исходным представлением, а определяется только вид и род возникающей мысли, например, если требуется, чтобы в голову пришло только собственное имя или какое-нибудь число. Таким образом возникшая мысль должна была бы быть еще более произвольной, еще более неожиданной, чем при нашей технике. Однако можно доказать, что возникшая мысль всегда строго детерминирована внутренним направлением внимания, хотя мы так же мало знаем о нем,

в момент его действия, как и о мешающей тенденции ошибочных действий или о провоцирующей случайные действия.

Я и после меня многие другие неоднократно проделывали такие опыты с именами и числами, самопроизвольно возникающими в мыслях, и некоторые из этих опытов были опубликованы. Поступают при этом следующим образом: вызывают ряд беспрерывных ассоциаций к пришедшему в голову имени и продолжают ассоциирование до тех пор, пока не наступает момент, когда исчерпывается побуждение к дальнейшему ассоциированию. Такого рода ассоциации, понятно, уже не совсем свободны, а, подобно мыслям, возникающим по поводу отдельных элементов сновидения, исходят от какого-нибудь данного представления. В результате такого опыта мотивировка и значение свободно возникающего имени становится вполне понятной и ясной. Эти опыты всегда приводят к одним и тем же результатам. К сожалению, сообщение о них связано с необходимостью изложить большой фактический материал и нуждается в подробных разъяснениях. Особенно показательны ассоциации от свободно возникающих чисел: они протекают так быстро и направляются с такой странной уверенностью к скрытой цели, что действуют ошеломляюще. Я сообщу вам только один пример такого анализа имени, так как, к счастью, его можно исчерпать изложением небольшого фактического материала.

Во время лечения одного молодого человека мне пришлось говорить с ним на обсуждаемую нами тему, и я упоминаю о правиле, что, несмотря на кажущийся произвол в психической жизни, в сознании не может всплыть даже какое-нибудь имя без того, чтобы оно не оказалось глубоко обусловленным ближайшими обстоятельствами, общим положением и особенностями лица, над которым производится эксперимент. Так как он сомневается, то я предлагаю ему, не откладывая, сейчас же сделать соответствующий опыт. Мне было известно, что у него имеется особенно много различных отношений к женщинам и девушкам, и я поэтому полагал, что если он сделает усилие, необходимое для того, чтобы ему пришло в голову какое-нибудь женское имя, то дело не станет за выбором. Он с этим соглашается. Но к моему или, вернее, к его удивле-

нию на меня вовсе не катится лавина женских имен, а, помолчав некоторое время, он сознается, что ему пришло в голову только одно имя: Albine. „Удивительно, но что же связывается у вас с этим именем? Сколько вы знаете Альбин?“ Странно, он не знает ни одной Альбины и по поводу этого имени ему ничего не приходит в голову. Итак, как будто выходит, что анализ не удался; но нет, совсем наоборот, он был уже закончен и не требовалось уже никаких других пояснений. У этого господина цвет волос был необычайно светел, и во время лечения я его неоднократно в шутку называл Albino; а в то время мы как раз были заняты выяснением женского начала в его конституции. Вся суть в том, что он сам был этой Альбиной, в это время самой интересной для него женщиной.

Точно так же и непосредственно навязывающаяся мелодия, как оказывается, детерминирована мыслями, относящимися к этой мелодии, и содержание ее интересует данного человека, хотя он и не сознает этого. В таких случаях легко доказать, что отношение к мелодии обусловлено ее словами или происхождением. Но в данном случае необходимо соблюдать осторожность и не распространять этого правила на действительно музыкальных людей, относительно которых у меня случайно нет опыта. Возможно, что такие люди могут вспоминать какую-нибудь мелодию исключительно благодаря ее музыкальному содержанию. Однако, первый случай встречается несомненно чаще. Так, например, я знаю одного молодого человека, которого в течение определенного времени преследовала прелестная песня Париса из „Прекрасной Елены“, пока анализ не обратил его внимания на то, что в то время его интересовали две соперницы, добивающиеся его благосклонности „Ида“ и „Елена“.

Если совершенно свободно возникающие представления детерминированы таким образом и подчинены определенному ходу мыслей, то мы имеем право заключить, что в не меньшей мере могут быть детерминированы и мысли, связанные с одним исходным представлением. Исследование, действительно, обнаруживает, что кроме связи, установленной нами по отношению к исходному представлению, у них можно установить еще одну зависимость от богатых аффектами мыслей интересов, **комплексов**, соучастие ко-

торых в момент их действия неизвестно, т.-е. остается бессознательным.

Возникающие в сознании мысли с указанной связью были предметом очень поучительных экспериментальных исследований, сыгравших в истории психоанализа очень большую роль. Школа Wundt'а предложила так называемый ассоциативный эксперимент, при котором испытуемому лицу предлагается как можно скорей ответить любой реакцией на сказанное ему слово—раздражитель. При таком эксперименте можно изучать временный интервал, протекший между раздражением и реакцией, особенности полученного в виде реакции ответа, ошибку, происшедшую при повторении того же опыта и тому подобное. Цюрихская школа под руководством Bleuler'а и Yung'а нашла объяснение реакции при ассоциативном эксперименте, предложив испытуемому лицу разъяснить дополнительными ассоциациями полученные реакции, если в них что-нибудь казалось странным. Тогда выяснилось, что эти странные ассоциации самым определенным образом детерминированы комплексами испытуемого лица. Этим Bleuler и Yung перебросили первый мост между экспериментальной психологией и психоанализом.

На основании этих научных данных вы можете сказать: „Ну, ладно, теперь мы определенно знаем, что свободно возникающие мысли детерминированы, а не произвольны, как мы думали это раньше. То же самое мы допускаем и по отношению к мыслям, возникающим по поводу элементов сновидения. Но ведь нам важно совсем не это. Ведь вы утверждаете, что мысль, возникающая по поводу элемента сновидения, детерминирована какой-то неизвестной нам психической основой именно этого элемента. А это нам кажется недоказанным. Для нас не будет неожиданностью, если мысль, возникшая по поводу элемента сновидения, окажется предопределенной каким-либо комплексом лица, видевшего сон. Но какая нам от этого польза? Это приближает нас не к пониманию сновидений, а только, подобно ассоциативному эксперименту, к знанию этих, так называемых комплексов. Но что у них общего с сновидением?“

Вы правы, но вы не заметили одного момента. Кстати, именно того, из-за которого я не избрал ассоциатив-

ный эксперимент исходной точкой моего изложения. При этом эксперименте одна из детерминант реакции, именно слово—раздражитель, избрана нами произвольно. Реакция является в таком случае посредником между словом—раздражителем и задетым им комплексом испытуемого лица. В сновидении слово—раздражитель заменен чем-то, что исходит из душевной жизни видевшего сон, из неизвестных ему источников, т.-е. из чего-то такого, что само легко может быть „отпрыском комплекса". Поэтому вполне логично предполагать, что и дальнейшие мысли, возникающие в связи с данным элементом сновидения, будут предопределены не каким-либо другим комплексом, а именно комплексом этого элемента и потому поведут к вскрытию именно его.

Позвольте мне на другом случае показать, что дело обстоит именно так, как мы думаем в нашем случае. Забывание собственных имен представляет из себя прекрасный пример для анализа сновидений. Здесь только в одном лице соединилось то, что при анализе сновидений распределяется между двумя. Если я временно забыл какое-нибудь имя, то во мне все-таки живет уверенность, что я знаю это имя, та уверенность, которую, по отношению к видевшему сон, мы могли приобрести только обходным путем, при помощи эксперимента Bernheim'а. Однако забытое, хотя и знакомое имя все-таки мне недоступно. Все усилия вспомнить его ни к чему не ведут; этому вскоре научает меня опыт. Но ведь нетрудно сделать так, чтобы вместо забытого имени мне пришло в голову одно или несколько других имен. Сходство этой ситуации с анализом сновидений становится особенно очевидным тогда, когда такое „заменяющее" имя пришло в голову мне самому. Ведь и элемент сновидения тоже не представляет из себя того, что нужно, а только заменяет нечто другое, „настоящее", которое мне неизвестно и должно быть найдено при помощи анализа сновидений. Различие опять-таки только в том, что при забывании имен я, не задумываясь, признаю „заменяющее" имя не настоящим, между тем как по отношению к элементу сновидения нам стоило большого труда усвоить себе такой взгляд. Но и при забывании имен есть путь от „заменяющего" имени к бессознательному настоящему, т.-е. к забытому имени. Если мое внимание сосредоточивается на этом

„заменяющем“ имени, и мне явятся в голову в связи с тем всякие новые мысли, то после более или менее короткого или длинного блуждания я набреду на забытое имя. И тогда окажется, что самопроизвольно явившиеся „заменяющие“ имена, как и имена, вызванные моими усилиями, имеют связь с забытым мною именем и были им детерминированы.

Я хочу рассказать вам случай такого анализа. Однажды я заметил, что забыл название маленькой страны на Ривьере, главный город которой Монте-Карло. Это было досадно, но ничего не поделаешь. Я начинаю перебирать в уме все известное мне об этой стране, думаю о князе Альберте, из дома Лузиньян, о его браках, о его любви к исследованию морского дна, и обо всем, что мне удается вспомнить, но ничто не помогает. Поэтому я прекращаю напрасные усилия мысли и стараюсь уловить какое-нибудь „заменяющее“ название вместо забытого. Названия быстро всплывают. Само Монте-Карло, затем Пьемонт, Албания, Монтевидео, Колико. В этом ряду первой бросается мне в глаза Албания, ее сейчас же сменяют Монтенегро, вероятно по контрасту черного и белого. Затем я замечаю, что четыре из этих заменяющих слов содержат один и тот же слог Мон; вдруг я нахожу забытое слова и громко произношу: Монако. Заменяющие слова, следовательно, действительно исходили из забытого — четыре первых из первого слога, последнее воспроизводит последовательность слогов и весь заключительный слог. Между прочим я могу легко понять и причину, благодаря которой от меня ускользнуло на время это слово. Монако имеет отношение к Мюнхену, который по-итальянски называется Монако, этот город оказал задерживающее влияние.

Пример безусловно красив, но слишком прост. В других случаях пришлось бы прибавить к первым заменяющим названиям длинный ряд различных возникающих в сознании мыслей, и тогда аналогия с анализом сновидений была бы еще яснее. Со мной бывали и такие случаи. Когда однажды один незнакомый господин пригласил меня в гостинице выпить с ним стакан итальянского вина, то оказалось, что он забыл название вина, которое хотел потребовать, забыл только потому, что оно было для него особенно достопамятным. Из большого числа отдельных „заменяющих“ мыслей,

которые у него всплыли вместо забытого названия, я мог сделать заключение, что название вина забыто им благодаря какой-то Гедвиге. Он не только подтвердил, что впервые пил это вино в обществе женщины, носивший имя Гедвиги, но благодаря этому воспоминанию сейчас же вспомнил и название вина. В то время, когда это происходило, он был женат и счастлив в браке, а эта Гедвига относилась к поре его холостой жизни, о которой он неохотно вспоминал.

То, что оказалось возможным при забывании имен, должно удасться и при толковании сновидений: исходя из „заменяющего" сделать доступным скрытое „настоящее" содержание при помощи связанных с ним ассоциаций. Ассоциации, исходящие из элемента сновидения, как мы имеем основание полагать, детерминированы как элементом сновидения, так и относящимся к этому элементу настоящим бессознательным содержанием. Этим мы привели доказательства правильности нашей техники.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Явное содержание сновидения и скрытые его мысли.

М. г.г. и м. г.г.! Как вы видите, изучение ошибочных действий принесло нам пользу. Оно дало нам возможность, исходя из известных вам предположений, сделать два новых завоевания: составить себе определенное представление об элементе сновидения и выработать технику толкования сновидений. По нашему представлению элемент сновидения представляет из себя не нечто настоящее, а только „замену“ (Ersatz) чего-то другого, неизвестное тому, кто видел сон, нечто подобное скрытой тенденции ошибочного действия. Эта замена относится к чему-то такому, о чем у видевшего сон имеется определенное знание, хотя и недоступное его сознанию. Это наше представление об элементе сновидения мы надеемся распространить на все сновидение в целом, состоящее из отдельных таких элементов. Техника наша сводится к тому, чтобы при помощи свободных ассоциаций с каждым отдельным элементом сновидения вызвать ряд других „заменяющих“ представлений, при помощи которых мы получаем возможность угадать скрытый смысл сновидения.

Для облегчения дальнейшего изложения я предлагаю вам теперь некоторое изменение в нашей номенклатуре. Вместо выражений скрытое, недоступное, „ненастоящее“, мы опишем более правильно это явление словами: недоступное сознанию видевшего сон или б е с с о з н а т е л ь н о е. Этим мы хотим только указать на то же отношение к забытому слову или к мешающей тенденции ошибочного действия, а именно,

что оно в данное время бессознательное. Разумеется, в противоположность этому мы можем назвать сознательными элементы сновидений и полученные при помощи ассоциаций, новые „заменяющие“ представления. Но не думайте, что с этим наименованием связана какая-нибудь новая теория. По существу в данном случае нельзя ничего иметь против употребления слова бессознательное, вполне соответствующего данному факту и дающего ясное и понятное его описание.

Если наше представление об отдельном элементе сновидения мы перенесем на все сновидение в целом, то оно представится нам как искажение, „замена“ чего-то другого бессознательного. А толкование сновидения сведется в таком случае к тому, чтобы открыть это бессознательное. При этом с самого начала выясняются три важных правила, которые необходимо соблюдать при анализе сновидений.

1) Не нужно обращать внимание на то, что изображает сновидение, будь оно понятно или абсурдно, ясно или спутано, потому что оно ни в коем случае не соответствует нужному нам бессознательному (естественное ограничение этого правила выяснится позже). 2) Анализуя, нужно сперва ограничиться тем, чтобы вызывать „заменяющие“ представления каждого элемента, не раздумывая над ними, не исследуя, подходят ли они по содержанию или не подходят, и не обращая внимания на то, как далеко они отклоняются от самого сновидения. 3) Нужно ждать, пока скрытое искомое бессознательное не возникнет в сознании само подобно забытому слову Монако в описанном выше случае забывания.

Теперь для нас понятно, что в сущности совершенно безразлично, хорошо ли или плохо, точно или неточно сохранилось в памяти сновидение. Ведь то, что мы запоминаем из сновидения, представляет из себя не настоящее искомое, а искаженную замену чего-то другого. Оно должно только помочь нам приблизиться к этому настоящему, так как благодаря ему могут возникнуть в сознании другие, „заменяющие“ представления, которые дают возможность таким путем осознать бессознательное сновидение. Если наши воспоминания о сновидении не точны, то это просто оттого, что в данной „замене“ имело место дальнейшее искажение, конечно, также имеющее свои причины.

Можно толковать как свои собственные сновидения, так и сны посторонних. Толкование собственных сновидений даже более поучительно, и анализ их более убедителен. Однако, приступая к анализу, скоро замечаешь, что что-то противится работе. Хотя и возникают разные мысли, но почему-то придаешь значение не всем. Наблюдаются попытки критиковать и делать выбор среди возникающих представлений. По поводу одной мысли говоришь себе:—нет, это сюда не относится, сюда не подходит, по поводу другой:—это слишком бессмысленно, по поводу третьей:—это имеет уж совсем второстепенное значение. Можно заметить, как при помощи подобного рода возражений удается задержать ход зарождающихся мыслей раньше, чем они вполне оформились; в конце концов и вовсе отгоняешь их. Таким образом, с одной стороны мысли слишком задерживаются на исходном представлении, т.-е. на самом элементе сновидения, а с другой—такой выбор нарушает правильное течение свободных ассоциаций. Если анализ сновидения происходит не наедине с самим собой, а его производит кто-нибудь другой, то очень ясно намечается еще один мотив, которым пытаются оправдать такой недопустимый выбор возникающих в сознании мыслей. Анализируемый говорит себе: нет, эта мысль слишком неприятна, я не могу и не хочу о ней говорить.

Такие возражения, очевидно, угрожают успеху нашей работы. Необходимо их обезвредить. Это сделать легче всего по отношению к самому себе, твердо решив не поддаваться им; а если анализируешь чужое сновидение, то необходимо предъявить анализируемому безусловное требование никоим образом не замалчивать пришедшей ему в голову мысли, даже если против нее возникает какое-нибудь из указанных четырех возражений, т.-е.: что она, мол, слишком незначительна, слишком бессмысленна, не относится к делу или ее слишком неприятно сказать. Анализируемый обещает подчиниться этому правилу, однако, с огорчением замечаешь, как плохо выполняет он свое обещание. Сначала желаешь объяснить это тем, что он не вполне уяснил себе смысл предъявленного ему требования и сущности свободных ассоциаций. Стараешься познакомить его теоретически с вопросом, давая ему читать книги или посылая на лекции, чтобы он мог усвоить себе правильный взгляд на свободные

ассоциации. Но ошибочность такого образа действий доказывают наблюдения над самим собой, а именно,—что и у самого возникают те же самые критические возражения против некоторых появляющихся мыслей, которые только позже, так сказать во второй инстанции, отвергаешь усилием воли. А ведь между тем не приходится сомневаться в непоколебимости собственных убеждений.

Но вместо того, чтобы огорчаться непослушанием видевшего сновидения, лучше постараемся сделать кое-какие одинаково важные и неожиданные новые выводы из этого поучительного наблюдения. Из этого наблюдения легко понять, что анализ сновидения наталкивается на какое-то сопротивление, противодействие со стороны анализируемого, выражающееся в указанных критических возражениях, при чем это сопротивление совершенно не зависит от теоретических убеждений видевшего сон. Но факт этот еще более поучителен тем, что благодаря ему легко убедиться, как неправильны и неверны все такие критические возражения. А между тем все без исключения мысли, которые таким образом пытаемся подавить, оказываются как раз самыми важными, самыми решающими для вскрытия бессознательного. Можно сказать, что если какая-нибудь мысль сопровождается подобного рода возражениями, то это может служить прямым признаком ее значительности и ценности для анализа.

Это сопротивление совершенно новый феномен, открытый нами на основании указанных выше предположений, хотя он непосредственно в них не заключается. Мы не очень приятно поражены в нашем расчете, признаться, этим новым фактором. Не трудно предвидеть, что он не облегчит нашей работы. Он даже мог бы вызвать у нас желание прекратить все наши старания, понять сущность сновидения. В самом деле, такое незначительное явление, как сновидение, а тут еще такие трудности! Но, с другой стороны, именно эти трудности заставляют нас предполагать, что, пожалуй, есть смысл не пожалеть нам труда. Ведь всякий раз, когда мы пытаемся от „замены“, представляющей из себя элемент сновидения, проникнуть в скрытое бессознательное, мы регулярно наталкиваемся на сопротивление. Это дает нам основание полагать, что за этой „заменой“ скрывается нечто значительное. Иначе к чему были бы все эти препятствия

с целью удержать скрытое? Если ребенок не хочет открыть сжатой руки и показать, что в ней находится, то там у него, конечно, что-нибудь такое, чего ему не следует иметь.

Когда мы вводим в обиход наших представлений динамическое понятие сопротивления, мы должны считаться с тем, что количественно этот момент может быть очень изменчивым. Сопротивление анализу может оказываться большее или меньшее, и во время нашей работы нам придется встретиться с этими различными степенями сопротивления. В связи с этим, быть может, находится еще одно наблюдение, сделанное нами при работе над толкованием сновидений. Иногда достаточно появления одной или немногих мыслей, чтобы притти от элемента сновидения к его бессознательному. А в другой раз для этого необходима длинная цепь ассоциаций и преодоление многих критических возражений. Мы можем предположить, что эти различия зависят от изменчивой величины сопротивления, и, вероятно, будем правы. Если сопротивление незначительно, то и „заменяющее“ представление не очень отдалено от бессознательного, между тем как большое сопротивление вызывает большие искажения бессознательного, а вместе с тем и длительный обратный путь от „замещающего“ представления к бессознательному.

Теперь, может быть, было бы своевременно испробовать нашу технику на каком-нибудь сновидении, чтобы убедиться, оправдаются ли у нас связанные с ней надежды. Но какое сновидение нам для этого избрать? Вы не можете себе представить, как мне трудно сделать выбор, и я не могу еще разъяснить вам, в чем заключаются эти трудности. Вполне вероятно, что встречаются в общем мало искаженные сновидения и лучше всего было бы с них и начать. Но какие сны меньше всего искажены? Уж не думаете ли вы, что именно те понятные и мало спутанные, из числа которых я вам уже привел два примера? Но тут-то вы глубоко ошибаетесь. Исследование показывает, что эти сновидения испытали чрезвычайно высокую степень искажения. Но если, отказавшись от всякого выбора, вы возьмете наудачу первое попавшееся сновидение, то, вероятно, очень разочаруетесь. Может случиться, что при его анализе нам придется заполнить такое множество всяких возникающих по поводу каждого элемента сновидения мыслей, что во всем этом

материале будет очень трудно разобраться. Если мы запишем сновидение и сравним текст его со списком всех пришедших по поводу этого сновидения мыслей, то такой список может оказаться во много раз больше первого. Самым целесообразным казалось бы поэтому взять для анализа несколько коротких сновидений, из которых каждое может перед нами обнаружить или подтвердить, по крайней мере, кое-что из того, что мы ищем. Мы на это и решимся, если наблюдение не укажет нам возможность найти эти мало искаженные сновидения.

Но я знаю еще другой способ облегчить разрешение предстоящей нам задачи, к тому же не требующий от нас особых усилий. Вместо того, чтобы анализировать какое-нибудь одно сновидение целиком, ограничимся отдельными элементами сновидения и проследим на ряде примеров, как мы их поймем при помощи нашей техники.

a) Одна дама рассказывает, что ребенком она часто видела во сне, что у Бога на голове бумажный колпак. Как это понять, не прибегая к помощи этой дамы? Ведь это явная бессмыслица. Но это уже не покажется нам бессмыслицей, если дама нам рассказывает, что в детстве за столом ей часто на голову надевали такой колпак, потому что она, не переставая, косилась на тарелки других детей, чтобы увериться, не получил ли кто-нибудь больше нее. Колпак должен был, следовательно, играть роль шор. Кстати, сообщение этого „исторического“ факта сделано было дамой без всякой внутренней задержки. Не трудно истолковать этот элемент, а вместе с тем и все сновидение благодаря следующей мысли, пришедшей даме в голову при этом воспоминании. „Так как я слышала, что Бог всеведущ и все видит,—сказала она,—то сновидение может иметь только тот смысл, что я все знаю и все вижу, как Бог, даже тогда, когда этому хотят помешать“. Но, может быть, этот пример слишком прост.

b) Другая скептически настроенная пациентка видит длинный сон, в котором известные лица рассказывают ей о моей книге об „Остроте“ и очень ее расхваливают. Далее упоминается что-то о „канале“, быть может о другой какой-то книге, в которой встречается канал

или вообще что-то, касающееся канала... точно она этого не знает... это совсем неясно...

Вы, пожалуй, подумаете, что элемент „канал“ не поддается толкованию, потому что он так неопределен. Ваше предположение относительно трудности толкования этого элемента вполне правильно. Но толкование это трудно не потому, что элемент этот неясен, а он неясен по той причине, которая затрудняет толкование, пациентке ничего не приходит в голову. По поводу канала я тоже, разумеется, не могу ей ничего сказать. Некоторое время спустя, или, вернее, на следующий день она рассказывает, что ей пришло в голову кое-что, имеющее, может быть, отношение к сновидению. Именно—острота, которую она слышала. На пароходе между Дувром и Кале известный писатель беседует с англичанином, который в разговоре цитирует фразу: Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas. (От великого до смешного только один шаг.) Писатель отвечает: Oui, le pas de-Calais (Да, Па-де Кале) (шаг по-французски па), желая этим сказать, что считает Францию великой, а Англию—смешной. Но Pas de Calais ведь канал, именно рукав канала la Manche. Уж не кажется ли мне, что эта мысль имеет какое-либо отношение к сновидению? Разумеется, возражаю я, она действительно объясняет загадочный элемент сновидения. Станете ли вы сомневаться в том, что острота эта еще до сновидения играла известную роль в качестве бессознательного коррелата к элементу „канал“? Можете ли вы допустить, что она была приплетена уже после сновидения? Возникшая позже мысль говорит о скептическом отношении пациентки, скрывавшемся у нее под маской показного восхищения моей книгой. А сопротивление и есть общая причина как задержки мысли, так и того, что соответствующий элемент сновидения отличается такой неопределенностью. Вдумайтесь в этом случае в отношение элемента сновидения к его бессознательному. Он составляет как бы частицу этого бессознательного, намек на него, и благодаря его оторванности, изоляции от целого, он стал совершенно непонятным.

с) Один пациент видит длинный сон, в котором имеется такая часть: вокруг стола особой формы сидят много членов его семьи и т. д. По поводу стола ему

приходит в голову, что такой стол он видел во время одного визита в доме знакомой семьи. Затем является следующая мысль: в этой семье господствует особое отношение между отцом и сыном—и тут же он добавляет, что такие же отношения в сущности существуют между ним и его отцом. Стол вошел в состав сновидения, чтобы выразить эту параллель.

Этот пациент был уже давно знаком с правилами толкования сновидений. Но другому показалось бы, может быть, странным, что такая незначительная деталь, как форма стола, могла стать объектом особого исследования. Мы действительно считаем, что в сновидении ничего не бывает случайным или безразличным и ждем разгадки от разъяснения именно таких незначительных немотивированных деталей.

Быть может, вы удивлены тем, что сновидение пользуется таким образом, как стол, для того, чтоб выразить мысль: у нас все обстоит точно так же, как у них. Но вы легко это поймете, если узнаете, что эта семья носит фамилию Тишлер (от слова Tisch—стол). Усаживая своих родных за этот стол, молодой человек хочет сказать: они тоже Тишлеры. Обратите внимание, как при передаче толкования сновидений приходится поневоле сделаться нескромным. Кстати вы поймете одно из упомянутых мною выше затруднений в выборе примеров. Этот пример я легко мог бы заменить другим, но, вероятно, мне удалось бы избежать этой нескромности только ценою другой подобной же нескромности.

Мне кажется, что теперь кстати было бы ввести два новых термина, которыми мы могли бы давно уже воспользоваться. Назовем то, что рассказывает сновидение явным содержанием сновидения, а то скрытое, к чему мы приходим, следя за возникающими в сознании мыслями скрытыми мыслями сновидения. Обратим далее внимание в этих примерах на взаимоотношения между явным содержанием сновидения и скрытыми его мыслями. Эти отношения могут быть очень различными. В примерах a и b явный элемент составляет в то же время часть скрытых мыслей, но только незначительную часть. Часть больших и сложных психических настроений, составляющих бессознательные мысли сновидения, проникла также и в явное

его содержание; частица эта представляет из себя фрагмент этих бессознательных мыслей или в других случаях намек на них, как бы лозунг или сокращение в телеграфном стиле. При помощи толкования нужно дополнить недостающее к этой известной частице или к этому намеку и восстановить целое. В примере b это удалось особенно хорошо. Искажение, составляющее сущность работы сновидения, состоит следовательно в том, что все мысли сновидения заменены в явном содержании одной только частицей или одним намеком на них. В случае с можно, кроме того, заметить еще другое взаимоотношение, более ясно и чисто выраженное в следующих примерах.

d) Кому-то снится, что он извлекает из-под кровати одну известную ему даму. Первая же пришедшая ему в голову мысль открывает смысл этого элемента сновидения. Он означает: он отдает предпочтение этой даме [1]).

e) Другому снится: его брат застрял в ящике. Первая возникшая мысль заменяет слово ящик словом шкаф (Schrank), вторая дает уже толкование: брат ограничивает себя (Schranksich ein—тоже не переводимая игра слов).

f) Третьему снится, что он подымается на гору, с вершины которой открывается необыкновенно далекий вид. Это звучит совершенно разумно, пожалуй, тут нечего много и толковать. Достаточно осведомиться, какое воспоминание задето сновидением и какими мотивами в данном случае оно вызвано. Но вы ошибаетесь: оказывается, что это сновидение также нуждается в толковании, как и всякое другое спутанное. Видевшему сон вовсе не приходит в голову что-либо относящееся к восхождению на гору, но он вспоминает, что один его знакомый издает „Обозрение", в котором обсуждаются наши отношения к отдаленнейшим частям земного шара; скрытая мысль сновидения заключается в том, что видевший сон отожествляет себя с издателем „Обозрения" (Rundschau—обозрение и кругозор).

---

[1]) *Примечание переводчика.* Сущность этого толкования сводится к непереводимому двойному значению немецких слов: Ziehen—тянуть, извлекать, vorziehen—вытаскивать, извлекать и отдавать предпочтение, оттуда и слово Vorzug—предпочтение.

Здесь вы встречаетесь с новым типом отношений между явным и скрытым элементами сновидения. Явный элемент сновидения представляет из себя не столько искажение скрытого, сколько изображение его, конкретный пластический образ, созданный при помощи словесного созвучия. Однако, благодаря этому получается опять-таки искажение, потому что мы давно уже забыли, из какого конкретного образа произошло данное слово, и не узнаем его поэтому, когда вместо него встречаем соответствующий ему образ. Вы легко поймете, что эта форма отношений между явным и скрытым элементом сновидения играет особенно важную роль в образовании сновидения, если примете во внимание, что явное содержание сновидения состоит преимущественно из зрительных образов и только в редких случаях из мыслей и слов. Вы видите, как таким образом в конкретные образы можно воплотить явного содержания сновидения много абстрактных мыслей, с целью скрыть их смысл. Технически это те же приемы, что при создании ребусов. Подобные изображения часто не лишены известного остроумия, но как это происходит, это—вопрос особый, которого тут мы не можем касаться.

Я до тех пор не стану вам говорить о четвертой форме отношений между явным и скрытым элементами сновидения, пока мы не встретимся с техническими особенностями ее на примере. Но и тогда это нельзя считать полным перечислением всех возможных видов взаимоотношений между этими двумя элементами. Для наших целей, однако, и этого будет достаточно.

Найдется ли у вас теперь мужество попробовать истолковать целое сновидение? Попробуем и посмотрим, хватит ли у нас сил для выполнения такой задачи. Разумеется, в моем выборе я не остановлюсь на одном из самых непонятных сновидений, однако возьму такое, в котором хорошо представлены все особенности сновидения.

Итак, молодая, но уже давно вышедшая замуж дама видит следующий сон: она сидит со своим мужем в театре, одна половина партера совершенно пуста. Ее муж рассказывает, что Элиза Л. со своим женихом тоже хотели пойти, но могли достать только плохие места—3 за 1 фл. 50 гелл.,

а ведь таких мест они занять не могли. Она сказала, что особой беды в этом нет.

Повод к этому сновидению, по словам дамы, указан в явном его содержании. Муж ее действительно рассказал ей, что знакомая барышня Элиза Л., приблизительно ее ровестница по летам, обручилась. Сновидение является реакцией на это сообщение. Мы уже знаем, что подобный повод в переживаниях дня накануне сновидения нетрудно доказать во многих сновидениях, и лица, видевшие сон, часто безо всяких затруднений дают подобные указания. Такие же сведения дама эта дает и по поводу других элементов явного содержания сновидения. Откуда взялась деталь, что одна сторона партера пустует? Это—намек на реальное событие, случившееся на прошлой неделе. Она решила пойти на какое-то театральное представление и заблаговременно купила билеты, но так рано, что должна была уплатить за это особую доплату. Когда они пришли в театр, то оказалось, что она совершенно напрасно торопилась с покупкой билетов, потому что одна половина партера была почти пуста. Она бы нисколько не опоздала, если бы купила билеты в день представления. Муж не упустил случая подтрунить над ней за такую поспешность. Откуда взялись 1 фл. 50 гелл.? Это относится к чему-то совсем другому и не имеет ничего общего со всем предыдущим. Но и тут есть намек на событие, о котором она узнала накануне. Ее невестка получила от своего мужа в подарок сумму в 150 фл., и эта дура не нашла ничего лучшего, как поспешить к ювелиру и накупить себе драгоценностей. А откуда 3? Об этом она ничего не знает—если, впрочем, не придавать значения промелькнувшей у нее мысли, что невеста Элиза Л. всего на 3 месяца моложе нее, а она уже почти десять лет замужем. А что это за нелепость—покупать три билета, когда идут в театр вдвоем? На это она ничего не отвечает и вообще отказывается в дальнейшем от каких бы то ни было объяснений.

Однако, уже эти несколько пришедших ей в голову мыслей дают достаточно материала для того, чтобы угадать скрытые мысли сновидения.

Обращает на себя внимание то, что в ее сообщениях по поводу сновидения несколько раз подчеркиваются разные

сроки, благодаря чему между различными частями этого материала устанавливается нечто общее: она слишком рано купила билеты в театр, слишком поспешила, так что должна была переплатить; невестка также поспешила снести свои деньги ювелиру и купить себе драгоценности, будто она опоздала бы, если бы это сделала позже. Если эти—так подчеркнутые „слишком рано" и „слишком поспешно" сопоставить с поводом, вызвавшим сновидение,—с известием, что приятельница, которая моложе нее всего на 3 месяца, теперь все еще сумела найти себе хорошего мужа и с критикой, выразившейся в брани по адресу невестки: что это за нелепость всегда так спешить,—то само собой напрашивается следующий ход скрытых мыслей сновидения, сильно искаженных в явном его содержании:

„Ведь это нелепо было бы с моей стороны так спешить с замужеством! На примере Элизы я вижу, что и позже могла бы найти себе мужа. (Поспешность изображена в виде ее поведения при покупке билетов и поведения невестки при покупке драгоценностей. Замужество заменено посещением театра.) Это—главная мысль. Может быть, мы могли бы еще продолжать, хотя и с меньшей уверенностью, потому что в этом месте анализу незачем было бы отказаться от прямых заявлений со стороны лица, видевшего сон: „за эти деньги я могла бы иметь еще в 100 раз лучшего мужа"! (150 фл. в 100 раз больше, чем 1 фл. 50 гелл.). Если бы мы могли заменить деньги приданым, то это означало бы, что мужа покупают себе за приданое: муж заменен драгоценностями и плохими билетами. Еще лучше было бы, если бы оказалось, что элемент „3 билета" имеет какое-нибудь отношение к мужу. Но наше понимание не идет так далеко. Мы только угадали, что сновидение выражает пренебрежение к мужу и сожаление о слишком раннем замужестве.

По моему мнению, результат этого первого толкования сновидения скорей нас смущает и поражает своей неожиданностью, чем удовлетворяет. Слишком уж много сразу на нас свалилось, больше, чем мы в состоянии выдержать. Мы уже замечаем, что не сможем исчерпать всего, что может быть поучительным в этом толковании данного сновидения.

Так поспешим же извлечь хотя бы то, что нам кажется в нем несомненным и новым.

Во-первых, замечательно, что в скрытых меслях сновидения главный акцент падает на элемент поспешности; в явном содержании сновидения об этом именно не говорится ни слова. Не прибегнув к анализу, мы не могли бы и подозревать, что этот элемент играет какую бы то ни было роль. Значит возможно, что как раз самое главное, то, что стоит в центре бессознательных мыслей сновидения, может не появиться в его явном содержании. Благодаря всему этому у нас должно измениться коренным образом впечатление от всего сновидения. Во-вторых, в сновидении имеется нелепое сопоставление 3 за 1 фл. 50 гелл.; в мыслях сновидения мы угадываем фразу: нелепо было (так рано выходить замуж). Можно ли отрицать, что мысль „нелепо" была изображена посредством вплетения абсурдного элемента в явное содержание сновидения? В-третьих, тщательное сравнение показывает, что взаимоотношение между явным и скрытым элементами сновидения не так просто: оно состоит вовсе не в том, что каждый явный элемент заменяет какой-нибудь скрытый. Между обоими лагерями существует групповое взаимоотношение, в пределах которого один явный элемент может заменять много скрытых или один скрытый элемент может быть заменен многими явными.

Что касается смысла сновидения и отношения к нему лица, видевшего сон, то и по этому поводу можно было бы сказать много поразительного. Дама хотя и принимает данное толкование, но удивлена им. Она вовсе не знала, что пренебрежительно относится к своему мужу, ей также не известно, за что она к нему так относится. Тут еще много непонятного. Я, действительно, думаю, что мы еще недостаточно подготовлены к толкованию сновидения и что нам необходимо сначала еще поучиться и подготовиться.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Детские сновидения.

М. г.г. и м. г.г.! У нас создалось впечатление, что мы слишком поспешно углубились в изложение темы и что нам следует вернуться несколько назад. Так мы и сделаем. Ведь еще до того, как мы попытались при помощи нашей техники преодолеть трудности, созданные искажением сновидения, у нас была мысль, что лучше всего было бы как-нибудь их вовсе обойти. Для этого, как мы полагали, нам следовало бы сначала остановиться на таких сновидениях, в которых искажения нет вовсе или оно очень незначительно—если только вообще бывают такие сновидения. Но, поступив таким образом, мы снова отойдем от исторического хода развития наших знаний, потому что на самом деле на существование таких сновидений обращено было внимание уже после того, как техника толкования сновидений стала систематически применяться и был проанализирован ряд искаженных снов.

Необходимые нам сны, оказывается, встречаются у детей. По всем данным это несомненно сны, но в то же время они коротки, ясны, не бессвязны, легко понятны и не двусмысленны. Однако не подумайте, что таковы все сновидения у детей. И искажение сновидений начинается в очень раннем возрасте и удавалось записать сновидения детей в возрасте от пяти до восьми лет, уже носившие все признаки сновидений взрослых. Но если вы ограничитесь возрастом, начиная с первых проявлений душевной деятельности до четвертого или пятого года, то встретите ряд сновидений, по характеру своему заслуживающих название инфантильных. А затем вам случится иногда найти отдельные сновидения

такого рода и у детей старшего возраста. И даже иной раз у взрослых при известных условиях встречаются сновидения, совершенно сходные с типично инфантильными.

Изучая такие детские сновидения, мы с большой уверенностью и легкостью сможем проникнуть в сущность сновидений и будем надеяться, что то, что мы при этом узнаем, будет иметь решающее значение для всех сновидений.

1. Чтобы понять детские сновидения, не надо анализа и незачем пользоваться особой техникой для исследования их. Не надо и расспрашивать ребенка, рассказывающего свое сновидение. Достаточно дополнить сновидение незначительными биографическими данными из жизни ребенка. Всегда удается найти какое-нибудь переживание предыдущего дня, объясняющее нам сновидение. Сновидение является реакцией душевной жизни во время сна на это дневное переживание. Рассмотрим несколько примеров и постараемся сделать из них еще некоторые выводы.

a) 22-месячный ребенок, поздравляя, должен преподнести корзинку черешен. Он это делает с явным неудовольствием, хотя ему обещают, что и он получит несколько черешен. На следующее утро он рассказывает свой сон: Ге(р)манн съел все черешни.

b) Девочка $3^1/_4$ года впервые катается на лодке по озеру. Когда нужно было сойти на берег, она упрямилась, начала горько плакать. Ей казалось, что время поездки прошло слишком быстро. А на следующий день она рассказывает: сегодня ночью я каталась по озеру. Мы могли бы добавить, что эта поездка, вероятно, длилась дольше, чем накануне.

c) $5^1/_4$-летнего мальчика взяли на прогулку в Эшерншталь подле Галлштата. Он слышал, что Галлштат лежит у подножья Дахштейна. Он проявлял большой интерес к этой горе. Дахштейн он мог хорошо видеть из своего дома в Аусзее, а в подзорную трубу можно было разглядеть на нем Симонсгитте. Ребенок неоднократно старался увидеть ее в подзорную трубу. Трудно сказать, насколько ему это удалось. Прогулка началась в настроении радостного ожидания. Как только показывалась какая-нибудь новая гора, мальчик спрашивал: это Дахштейн? Чем чаще получал он отрицательный ответ на свой вопрос, тем сильнее падало

его настроение. Наконец он совсем смолк и даже не пожелал спуститься вместе с другими по небольшой тропинке к водопаду. Думали, что он устал, но на следующее утро он, сияя от счастья, рассказывает: в эту ночь мне снилось, что мы были на Симонсгитте. Он принял участие в прогулке, ожидая именно этого момента. Относительно подробностей своего пребывания на Симонсгитте он указал только на то, что слышал уже раньше: подымаются в течение шести часов по ступенькам вверх.

Достаточно этих трех сновидений, чтобы получить все нужные нам сведения.

2. Мы видим, что эти детские сновидения не бессмысленны; это вполне понятные, полноценные душевные процессы. Вспомните то, что я говорил вам относительно мнения некоторых представителей медицины о сновидении и приведенное мною в связи с этим сравнение сновидения с хаотическими звуками, извлекаемыми рукой немузыкального человека, перебирающей клавиши рояля. Вы не можете не заметить, как резко противоречат такому взгляду эти детские сновидения. Слишком ли странным было бы допустить, что ребенок во время сна в состоянии переживать полноценные психические акты, между тем как взрослый в таком же положении ограничивается судорожными реакциями. К тому же у нас имеется достаточно оснований полагать, что ребенок спит лучше и более глубоким сном, чем взрослый.

3. В этих сновидениях нет искажения; поэтому их и незачем толковать. В данном случае явное и скрытое содержания сновидения совпадают. Отсюда можно заключить, что искажение сновидения не составляет чего-либо такого, что непосредственно связано с его сущностью. Смею надеяться, что, услышав это, вы облегченно вздохнули. Но, хорошо подумав, мы должны будем допустить, что и в этих снах имеется небольшая доля искажения, так же как и некоторое различие между явным содержанием сновидения и скрытыми его мыслями.

4. Детское сновидение представляет собой реакцию на какое-нибудь дневное переживание, оставившее по себе чувство сожаления, тоски, неисполненного желания. Сновидение приносит прямое, незамаскированное

исполнение этого желания. Вспомните теперь то, что говорилось выше относительно роли физических раздражений, внешних или внутренних, в смысле нарушителей сна и возбудителей сновидения. Тогда мы познакомились с фактами такого рода, вполне заслуживающими доверия, но таким образом мы могли объяснить только очень немногие сновидения. В этих же детских сновидениях ничто не указывает на влияние каких-либо соматических раздражений, в этом отношении мы ошибиться не можем, потому что сновидения эти вполне понятны и в них трудно что-либо не заметить. Однако это не заставляет нас отказаться от мысли, что в этиологии сновидений имеют значение какие-нибудь раздражения. Мы можем только спросить, почему это мы сначала как будто забыли, что кроме физических раздражений бывают еще и душевные и они тоже могут лишить нас сна? Ведь нам известно, что именно эти последние чаще всего вызывают у взрослых бессонницу, так как они не дают возникнуть тому душевному состоянию, без которого невозможно заснуть—состоянию, при котором пропадает интерес к окружающему миру. Человек не может спать, потому что ему не хочется оборвать течение жизни, он предпочитает продолжать в душе своей работу над тем, что его занимает. Для ребенка таким мешающим спать душевным разражением является неисполненное желание, на которое он и реагирует сновидением.

5. Тут мы быстрей всего находим объяснение функции сновидения. Являясь реакцией на психическое раздражение, сновидение должно быть равноценно настоящему успокоению этого раздражения, так что, благодаря ему, последнее устраняется и сон не нарушается. Мы еще не знаем, как возможно динамически такое успокоение; но мы уже можем заметить, что сновидение не нарушает сна, как это приписывают ему некоторые, а оберегает его, устраняет то, что мешает спать. Хотя нам и кажется, что мы спали бы лучше, если бы не было сновидения, но мы ошибаемся; на самом деле, если бы сновидения не охраняли нашего сна, мы бы совсем не спали. Ему мы обязаны тем, что проспали хотя бы и так. Оно не могло избежать того, чтобы немного не потревожить нас, подобно ночному сторожу, который не может совсем не шуметь,

прогоняя нарушителей покоя, грозящих разбудить нас своим шумом.

6. Сновидение больше всего характеризует то, что возникновением своим оно обязано желанию, а содержание его составляет исполнение этого желания. Другой отличительный признак сновидения, столь же постоянный, сводится к тому, что оно не просто выражает какую-нибудь мысль, а изображает исполнение данного желания в форме галлюцинаторного переживания. Я желал бы кататься по озеру—гласит желание, вызывающее сновидение; содержание сновидения составляет: я катаюсь по озеру. Различие между скрытым и явным сновидением, искажение скрытой мысли сновидения следовательно имеется также и в этих простых детских снах. Оно заключается в превращении мысли в переживание. При толковании сновидения необходимо прежде всего исправить это изменение. Если бы эта характерная черта оказалась общей всем сновидениям, то сообщенный выше отрывок сновидения: я вижу моего брата в ящике, нужно было бы понять не как: мой брат ограничивается, а: я хотел бы, чтобы мой брат ограничился, мой брат должен себя ограничить. Очевидно, что из этих двух указанных характерных черт сновидения у второго больше шансов быть признанным без возражений, чем у первого. Только многочисленные исследования могут доказать, что возбудителем сновидения должно быть всегда только желание, а не опасение, намерение или упрек. Но нет необходимости сделать это по отношению ко второй характерной особенности сновидения, а именно, что сновидение не просто повторяет какое-нибудь определенное желание, а прекращает, устраняет, уничтожает его при помощи особого рода переживания.

7. Исходя из указанных характерных особенностей сновидения, мы можем снова вернуться к сравнению сновидения с ошибочным действием. В последнем мы различаем нарушенную тенденцию и нарушающую, а ошибочный поступок является компромиссом между ними обеими. К этой же схеме может подойти сновидение. Нарушенной тенденцией в данном случае может быть только желание спать. Мешающую тенденцию мы можем заменить психическим раздражением, т.-е. желанием, стремящимся к удовлетворению, так как до-

сих пор мы не нашли никакого другого психического раздражения, мешающего спать: сновидение и тут является компромиссным образованием. Продолжаешь спать и все же переживаешь удовлетворение желания; удовлетворяешь желаланиe и при этом все же продолжаешь спать. И то и другое отчасти осуществляется, отчасти нет.

8. Вспомните, что мы прежде как-то надеялись найти путь к пониманию проблемы сновидения, принимая во внимание тот факт, что некоторые очень понятные нам построения фантазии носят название снов на яву (Tagträume). Эти сны на яву представляют из себя несомненно исполнение хорошо нам известных честолюбивых и эротических желаний. Но эти желания никогда не переживаются в форме галлюцинаций, а только в виде мыслей и—самое большее—живых, ярких представлений. Следовательно, из двух указанных характерных особенностей сновидения здесь сохраняется менее достоверная, между тем как другая, всецело зависящая от сна и невозможная в бодрственном состоянии, совершенно отпадает. В самом языке, таким образом, содержится намек на то, что исполнение желания составляет главную характерную особенность сновидения. Между прочим, если переживание в сновидении представляет из себя только особый вид представления,—„как бы сны наяву, грезы во время сна“, ставшие возможными только благодаря особенностям состояния сна, то вполне понятно, что благодаря процессу образования сновидения может прекратиться ночное раздражение и наступит удовлетворение. Потому что и сны наяву приносят известное удовлетворение и им отдаются только для этого удовлетворения.

Не только это, но и много других общепринятых выражений в нашей речи имеют тот же смысл. Всем известные поговорки утверждают: свинье снятся жолуди, а гусю—кукуруза,—или они ставят вопрос: что видит во сне курица? Просо. Поговорки, следовательно, идут еще дальше нас, спускаясь от ребенка к животному, и утверждают, что содержание сновидения составляет удовлетворение какой-нибудь потребности. Много оборотов нашей речи указывают на это, как-то: „видеть хороший сон“, „это и во сне бы не приснилось“, „я бы не мог вообразить себе это даже в самом необычайном сне“. В этом случае наш язык вполне определенно под-

тверждает высказанное нами положение. Бывают, правда, и страшные сны,—сны с тяжелым, мучительным или безразличным содержанием, но о них поговорок не сложилось. Хотя мы и говорим о „скверных снах“, но для нашего языка сновидение, как таковое, неизменно остается исполнением желания. Не существует ни одной поговорки, которая бы утверждала, что свинья или гусь видят во сне, как их закалывают.

Было бы совершенно невероятно, если бы авторы, писавшие о сновидениях, не заметили особенности сновидения, заключающейся в том, что желания представляются в нем исполненными. Это, действительно, случалось очень часто, но никому не приходило в голову увидеть в этой характерной особенности нечто типичное для сновидения и положить ее в основание объяснения сновидения. Мы можем легко себе представить, что именно их от этого удержало, и в будущем еще коснемся этого вопроса.

Но обратите теперь внимание, сколько ясности внесло в наши исследования изучение детских сновидений и как легко нам все это удалось! Мы открыли функцию сновидения в его роли стража нашего сна, его возникновение из двух конкурирующих тенденций, из которых одна постоянная составляет нашу потребность во сне, а другая старается удовлетворить какое-нибудь психическое раздражение. Далее, мы доказали, что сновидение представляет из себя очень осмысленный психический акт и установили две характерные его особенности: исполнение желания и галлюцинаторное переживание. И при этом можешь почти забыть, что занимаешься психоанализом. За исключением связи с ошибочными действиями, вся наша работа не носит никакого специфического характера. Любой психолог, совершенно незнакомый с основными положениями психоанализа, мог бы дать такое же объяснение детских сновидений. Почему же никто этого не сделал?

Если бы все сны были такими, как детские, то проблема была бы полностью разрешена и наша задача выполнена. И притом не было бы надобности заниматься расспросами лица, видевшего сновидение, незачем было бы вводить в круг исследования бессознательное и прибегать к помощи свободных ассоциаций. Но в этом-то именно и состоит наша

дальнейшая задача. Нам уже неоднократно приходилось встречаться с фактом, что особенности явления, которым приписывалось общее значение, оказывались присущими только определенному виду сновидений.

Поэтому весь вопрос для нас сводится к тому, остаются ли в силе эти открытые, благодаря детским снам, основные характерные особенности сновидения, применимы ли они также и к не вполне ясным сновидениям, к таким, в явном содержании которых нельзя открыть прямого отношения к какому-нибудь оставшемуся неудовлетворенным дневному желанию. У нас сложилось представление, что эти другого рода сны испытали глубокое искажение и поэтому о них пока трудно судить. Кроме того, легко догадаться, что для того, чтобы понять эти искажения, нам придется прибегнуть к помощи психологической техники исследования, чего нам совсем не требовалось для понимания детских снов.

Имеется, однако, еще один класс неискаженных сновидений, в которых, как и в детских снах, легко узнать исполнение желания. Это—те сны, которые в продолжение всей жизни вызываются императивными потребностями тела, как-то: голодом, жаждой, половой потребностью. Это—сны, в которых осуществление желания является реакцией на внутренние физические раздражения. Так, например, мне удалось записать сновидение девятнадцатимесячной девочки, состоящее из меню с прибавлением ее имени (А н н а Ф... з е м л я н и к а, м а л и н а, я и ч н и ц а, п а п и). Сновидение это явилось реакцией на однодневную голодовку, вызванную расстройством пищеварения, последовавшего от этих дважды упомянутых в сновидении ягод. В то же время и бабушка, возраст которой вместе с возрастом внучки составлял ровно семьдесят лет, должна была вследствие неприятных явлений со стороны блуждающей почки также голодать целый день, и в ту же ночь ей снилось, что она приглашена в гости, где ее угощают самыми вкусными вещами. Наблюдения над заключенными, которых заставляют терпеть голод, или над лицами, переносящими лишения в пути и в экспедициях, показывают, что при таких условиях во сне всегда переживают удовлетворение такого рода потребностей. Так O t t o N o r d e n s k j ö l d рассказывает в своей книге „Antarctic“ 1904 о зимовавшем с ним экипаже (том I, стр. 336):

„Очень характерными для направления наших сокровенных мыслей были наши сновидения, которые никогда до того не были так ярки и многочисленны. Даже те из наших товарищей, которые обычно видели сны только в исключительных случаях, теперь имели возможность по утрам, когда мы обменивались своими переживаниями из этого фантастического мира, рассказывать длинные истории. Во всех этих сновидениях речь шла о том внешнем мире, который теперь был так далек от нас, но нередко в них отражались особенности наших тогдашних условий... Еда и питье составляли центр, вокруг которого чаще всего вращались наши сны. Один из нас, особенно отличавшийся своими шикарными ночными пирами, был чрезвычайно рад, когда утром мог сообщить, „что съел обед из трех блюд"; другой видел во сне табак, целые горы табаку; третьим снился корабль на всех парусах приближающийся из открытого моря. Заслуживает упоминания еще одно сновидение: является почтальон с почтой и объясняет, почему ее пришлось так долго ждать. Он ее неправильно сдал и лишь с большим трудом ему удалось получить ее обратно. Понятно, во время сна нас занимали еще более невероятные вещи, но особенно бросается в глаза недостаток фантазии почти во всех сновидениях, которые снились мне самому или о которых я слышал от других. Если бы все эти сны были записаны, то это представляло бы большой психологический интерес. Но легко понять, каким желанным был для нас сон, так как он мог дать нам все, чего больше всего желал каждый из нас. Далее я цитирую по Du-Prel'ю: Mungo Park, погибавший от жажды во время путешествия по Африке, беспрерывно видел во сне многоводные долины и луга своей родины. Также терзаемый голодом Trenck видел себя во сне в звездном окопе в Магдебурге, окруженным роскошными обедами, а Georg Back, участник первой экспедиции Franklin'а, находясь вследствие невыносимых лишений на краю голодной смерти, постоянно видел во сне обильные обеды".

Тому, кто за ужином ест очень острые блюда и ночью испытывает жажду, часто снится, что он пьет. Разумеется, нет возможности при помощи одного только сновидения удовлетворить сильную потребность в еде и питье; после

такого сновидения просыпаешься с чувством жажды и приходится выпить настоящей воды. В этом случае сновидение практически достигает незначительных результатов. Но не менее очевидно, что целью сновидения было охранять сон от раздражения, заставляющего проснуться и что-то сделать. При незначительной интенсивности этих потребностей, сны, приносящие удовлетворение часто, вполне помогают.

Точно так же под влиянием половых раздражений сновидение приносит удовлетворения, отличающиеся, однако, некоторыми замечательными особенностями. Вследствие того, что половому влечению свойственна бо́льшая степень независимости от объекта, чем голоду и жажде, удовлетворение при снах, сопровождающихся поллюцией, может быть вполне реальным. А вследствие некоторых затруднений по отношению к объекту, о чем речь будет ниже, особенно часто случается так, что реальное удовлетворение связывается со все-таки неясным или искаженным содержанием сновидения. Благодаря этой особенности поллюционные сновидения, как указал Rank, лучше всего пригодны для изучения искажения в сновидениях. Впрочем, все сновидения взрослых, связанные с удовлетворением, содержат кроме этого удовлетворения еще многое другое, имеющее своим источником чисто психические раздражения и непонятно нам поэтому без соответствующего толкования.

Мы, однако, не желаем утверждать, что построенные по типу детских снов сновидения взрослых, содержащие удовлетворение желаний, встречаются только в виде реакции на вышеуказанные императивные потребности. Нам известны также короткие и ясные сны такого типа, находящиеся под влиянием какого-нибудь создавшегося положения и имеющие своим источником несомненно психические раздражения. Таковы, например, сновидения, выражающие нетерпение: кто-то готовится отправиться в путешествие на представляющую для него большой интерес выставку, на лекцию, в гости и ему еще до того снится, что то, чего он с нетерпением ждет, уже случилось, т.-е. он видит накануне ночью во сне, что уже достиг цели, сидит в театре, ведет беседу в гостях. Или сновидения, вполне правильно названные „удобными“ (Bequemlichkeitsträume), в которых нежелание проснуться внушает сновидение, что человек уже встал, умывается или

уже находится в школе, между тем как на самом деле продолжает спать и предпочитает вставать во сне, а не в действительности. Желание спать, регулярно принимающее, по нашему мнению, участие в образовании сновидения, открыто проявляется в этих снах, как видный фактор в сложной работе образования сновидения. И здесь потребность во сне с полным правом занимает место в ряду других важных физических потребностей.

На картине Schwindt'a, находящейся в Schack—галлерее в Мюнхене—вы можете увидеть, как верно понял художник образование сновидения под влиянием создавшегося положения. Картина изображает „Сновидение узника", которое, понятно, не может иметь иного содержания, как его освобождение. В картине очень удачно отмечено то, что освобождение должно осуществиться через окно, потому что через окно проникло раздражение от света, от которого узник просыпается. Стоящие один на другом гномы представляют, вероятно, его собственные последовательные положения при попытке вылезть вверх к окну. И если я не ошибаюсь и не приписываю слишком многого намерению художника, то стоящий выше всех гном, который перепиливает решетку, т.-е. делает то, что хотел бы сделать сам узник, имеет черты лица узника.

Во всех остальных сновидениях, кроме детских и указанных снов инфантильного типа, как сказано, искажение ставит на нашем пути преграды. Мы пока еще не можем утверждать, что и они, как мы предполагаем, представляют собой исполнение желаний. Из их явного содержания мы не можем узнать, какому психическому раздражению обязаны они своим происхождением, и мы не можем доказать, что они также стремятся устранить или успокоить это раздражение. Они, вероятно, должны быть истолкованы, т.-е. надо сделать как бы их перевод, исправить все искажения, заменить их явное содержание скрытым, и только тогда мы сможем судить, имеем ли мы право распространить все открытое нами в детских сновидениях на всякое сновидение вообще.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Цензура сновидения.

М. г.г. и м. г.г.! Благодаря изучению детских снов мы познакомились со способом образования, с сущностью и функцией сновидения. Мы пришли к заключению, что сновидение представляет собой особый способ устранения мешающих спать раздражений путем галлюцинаторного их удовлетворения. Впрочем нам удалось объяснить не все сновидения взрослых, а только одну группу, которую мы назвали снами инфантильного типа. Мы еще не знаем, как обстоят дела с другими сновидениями, и не понимаем их. Но нам пока и незачем уменьшать значение достигнутых нами результатов. Несомненно, что в тех случаях, когда сновидение нам вполне понятно, оно оказывается желанием исполненным в галлюцинаторной форме. Такое совпадение не может быть случайным и не имеющим значения.

На основании различных соображений и по аналогии с нашим пониманием ошибочных поступков, мы полагаем, что сны другого рода представляют из себя искажение какого-то неизвестного нам содержания, которое нужно восстановить. Ближайшей нашей задачей и теперь должно быть исследование и выяснение этого искажения сновидения.

Благодаря искажению сновидение нам кажется странным и непонятным. Но нам нужно с ним познакомиться ближе, нам нужно узнать, во-первых, откуда оно берется, его динамизм, во-вторых, к чему оно приводит, и, наконец, какими средствами оно достигает своей цели. Но мы можем также сказать, что искажение сновидения — продукт работы

сновидения. Начнем поэтому с описания работы сновидения и постараемся установить, под влиянием каких сил оно происходит.

А для этого выслушайте следующий пример сновидения. Он записан одной дамой, состоящей членом нашего кружка и принадлежит, по ее словам, одной почтенной, высокообразованной престарелой даме. Это сновидение не было подвергнуто анализу. По мнению нашей референтки, для человека, знакомого с психоанализом, он ясен и без всякого толкования. Дама, видевшая этот сон, тоже не пробовала его истолковать, но она высказала о нем свое суждение, и притом такое отрицательное, как будто бы она прекрасно понимала, как его истолковать. Суждение ее было следующее: и такая отвратительная глупость снится пятидесятилетней женщине, которая днем и ночью занята только мыслями о своем ребенке!

А теперь вот вам и сновидение о „любовной службе (Liebesdienste)“. Она отправляется в гарнизонный госпиталь № 1 и говорит часовому, стоящему у ворот, что ей нужно поговорить со старшим врачом... (называет незнакомое ей имя) так как хочет поступить на службу в госпиталь. При этом она так подчеркивает слово „служба“, что унтер-офицер тотчас же догадывается, что речь идет о „любовной службе“. Так как она уже старая женщина, то после некоторого колебания он ее пропускает. Но вместо того, чтобы пройти к старшему врачу, она попадает в большую, темную комнату, в которой вокруг длинного стола сидят и стоят много офицеров и военных врачей. Она обращается со своим предложением к какому-то штабному врачу, который понимает ее с нескольких слов. Дословно она говорит при этом следующее: „Я и много других женщин и молодых девушек Вены готовы солдатам, рядовым и офицерам, без различия...“ здесь в сновидении следует какое-то бормотание. Но, судя по отчасти смущенному, отчасти лукавому выражению лица присутствующих офицеров, она ясно видит, что это дело очень серьезное. Ведь и солдата на поле битвы тоже не спрашивают, хочет он умирать или нет“. Затем следует мучительное молчание, длящееся несколько минут. Штабной врач обнимает ее за талию и говорит: „Милостивая государыня, представьте себе, что действительно дошло бы до

того"... (бормотание). Она вырывается из его объятий с мыслью: один похож на другого—и возражает: „Господа, я старая женщина и может быть вовсе не окажусь в таком положении". Впрочем следовало бы соблюсти одно условие: необходимо принимать во внимание возраст; чтобы немолодая дама совсем молодому парню... (бормотание); это было бы ужасно.—Штабной врач: „я прекрасно понимаю". Некоторые офицеры, в том числе и один, сделавший ей в молодости предложение, громко начинают смеяться, и дама выражает желание, чтобы ее препроводили к знакомому старшему врачу для окончательного выяснения. При этом, к великому своему смущению, она вспоминает, что не знает его имени. Штабной врач, тем не менее, очень вежливо предлагает ей подняться на второй этаж по узкой железной винтовой лестнице, ведущей прямо из комнаты в верхние этажи. Поднимаясь, она слышит, как один офицер говорит: „Это колоссальное решение, безразлично—молодая ли или старая; мое полное почтение!"

С чувством, что она просто исполняет свой долг, она подымается наверх по бесконечной лестнице.

Это сновидение повторяется за короткий промежуток в несколько недель еще два раза с совершенно незначительными, по словам дамы, и довольно бессмысленными изменениями.

В своем течении сновидение это совпадает с дневной фантазией; в нем мало перерывов, а некоторые подробности в его содержании могли бы быть разъяснены при непосредственном расспросе, чего, как вы знаете, не было сделано. Но самое замечательное в этом сновидении, и для нас самое интересное это то, что оно имеет несколько пропусков, относящихся не к воспоминаниям, а к содержанию самого сновидения. В трех местах это содержание как будто вычеркнуто; речи, в которых имеются эти пропуски, прерываются бормотанием. Так как мы не сделали анализа, то, строго говоря, не имеем и права сказать что-нибудь о смысле сновидения. Но в нем имеются намеки, благодаря которым можно все-таки кое-о-чем заключить, например, в слове „любовная служба". Но главное, части речи, непосредственно предшествующие бормотанию, требуют дополнения, которое может иметь только один определенный смысл. Если мы

введем эти дополнения, то получается фантазия, содержание которой состоит в том, что дама, видевшая сон, готова во исполнение своего патриотического долга предложить себя для удовлетворения любовных потребностей военных, как офицеров, так и рядовых. Это безусловно чрезвычайно неприлично, образчик дерзкой либидинозной фантазии, но в сновидении этого вовсе нет. Как раз в тех местах явного содержания сновидения, где непрерывный ход мыслей неизбежно привел бы к признанию этой фантазии, находится неясное бормотание чего-то или что-то подавлено.

Вы согласитесь, надеюсь, что именно неприличие этих мест было вполне естественной причиной их подавления. Но где вы можете найти нечто подобное этому? В наши дни вам незачем долго искать. Возьмите в руки любую политическую газету, и вы найдете, что во многих местах нет текста, а вместо него просвечивает белая бумага. Вы знаете, что это дело рук газетной цензуры. На этих пустых местах находилось что-то, что не понравилось превосходительному цензурному начальству, и поэтому оно было устранено. Вы очень сожалеете об этом, думаете, что это, пожалуй, было самое интересное „самое лучшее место“.

В других случаях цензура оказывает свое воздействие не на вполне готовый уже текст. Автор предвидел, в каких местах можно ждать возражений со стороны цензуры и предупредительно ослабил их, слегка изменив, или удовольствовался одними только намеками и неполным изложением того, что ему хотелось сказать. Тогда в газете не оказывается пустых мест, но по некоторым намекам и неясностям выражений вы можете догадаться, что требования цензуры тут уже заранее были приняты во внимание.

Будем придерживаться этого сравнения. Мы утверждаем, что пропущенные, скрытые за бормотанием слова сновидения принесены в жертву цензуре. Мы прямо так и говорим о ц е н з у р е с н о в и д е н и й, которой нужно приписать некоторое участие в искажении сновидения. Всюду, где в явном сновидении имеются пропуски, в этом виновата цензура. Нам следовало бы пойти еще дальше и считать, что действие цензуры всегда сказывается и в тех случаях, когда какой-нибудь элемент сновидения запоминается плохо, неопределенно, неуверенно, на-ряду с другими более ясными элемен-

тами. Но цензура редко проявляется так откровенно, так, хочется сказать, наивно, как в примере сновидения о „любовной службе“. Гораздо чаще она действует по второму образцу, ставя на место того, что должно быть, нечто более слабое, только приблизительно похожее, и прибегая к помощи намеков.

Третий способ действия цензуры сновидения нельзя сравнить с свирепствованием газетной цензуры; но как раз этот способ я могу вам показать на примере единственного уже проанализированного нами сновидения. Вспомните сновидение о „трех плохих театральных билетах за 1 фл. 50 гелл. Среди скрытых мыслей этого сновидения на первом месте стоял элемент „слишком поспешно, слишком рано“. Это значит: нелепо было так **рано** выходить замуж—также бессмысленно было покупать так **рано** билеты в театр, смешно было со стороны невестки так **поспешно** потратить деньги, чтобы купить себе на них драгоценности. В явном сновидении незаметно и следов этого центрального элемента мыслей сновидения; в нем, наоборот, центр тяжести сосредоточен на посещении театра и покупке билетов. Благодаря такому перемещению акцента и перегруппировке элементов различного содержания явное сновидение становится на столько непохожим на скрытые его мысли, что нельзя догадаться о тех мыслях, которые скрываются за этим явным содержанием сновидения. Это перемещение акцента главным образом и способствует искажению сновидения и налагает на него тот странный отпечаток, благодаря которому даже лицо, видевшее сон, не узнает в нем продукта творчества собственной своей души.

Пропуски, изменения (Modificatio), перегруппировка материала—все это возникает под влиянием цензуры и сбразует средства, при помощи которых достигается искажение сновидения. И главную причину или по крайней мере одну из главных причин того искажения сновидения, которое мы теперь исследуем, составляет цензура сновидения. Замечу еще, что к числу средств искажения, понимаемых нами под общим термином „**сдвига**“ (Verschiebung), как указано, относятся также изменение (Modificatio) и перегруппировка.

Ограничимся указанными замечаниями о действии цензуры сновидения и обратимся теперь к вопросу о ее дина-

мизме. Надеюсь, что вы не представляете себе выражение „цензура“ в виде человеческого образа и не воображаете себе при этом маленького строгого человека или даже какого-нибудь духа, поселившегося в одном из мозговых желудочков и бодрствующего там на своем посту. Вы также не должны связывать это выражение с пространственным представлением, воображая себе какой-нибудь особый „мозговой центр“, от которого исходит такого рода цензурирующее влияние и с разрушением или повреждением которого прекратится это влияние. Это только очень удобный термин для обозначения динамического отношения между различными элементами сновидения. Этот термин не предрешает вопроса о том, какого рода тенденции оказывают такое динамическое влияние и на какие именно элементы; мы также не будем удивлены, если окажется, что нам раньше уже приходилось иметь дело с цензурой сновидения, хотя мы еще и не знали о ней.

А это было действительно так. Вспомните, что когда мы начали применять на деле нашу технику свободных ассоциаций, то наткнулись на один изумительный факт. Мы тогда почувствовали, что какое-то сопротивление мешает нам проникнуть от элемента сновидения к тому бессознательному элементу, который он заменяет. Это сопротивление, как мы тогда сказали, может быть очень различным по своей величине, в одном случае очень большим, в другом очень незначительным. В последнем случае достаточно незначительного числа представлений из цепи ассоциаций, чтобы толкование сновидения было закончено. Но если сопротивление велико, то приходится, исходя из элемента явного содержания сновидения, восстановить длинную цепь ассоциаций, уходящую далеко от этого элемента, и преодолеть при этом все трудности, возникающие против этих ассоциаций в виде критических возражений. И вот именно эту силу, проявляющуюся в форме сопротивления нашему толкованию, мы должны включить как цензуру сновидения в число сил, действующих при образовании сновидения. Сопротивление при толковании представляет из себя только олицетворение цензуры сновидения. Оно доказывает нам также, что власть цензуры не исчерпывается только тем, что она искажает сновидение и после этого сама прекращается, а что цензура в качестве

постоянного института продолжает существовать и позже для того, чтобы сохранить уже созданное искажение. Кстати замечу, что так же, как меняется сила сопротивления при толковании того или другого элемента сновидения, меняется и степень искажения этого элемента под влиянием цензуры. Если сравнить явное сновидение и скрытое его содержание, то можно заметить, что один из его скрытых элементов совершенно отсутствует в явном его содержании, другие вошли в это содержание, но в более или менее измененном виде, и, наконец, третьи сохранились в нем совершенно неизмененными или даже особенно подчеркнуты.

Теперь рассмотрим вопрос о том, какие тенденции проявляются в форме цензуры и против чего они направляют свое действие. На этот вопрос, важнейший для понимания сновидения и, быть может, вообще жизни человеческой души, легко дать ответ; для этого достаточно еще раз рассмотреть весь ряд уже истолкованных нами сновидений. Тенденции, олицетворяемые цензурой, по содержанию своему таковы, что лицо, видевшее сон, в бодрствующем состоянии их вполне признает, одобряет и считает своими. Будьте уверены, что если вы отказываетесь согласиться с вполне правильным толкованием сновидения, то вы так поступаете по тем же мотивам, благодаря которым действовала цензура, совершалось искажение сновидения и явилась необходимость в толковании. Вспомните сновидение нашей пятидесятилетней дамы. Без всякого толкования она находит свое сновидение отвратительным и была бы еще более возмущена, если бы д-р von Hug сообщила ей что либо необходимое для толкования. И потому именно, вследствие этого осуждения, неприличные места сновидения заменены были бормотанием.

Что же касается тех тенденций, против которых направлена цензура сновидения, то их следует описать сначала с точки зрения этой последней. Но в таком случае о них можно сказать только то, что они по природе своей безусловно достойны осуждения, одинаково неприличны как в этическом, так и в эстетическом и социальном отношении и что они относятся к разряду таких явлений, о которых не решаются подумать или думают только с отвращением. Во-первых эти желания, отвергнутые цензурой и нашедшие себе в сновидении выражение только в искаженном виде, отме-

чены печатью безграничного и беспощадного эгоизма. При этом собственное „я“ фигурирует в каждом без исключения сновидении и играет в нем главную роль, даже и тогда, когда оно вовсе не заметно в содержании. Этот „sacro egoismus“ (священный эгоизм) сновидения находится несомненно с связи со всей психической направленностью сна, состоящей в том, что временно нас перестает интересовать весь внешний мир.

Свободное от всяких этических уз „я“ легко идет навстречу любому капризу полового влечения,—даже такому, которое давно отвергнуто нашим эстетическим воспитанием или противоречит нравственным требованиям. Стремление к наслаждению — либидо, как мы выражаемся — беспрепятственно избирает свои объекты и при этом отдает предпочтение наиболее запретным. Такое предпочтение оказывается не только чужой жене, но главным образом инцестуозным (кровосмесительным), свято охраняемым в человеческом общежитии объектам, как-то матери и сестре со стороны мужчины, отцу и брату со стороны женщины. (Сон нашей пятидесятилетней дамы также инцестуозен, либидо его несомненно направлено на родного сына). Вожделения, которые готовы стать чуждыми человеческой природе, оказываются в состоянии вызвать сновидение. В сновидении может также безудержно проявиться разгул бешеной ненависти. Мстительные желания смерти к самым близким и любимым в действительности лицам, как-то родителям, братьям, сестрам, супругу, супруге, собственным детям—явление самое обычное в сновидении. Кажется, что все эти отвергнутые цензурой желания исходят из какого-то ада, и никакую цензуру мы не считаем достаточно строгой, когда в состоянии бодрствования знакомимся с толкованием таких сновидений.

Но не ставьте все это ужасное содержание в вину самому сновидению. Не забывайте, что на него возложена безобидная, даже полезная обязанность уберечь сон от всего, что может его нарушить. И во всех означенных ужасах виноват не он. Ведь вы знаете, что бывают и такие сны, в которых находят удовлетворение вполне законное желание и естественные физические потребности. Но в таких снах нет искажения, они не нуждаются в нем; они могут прекрасно выполнить свою функцию охраны сна, не

оскорбляя этических и эстетических тенденций „я“ (личности). Примите также во внимание, что искажение сновидения пропорционально двум факторам. С одной стороны оно усиливается в зависимости от того, насколько мерзко отвергаемое цензурой желание, а с другой стороны оно зависит от строгостей цензурных требований, далеко не всегда одинаковых. Так, например, у молодой, воспитанной в строгости, щепетильной девушки, цензура с немилосердной строгостью исказит в сновидении такие душевные движения, которые нам, врачам, покажутся вполне дозволенными, безобидными либидинозными желаниями. Да и сама эта девушка десять лет спустя будет о них такого же мнения, как и мы.

Впрочем нам еще далеко до того, чтобы иметь право возмущаться результатами нашего толкования. Мне кажется, что мы его не совсем еще даже понимаем; но прежде всего нам необходимо защитить его от некоторых возражений. А найти в нем уязвимые места далеко не так трудно. Ведь наше толкование сновидений исходило из трех принятых нами заранее предположений: во-первых, что сновидение имеет определенный смысл; во-вторых, что, на основании явлений гипнотического сна, можно допустить существование временно бессознательных душевных процессов и при нормальном сне и что все возникающие мысли детерминированы. Если бы на основании этих предположений мы пришли к приемлемым результатам в вопросе о толковании сновидений, то имели бы право заключить, что наши предположения вполне правильны. Но как быть в том случае, когда получаются результаты как только что описанные?

Теперь вполне естественно было бы заявить: эти результаты невозможны, бессмысленны, по меньшей мере весьма невероятны, а следовательно, в наших исходных предположениях что-то неправильно. Или сновидение все-таки не психический феномен или в нормальном состоянии невозможны никакие бессознательные переживания, или, наконец, наша техника свободных ассоциаций не стоит на высоте. Согласитесь, что проще и приятнее сделать последнее предположение, чем признать эти мерзости, будто бы открытые нами на основании наших прежних предположений.

Совершенно правильно! И проще и приятней; но из этого не следует, что в то же время и правильней. Не бу-

дем спешить, вопрос еще не исчерпан. Раньше всего мы можем еще новым доводом усилить критическое отношение к нашему толкованию. То обстоятельство, что результаты его так неприятны и неаппетитны, пожалуй, еще не самое худшее. Гораздо более убедительно возражение, что сами лица, видевшие сон, решительнейшим образом и с полным правом отвергают желания, которые мы им приписываем на основании нашего толкования. Что?—возражает нам один из них: основываясь на сновидении, вы хотите доказать, что мне жаль денег, потраченных мною на приданое сестры и воспитание брата? Этого быть не может; я только на них и работаю, у меня нет в жизни никаких других интересов, кроме желания выполнить мои обязанности по отношению к ним—что я, как самый старший, обещал нашей покойной матери. Или дама, видевшая сон, говорит: я по-вашему желаю смерти моему мужу?! Ведь это возмутительная нелепость! Вы мне, пожалуй, не поверите, если я стану вас уверять, что у нас самый счастливый брак. Но это еще не все; ведь согласитесь, что его смерть лишила бы меня всего, что у меня есть в жизни. Или третий ответит нам: Мне вы приписываете вожделения по отношению к моей сестре? Но ведь это смешно, я на нее никакого внимания не обращаю; я с ней в ссоре и уже много лет мы не говорим друг с другом. Мы могли бы еще спокойно отнестись к тому, что лица, видевшие сон, не подтверждают или даже отрицают приписываемые им намерения; мы могли бы сказать, что в том-то и дело, что они этого не знают. Но мы все же не можем не почувствовать, наконец, смущения, когда они утверждают нечто прямо противоположное тому желанию, которое мы у них открыли, и могут доказать нам это всем своим поведением и образом жизни. Не лучше ли всего хотя бы теперь бросить, наконец, всю эту работу над толкованием сновидения, все результаты которой привели нас только к абсурду?

Нет, этого еще не следует делать. И этот довод оказывается несостоятельным, если к нему отнестись критически. Ведь тот факт, что в сознательной душевной жизни господствуют определенные тенденции, вовсе не может служить доказательством того, что в душе не имеются и бессознательные тенденции противоположного характера. Ведь воз-

можно, что в душевной жизни достаточно места для противоположных тенденций, для одновременно существующих противоречий. Возможно даже, что именно преобладание одного какого-нибудь душевного движения и создает условия для того, чтобы притивоположное ему стало бессознательным. Таким образом мы опять остаемся при первом возражении, что результаты толкования сновидения уж очень неприятны и сложны. Но по поводу сложности нужно возразить, что с одним страстным желанием простоты вы не разрешите ни одной проблемы сновидения; вам придется уж в данном случае примириться с многосложностью изучаемого явления. А что касается неприятного характера результатов, то вы безусловно неправы, выставляя в качестве мотива научного суждения испытываемое вами отвращение или удовольствие. Что за дело до того, что результаты толкования сновидения кажутся вам такими неприятными или даже позорными и противными? Ça n'empêche pas d'exister (это не мешает тому, чтобы было так), слышал я в подобном же случае еще молодым врачом от учителя моего Charcot. Если хочешь узнать то, что действительно существует на белом свете, то приходится смириться и пожертвовать своими симпатиями и антипатиями. Если какой-нибудь физик будет вам доказывать, что в скором будущем вся органическая жизнь на земле должна совершенно прекратиться, посмеете ли вы ему возразить: этого быть не может; такая перспектива уж очень неприятна. Я полагаю, что вы будете молчать и ждать, пока не явится другой физик и не докажет первому, что при его расчетах и предположеениях была допущена ошибка. Если вы отстраняете от себя все, что вам кажется неприятным, то в сущности поступаете по образцу механизма образования сновидений, вместо того, чтобы понять его и овладеть им.

Быть может, вы согласны в таком случае не обращать внимания на отвратительный характер отвергнутых цензурой желаний сновидения, но зато вы готовы выдвинуть новый довод: невероятно, мол, чтобы злое начало занимало такое большое место в душевной конституции человека. Но разве ваш жизненный опыт дает вам право это утверждать? Я не хочу говорить о том, какими вы кажетесь самим себе, но

разве вы встретили столько благосклонности у своего начальства и у своих конкурентов, столько рыцарства у своих врагов, так мало зависти в своем обществе, что чувствуете себя обязанными выступить в защиту человеческой природы от обвинений в злобном эгоизме? Разве вам неизвестно, как средний человек плохо владеет собой и мало заслуживает доверия во всем, что касается сексуальной жизни? Или вы, может быть, не слыхали о том, что все те преступления и проступки, о которых нам только снится ежедневно ночью, действительно совершаются преступниками в бодрственном состоянии? Психоанализ в данном случае только подтверждает старое изречение Платона, что хорошие люди довольствуются сновидениями о том, что дурные совершают на самом деле.

А теперь перенесите свой взор с индивидуального на великую войну, которая все еще опустошает Европу, подумайте о безграничной жестокости, свирепости и лживости, широко распространившихся по всему культурному миру. Неужели вы в самом деле думаете, что кучке бессовестных карьеристов и соблазнителей удалось бы накликать всю эту беду, если бы миллионы, идущие за вожаками, не были сами соучастниками преступления? Решаетесь ли вы и при этих условиях ломать копья за совершенство душевной конституции человека?

Вы мне возразите, что я односторонне сужу о войне, что благодаря войне проявилось самое прекрасное и благородное, что есть в душе человека: его геройство, его самоотверженность, его социальное чувство. Это верно. Но не будьте соучастниками несправедливости, так часто совершаемой по отношению к психоанализу, не укоряйте его за то, что он будто бы отрицает кое-что только на основании того, что он утверждает нечто совсем другое. Мы и не думали отрицать благородных стремлений человеческой природы и никогда и ничем не пытались уменьшить их достоинства. Напротив, ведь я показываю вам не только отвергнутое цензурой преступное желание сновидения, но одновременно также и цензуру, которая их подавляет и искажает до неузнаваемости. Мы подчеркиваем все злое в человеке только потому, что другие это отрицают, — благодаря чему душев-

ная жизнь человека хотя и не становится лучше, но зато делается непонятной. Если же мы откажемся от односторонней этической оценки, то, несомненно, сможем определить форму взаимоотношений доброго и злого начала в человеческой природе.

Итак, все остается по-прежнему. Нам не для чего отказываться от всех результатов нашей работы над толкованием сновидений, хотя они и кажутся нам несколько странными. Может быть в дальнейшем еще другим путем мы дойдем до лучшего их понимания. А пока запомним следующее: искажение сновидений есть следствие цензуры, которой подвергаются все неприличные желания, шевелящиеся в нас ночью во время сна со стороны признанных сознательной личностью („я“) тенденций. Понятно, возникает еще много вопросов о том, почему это происходит именно ночью, во сне, и откуда берутся эти преступные желания, и нам предстоит еще исследовать эти вопросы.

Но с нашей стороны было бы несправедливо, если бы мы теперь не подчеркнули в достаточной мере еще и другой результат нашего исследования. Желания сновидений нарушают наш сон, неизвестны нам, мы узнаем о них только благодаря толкованию сновидений; их можно поэтому назвать в данную минуту бессознательными в указанном выше смысле. Но мы должны признать, что они бессознательны не только в данное время. Лицо, видевшее сон, как мы это видели во многих случаях, отрицает их, и после того, как узнало о них благодаря толкованию сновидения. Повторяется случай, с которым мы встретились впервые, когда истолковали обмолвку „aufstossen“ и когда оратор, произнесший тост, уверял нас с негодованием, что ни в ту минуту, ни когда-либо раньше он не замечал в себе никакого чувства непочтения по отношению к своему шефу. Уже тогда мы усомнились в том, можно ли придавать большую цену этим уверениям, и высказали предположение, что оратор никогда и не знал об этом своем чувстве. Нечто подобное повторяется при всяком толковании сильно искаженного сновидения и поэтому приобретает для нас большое значение. Мы готовы допустить, что в душевной жизни встречаются переживания и тенденции, о которых и сам

вообще ничего не знаешь, уж очень давно не знаешь, быть может никогда даже не знал. Благодаря этому бессознательное получает для нас новый смысл; понятие „временно“, „в данную минуту“, как несущественное, совершенно отпадает. Бессознательное может иметь также значение не только скрытого „в данную минуту“, но длительно бессознательного. Но об этом нам, разумеется, придется подробней поговорить в другой раз.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Символика сновидения.

М. гг. и м. гг.! Мы убедились, что искажение, мешающее нам понять сновидение, является следствием цензурирующей деятельности, направленной против неприемлемых бессознательных желаний. Но мы, понятно, никогда не утверждали, что цензура—единственный фактор, искажающий сновидение. И при дальнейшем изучении сновидения мы действительно убеждаемся, что в этом искажении принимают участие еще и другие моменты. Это значит, что если бы совершенно устранить цензуру сновидения, то сновидение оставалось бы для нас все-таки непонятным; содержание явного сна не совпадало бы со скрытыми его мыслями.

Другой момент, затемняющий смысл сновидения, этот новый фактор искажения сновидения, можно открыть, если обратить внимание на некоторый пробел в нашей технике. Я уже однажды сознался вам, что анализируемому иногда, действительно, ничего не приходит в голову по поводу отдельных элементов сновидения. Разумеется, это случается не так часто, как утверждают анализируемые; в очень многих случаях при настойчивости можно добиться того, что у них все-таки появляются различные мысли. Однако бывают такие случаи, в которых ассоциации совершенно обрываются или, если нам и удастся их вынудить у анализируемого, они не дают нам того, что мы ждем. Такое положение во время психоаналитического лечения имеет особое значение, о котором я не стану здесь распространяться. Но то же самое случается и с вполне нормальными людьми при толковании их сновидений, или даже когда толкуешь свои собственные

сновидения. Если убеждаешься, что никакая настойчивость не помогает, то, в конце концов, замечаешь, что при определенных элементах сновидения этот неприятный случай повторяется регулярно. Тогда начинаешь видеть новую закономерность там, где раньше предполагал только исключительный случай несостоятельности техники толкования.

В этих случаях является соблазн самому истолковать эти „немые“ элементы сновидения, заменяя их уже имеющимися из собственного опыта средствами. При таком допущении оказывается, что если решиться на такую замену этих элементов другими, то сновидение получает вполне удовлетворительный смысл. Между тем как, до тех пор, пока не допускаешь этого, оно остается совершенно бессмысленным и отсутствует всякая связь между его элементами. После того как подобные случаи стали встречаться все чаще и чаще, наши первые неуверенные и робкие попытки в этом направлении сменились полной уверенностью.

Я излагаю все это несколько схематически, но это вполне допустимо в дидактических целях, тем более, что в моем изложении вопрос освещается совершенно правильно, хотя я несколько и упрощаю его.

Таким образом получается постоянное соответствующее значение для целого ряда элементов сновидения подобно тому, как в наших популярных сонниках можно найти толкование смысла всевозможных приснившихся вещей. Не забудьте только, что при применении прежней техники ассоциаций не получается постоянных значений для отдельных элементов сновидения.

Вы сейчас же возразите, что последний способ толкования кажется вам еще гораздо менее точным и более спорным, чем прежний ассоциативный. Но я не сказал еще всего. Мне следует прибавить, что когда благодаря собственному опыту накопляется достаточное количество таких постоянных значений отдельных элементов сновидения, то начинаешь думать, что этот опыт дает основания для такого толкования сновидений, и что они действительно могут стать вполне понятными и без участия лица, видевшего сон. Каким образом можно узнать эти значения, об этом будет сказано во второй части нашего изложения.

Такое постоянное отношение между элементом сновидения и его значением мы называем символическим, а самый элемент сновидения—символом, соответствующим бессознательной мысли сновидения. Вы помните, что раньше, исследуя отношения между элементами сновидения и их действительным значением, я различал три вида этих взаимоотношений: части вместо целого, намека и олицетворения. Тогда же я вас предупредил о существовании еще четвертого вида, не называя его. Указанное мной теперь символическое отношение и есть этот четвертый вид. По поводу него возникает еще целый ряд очень интересных соображений, на которых мы остановимся раньше, чем приступим к изложению наших специальных наблюдений над символикой. Символика, быть может, самая интересная глава из всего учения о сновидениях.

Итак, ввиду того, что символы имеют постоянное значение, они в известной мере реализуют идеал античного и народного толкования сновидения, от которого мы так далеко ушли в нашей технике. Благодаря символам мы получаем иной раз возможность истолковать сновидение не расспрашивая лицо, видевшее его, так как ведь оно и без того ничего не может сказать нам по поводу символа. Если нзнакомы обычные символы сновидения, а также лицо, видевшее сон, условия, в которых оно живет, и впечатления, под влиянием которых имело место сновидение, то часто мы оказываемся в состоянии истолковать сновидение непосредственно, так сказать, прочесть его как по писанному. Такой фокус очень льстит самолюбию толкователя и импонирует лицу, видевшему сон; это выгодно отличается от утомительной работы при расспрашивании такого лица. Но пусть это не введет вас в заблуждение; не забывайте, что показывать фокусы вовсе не входит в наши задачи. Толкование, основанное на знании символов, не составляет такой техники, которая могла бы заменить ассоциативную или хотя бы даже с ней сравниться. Символическое толкование может быть только дополнением ассоциативной техники и, только дополняя последнюю, давать пригодные результаты. А что касается знания психической ситуации лица, видевшего сон, то прошу вас принять во внимание, что ведь вам придется толковать сновидения не только близких зна-

комых; что обычно вам не известны события дня, являющиеся возбудителями сновидения, и что мысли, приходящие в голову анализируемого и знакомят вась именно с тем, что называется психической ситуацией.

Далее достойно особого внимания еще и то, что против существования символических отношений между сновидением и бессознательным раздавались самые резкие возражения — это приобретает еще особый интерес в связи с обстоятельствами, о которых речь будет итти ниже. Даже люди, обладающие смелостью суждения и занимающие видное положение в науке, во многом соглашавшиеся с психоанализом, не последовали за ним. Этот факт тем более удивителен, что, во-первых, символика свойственна совсем не одному только сновидению и не его характеризует, во-вторых, символика сновидения вовсе не составляет открытия психоанализа, хотя последний не может пожаловаться на то, что он беден поразительными открытиями. Если уж искать у современников открытия символики сновидений, то нужно сознаться, что открыл ее философ К. А. Scherner (1861). Психоанализ только подтвердил открытие Scherner'a, хотя и очень основательно видоизменил его.

Теперь вам интересно будет узнать кое-что о сущности символики сновидений и познакомиться с такими примерами. С удовольствием сообщу вам, что мне известно, но сознаюсь, что наши знания еще не соответствуют тому, чего бы нам хотелось.

Сущность символики состоит в сравнении, но далеко не в любом сравнении, а отмеченном некоторыми особенностями. Можно предполагать, что это сравнение обусловлено своеобразными причинами, но в чем они состоят, сказать еще трудно. Не все то, с чем можно сравнить какой-нибудь предмет или процесс, может быть символом в сновидении. А, с другой стороны, сновидение выражает символически далеко не все, а только определенные элементы скрытых мыслей сновидения. Тут следовательно имеют место известные ограничения как со стороны выбора символизирующих представлений, так и со стороны символизируемого содержания. Приходится также согласиться с тем, что пока нет возможности строго определить понятие символа, что оно сливается с понятием о замещении одного элемента другим,

об изображении и т. п. и приближается даже к понятию о намеке. Сравнение, лежащее в основании многих символов, имеет вполне определенный смысл. Но на-ряду с этим встречаются и другие символы, при которых невольно возникает вопрос, в чем же заключается общее между символом и символизируемым понятием, где tertium comparationis этого предполагаемого сравнения. Иной раз нам удается найти его при более близком рассмотрении, но бывает и так, что оно остается для нас непонятным. Затем кажется очень странным то, что если символ есть сравнение, то почему же это сравнение нельзя открыть путем ассоциаций. И не менее удивительно то, что лицо, видевшее сон, не знает вовсе об этом сравнении и пользуется им, не сознавая его. Но больше того, оно, это лицо, наконец, даже не имеет желания узнать об этом сравнении, когда ему на него указывают. Отсюда вы можете заключить, что символическое отношение совсем особого рода, основание его для нас не совсем еще ясно. Может быть для выяснения его в дальнейшем удастся найти некоторые указания.

Количество предметов, изображаемых символически в сновидении, не велико: человеческое тело в целом, родители, дети, братья и сестры, рождение, смерть, нагота и прочее.

Единственно типичное изображение человека в целом представляет из себя д о м, как правильно указал Scherner, придавший этому символу несоответственно огромное значение. В сновидении иногда случается, что спускаешься с наслаждением, а в другой раз со страхом по фасаду дома. Дома с совершенно гладкими стенами изображают мужчин, а имеющие балконы и другие выдающиеся части,— за которые можно ухватиться — женщин. Родители появляются во сне в виде императора и императрицы, короля и королевы или других высокопоставленных лиц; в этом случае сновидение преисполнено чувства почтения. Оно проявляет меньше нежности по отношению к детям, братьям и сестрам; последние символизируются в виде маленьких з в е р е н ы ш е й, п а р а з и т о в. Роды почти регулярно изображаются каким-нибудь отношением к воде; или бросаются в воду или вылезают из нее, спасают кого-нибудь из воды или кто-нибудь спасает из воды самого видевшего сон, что указывает на материнское отношение к этому лицу. Умира-

ние во сне заменяется отъездом, поездкой, поездом, смерть —различными, неясными, как бы нерешительными намеками, нагота изображается при помощи платья или форменной одежды. Вы видите как тут стирается граница между символическим изображением и намеком.

В сравнении со скудностью этого перечисления, может показаться странным тот факт, что объекты и содержания другого порядка изображаются при помощи необыкновенно богатой символики, а именно все, что касается сексуальной жизни, гениталий, половых процессов и половых сношений. При этом выясняется удивительное несоответствие. Для сравнительно немногочисленных по содержанию объектов имеется в распоряжении невероятно огромное количество символов, так что каждый из них может быть выражен при помощи многочисленных, почти однозначащих символов. При толковании получается картина, производящая на всех впечатление непристойного. Значение символов оказывается чрезвычайно монотонным в сравнении с большим разнообразием искажений сновидения. Всем, кто об этом узнает, это решительно не нравится, но что же поделаешь?

Так как мы сейчас на этих лекциях впервые касаемся вопросов половой жизни, то я считаю своим долгом сообщить вам, в какой форме я нахожу нужным излагать эту тему. Психоанализ не видит причин, почему о ней допустимо было бы говорить только намеками, а не вполне открыто; он не считает нужным стыдиться обсуждения такой важной темы и полагает, что более всего прилично и корректно называть все настоящим именем; именно таким образом он надеется скорее всего устранить возникновение всяких посторонних, отвлекающих мыслей. То обстоятельство, что в аудитории находятся представители обоих полов, разумеется, не может тут ничего изменить. Подобно тому, как не может быть науки in usum delphini, так и не может быть ее специально для девочек-подростков, и мои слушательницы одним своим присутствием в этой аудитории доказывают, что ждут к себе такого же серьезного отношения, как это имеет место по отношению к слушателям мужчинам.

Сновидение изображает мужские гениталии несколькими различными символами, в которых по большей части вполне

очевидно общее основание для сравнения. Прежде всего видную роль в изображении всех мужских гениталий в целом играет священное число 3. Более привлекающая внимание и более интересная для обоих полов часть гениталий мужской орган символически заменяется: во-первых, предметами, сходными с ним по форме, т.-е. длинными, торчащими вверх, как, напр.; палки, зонтики, деревья, колья и т. п. Далее предметами, имеющими с обозначаемыми предметами то сходство, что обладают способностью проникать в тело и причинять ранения, т.-е. всякого рода острое оружие, ножи, кинжалы, копья, сабли, а также и огнестрельное оружие: ружья, пистолеты и очень подходящий по форме своей револьвер. В страшных снах девочек большую роль играет преследование со стороны мужчины, вооруженного ножом или револьвером. Это может быть самый частый случай символики сновидения, который вам теперь не трудно будет понять. Также вполне понятно, если мужской орган заменяется предметом, из которого течет вода: водопроводным краном, чайником, фонтаном и другими предметами, обладающими способностью вытягиваться в длину, как, напр., висящими лампами, выдвигающимися карандашами и т. п. Вполне понятное представление об этом органе является также причиной того, что карандаши, ручки, напильники для ногтей, молотки и другие инструменты служат несомненными мужскими половыми символами.

Благодаря удивительной способности мужского органа подыматься в направлении, противоположном действию силы притяжения, частный случай эррекции—он изображается символически в виде воздушного шара, аэроплана, а в последнее время в виде воздушного корабля цеппелина. Но сновидение умеет символически изображать эррекцию еще иным, гораздо более внушительным способом. Придавая половому органу значение самой существенной черты, характеризующей всю личность, сновидение приписывает личности способность летать. Не огорчайтесь, пожалуйста, что всем нам известные, часто такие прекрасные сны имеют значение эррекционных снов, сопровождающихся общим половым возбуждением. Из среды исследова-

телей психоаналитиков P. Federn доказал, что такое толкование не может подлежать никакому сомнению. Но также и столь восхваляемый за осторожность Mourly Vold, экспериментировавший над сновидениями, придавая искусственное положение рукам и ногам спящего, и стоявший совершенно в стороне от психоанализа, быть может даже не слыхавший о нем ничего, пришел в своих исследованиях к тому же выводу. Не возражайте, что и женщинам может присниться, что они летают. Вспомните лучше, что наши сновидения представляют собой исполнения желаний и что очень часто у женщин бывает сознательное или бессознательное желание быть мужчиной. А всякому знающему анатомию будет вполне понятно, что и женщина может реализировать это желание посредством таких же ощущений, как и мужчина. Женщина имеет в своем половом аппарате тоже маленький орган, вполне похожий на мужской, называемый клитором, и орган этот играет в детском возрасте перед началом половой жизни ту же роль, что и мужской.

К числу менее понятных мужских сексуальных символов относятся пресмыкающиеся и рыбы, на первом месте известный символ змеи. Далее очень трудно понять, почему шляпа и пальто приобрели такое же символическое значение, но последнее не подлежит ни малейшему сомнению. Наконец, возникает еще вопрос можно ли считать символическим обозначение мужского органа посредством какого-нибудь другого, напр., руки или ноги. Я полагаю, что общая связь всего хода мыслей сновидения, с одной стороны, и соответствующие противоположности у женщин с другой—заставляют это сделать.

Женские половые органы изображаются символически при помощи всех предметов, имеющих с ними сходство—особенность ограничивать полое пространство, способное быть чем-нибудь заполненным. Такими являются: шахты, копи, пещеры, далее—сосуды, бутылки, коробки, табакерки, шкатулки, чемоданы, ящики, карманы и т. п. Так же судно относится к их разряду. Некоторые символы скорей относятся к матке, чем к гениталиям женщины, например: шкапы, печи и, главным образом, комнаты. Символика комнаты соприкасается здесь с символикой дома. Двери и ворота приобретают в свою

очередь значение символов половых отверстий. Но и материалы также могут быть символами женщины, так же как и предметы, сделанные из этого материала, как-то: стол и книга. Из числа животных можно указать как на несомненные женские символы на улитку и раковину, из числа частей тела на рот, как образ полового отверстия, из строений на церковь и капеллу. Как видите далеко не все эти символы одинаково понятны.

К числу гениталий нужно отнести также и груди, которые так же, как ягодицы женского тела, изображаются при помощи яблок, персиков и вообще плодов. Волосы на гениталиях обоего пола сновидение описывает при помощи леса и кустарника. Сложностью топографии женских половых частей объясняется тот факт, что часто они изображаются в виде ландшафта, со скалами, лесом и водой, между тем как внушительный механизм мужского полового аппарата служит причиной тому, что символами его могут быть всевозможные трудно поддающиеся описанию сложные машины.

Заслуживает быть упомянутой еще шкатулка для драгоценностей как символ женских гениталий; драгоценностью, сокровищем называются любимые лица и во сне; сладости изображают часто половое наслаждение. Самоудовлетворение обозначается часто, как всякого рода игра, тоже и игра на рояли. Типичным символическим изображением онанизма является движение, при котором скользишь или скатываешься, также, когда обрываешь ветку. Особенно замечателен символ выпадения или вырывания зуба. Прежде всего он обозначает кастрацию в наказание за онанизм. Специальные символы для изображения полового акта в сновидениях менее многочисленны, чем можно было бы ожидать на основании вышеизложенного. К ним относятся танцы, верховая езда, подъемы, а также переживания, связанные с насилием, что кого-нибудь переехали, раздавили. Сюда же относятся и некоторые ремесленные работы и, понятно, угрозы оружием.

Вы не должны представлять себе употребление и раскрытие значения этих символов чем-то очень простым. При этом возможны всякие случайности, противоречащие нашим

ожиданиям. Так, например, кажется мало вероятным, что половые различия часто не резко отличаются при всех этих символических изображениях. Некоторые символы имеют значение вообще полового органа, безразлично какого—мужского или женского, например, маленький ребенок, маленький сынок, маленькая дочка. В другой раз преимущественно мужской символ может употребляться для обозначения женских гениталий, и наоборот. Это невозможно понять без более близкого знакомства с развитием сексуальных представлений у человека. В некоторых случаях может только показаться, что символы имеют двоякое значение; самые яркие из символов, как оружие, карман, ящик, не могут употребляться в таком бисексуальном значении.

Теперь я буду исходить не из символизируемого представления, а из символа, и дам обзор тех областей, из которых большею частью берутся символы. К этому я прибавлю еще некоторые дополнения, особенно принимая во внимание символы, в которых непонятны свойства, общие как символу, так и символизируемому предмету.

Таким темным символом является шляпа, быть может, вообще всякий головной убор, который обыкновенно имеет мужское значение, но может иметь также и женское. Точно также пальто обозначает мужчину, однако не всегда, может быть, в половом смысле. Вы имеете право спросить: почему? Свисающий галстух, не входящий в состав женского костюма, имеет определенное значение мужского символа. Белое белье, полотно символизирует вообще женское начало. Платье, форменная одежда, как мы уж слышали, имеет значение наготы, форм тела; башмак, туфля—символизируют женские гениталии. Стол и дерево (Holz), как материал, были уже упомянуты как непонятные, но безусловно женские символы. Лестница всякого рода или подъем по ней—несомненный символ полового акта. Вдумавшись, мы должны будем обратить внимание на решительность движений при ходьбе и при половом акте, как на общий признак, может-быть также на возрастание возбуждения и одышку по мере того, как подымаешься вверх.

Мы уже упомянули о ландшафте, как о символе, изображающем женские гениталии. Гора и скала—символы

мужского органа. Сад—часто употребляемый символ женских гениталий. Плод имеет значение груди, а не ребенка. Дикие звери означают чувственно-возбужденных людей, кроме того дурные инстинкты, страсти. Цветы и цвет (цветение) обозначают гениталии женщины или в более специальном случае,—девственность. Не забудьте, что цветы действительно представляют из себя гениталии растений.

Комната уже известна нам как определенный символ. Образ этот может еще детализироваться в том отношении, что окна, входы и выходы комнаты могут получить значение отверстий тела. Также подходит под эту символику подробность, открыта ли или закрыта комната, а открывающий ключ является несомненным мужским символом.

Таков фактический материал символики сновидения. Он еще не полон и его можно было бы углубить и расширить. Но я думаю, вам и это покажется вполне достаточным, а может быть даже надоело. Вы спросите: неужели я в самом деле живу, окруженный сексуальными символами? Неужели же все предметы, которые меня окружают, все платья, которые я надеваю, все вещи, которые беру в руки, всегда представляют из себя только сексуальные символы и ничего другого? Во всем этом имеется действительно достаточно поводов для того, чтобы с изумлением ставить вопросы, и первый из них гласит: откуда же нам узнать значения этой символики сновидений, о которой лицо, видевшее сон, или не дает нам совсем никаких сведений или, в лучшем случае, только весьма недостаточные?

На это я вам отвечу: это можно узнать из различных источников: из сказок, мифов, водевилей и острот, из фольклора, т.-е. науки о нравах, обычаях, поговорках и песнях народов, употребляемых в поэзии и в обыденной жизни, в выражениях нашего языка.

Здесь повсюду встречается та же символика, и во многих из указанных случаев мы ее понимаем безо всяких указаний. Если мы подробно станем изучать эти источники, то найдем столько параллелей к символике сновидений, что получим твердую уверенность в правильности нашего толкования.

Человеческое тело, как сказано, по мнению Scherner'а, часто изображается символически в виде дома. При детальном развитии этого символа окна, двери и ворота получают

значение входных отверстий во внутренние полости тела; фасад гладкий или с балконом и выступами, чтобы можно было ухватиться за них, имеет значение поверхности мужского или женского тела; но эта же символика встречается и в выражениях нашей речи, когда мы фамильярно приветствуем близкого приятеля словами: „Alter Haus“ развалина, когда мы говорим о том, чтоб дать кому-нибудь хорошенько (по крышке) aufs Dach или относительно другого лица утверждаем, что у него не все в порядке „im Oberstübchen“ (чердак не в порядке). В анатомии отверстия тела так и называются Leibespforten (ворота тела).

С первого взгляда может показаться поразительным то обстоятельство, что родители в сновидении фигурируют в виде императорской или королевской четы. Но мы находим параллели этому в сказках. Разве у нас не является мысль, что в начале многих сказок вместо: жили-были царь с царицей, в сущности должно было бы быть: „жили-были отец с матерью“. В семье мы часто называем детей принцами, а самого старшего сына наследником (Kronprinz). Король сам называет себя отцом страны (Landesvater, по-русски царь-батюшка). Маленьких детей мы в шутку называем: червячками (по-русски клопами) и с состраданием говорим: бедный червячок (das arme Wurm—бедный клопик).

Вернемся к символике дома. Когда мы пользуемся во сне выступами домов, чтобы ухватиться за них, то разве это не напоминает известное народное выражение относительно сильно развитого бюста: „die hat was zum abhalten“ (у этой есть за что ухватиться). Но народ выражается в таких случаях еще иначе, он говорит: „die hat viel Holz vor dem Hause“ (у этой много дров перед домом), как будто желая этим притти на помощь в истолковании дерева как женского, материнского символа.

По поводу дерева я должен еще добавить следующее: мы не можем понять, каким образом этот предмет стал символ материнского, женского начала. Но здесь нам приходит на помощь сравнительная филология. Немецкое слово Holz одного корня с греческим ὕλη, что обозначает сырой материал, сырье. Тут мы имеем дело с довольно частым случаем, когда общее название материи в конце концов

охранилось за одним только ее видом. Далее вы знаете, что в океане существует остров, называемый Мадейрой. Это название дали острову португальцы, когда открыли его, потому что весь остров был в то время покрыт лесом. Дерево по-португальски называется madeira. Но вы ведь легко узнаете, что madeira не что иное, как слегка измененное латинское слово materia, что опять-таки обозначает материю вообще. А materia происходит от слова mater— мать. Материя, из которой сделана какая-нибудь вещь, составляет как бы материнскую часть ее. В этом древнем представлении отражается символическое значение дерева для обозначения женщины-матери.

Рождение в сновидении изображается всегда в связи с водой: или падают в воду или выходят из воды,—что обозначает: рождают или рождаются. Не следует забывать, что этот символ оправдывается вдвойне ссылкой на факты из биологии и эмбриологии. Первый факт более отдаленных времен состоит в том, что все млекопитающие, в том числе и человек, произошли от водных животных, второй—что каждое млекопитающееся животное, каждый человек провел первый период своего существования в воде, именно в околоплодной жидкости во чреве матери и, родившись, вышел из воды. Я не хочу утверждать, что лицо, видевшее сон, знает это, напротив, я держусь того мнения, что ему и незачем это знать. Он, вероятно, знает что-нибудь другое, что ему рассказали в детстве, но я буду утверждать, что и это его знание не имело никакого значения в деле образования символа. В детстве ему наверное рассказали, что детей приносит аист, но откуда он их берет? Из пруда, из колодца, т.-е. опять-таки из воды. Один из моих пациентов, маленький граф, узнав об этом, вдруг куда-то исчез на все послеобеденное время. Наконец его нашли на самом берегу пруда в саду у замка, он лежал, приникнув личиком к поверхности воды, и усердно искал на дне маленьких деток.

В мифах о рождении героя, подвергнутых O. Rank'ом сравнительному исследованию, самый древний из этих мифов о царе Саргоне из Агады, около 2800 л. до Р. Х.— преобладающую роль играют мотивы бросания в воду и спасения из воды. Rank открыл, что таким образом изо-

бражается рождение, совершенно подобно тому, как это происходит и во сне. Если во сне спасают какую-нибудь женщину из воды, то это значит, что ее избирают себе в матери или просто делают матерью; в мифах лицо, спасающее из воды ребенка, признает себя этим фактом настоящей его матерью. В известном анекдоте смышленного еврейского мальчика спрашивают, кто был матерью Моисея? Он отвечает не задумываясь: принцесса. Но как же, возражают ему, ведь она его вытащила из воды. Это она так говорит, отвечает мальчик, показывая, что правильно понял миф.

Отъезд обозначает в сновидении смерть, умирание. Также принято отвечать детям на вопрос, куда девалось умершее лицо, отсутствие которого они чувствуют, что оно уехало. И опять я согласен с мнением, что символ сновидения происходит от этого способа как-нибудь отделаться от расспросов ребенка. Поэт пользуется такой же символикой, говоря о загробной жизни, как о таинственной стране, откуда еще не вернулся ни один путник. В обыденной жизни мы тоже говорим о последнем пути. Всякий знакомый с древним ритуалом знает, каким серьезным, например, в древне-египетской религии было царившее там представление о путешествии в страну смерти. До нас дошла во многих списках книга мертвых, которою как бедекером снабжали в эту дорогу мумию. С тех пор как кладбища были отдалены от жилищ, последнее путешествие умерших стало реальным фактом.

Символика гениталий также не составляет особенности сновидений. Каждому из вас, вероятно, случалось быть невежливым и назвать какую-нибудь женщину „alte Schachtel" (старая колода), быть может вовсе не зная, что пользуется при этом символом гениталий. В Новом Завете сказано: женщина сосуд скудельный. Святое писание евреев, благодаря своему стилю столь родственному поэтическому, полно сексуально-символическими выражениями, которые понимались всегда правильно и толкование которых, напр., в песне песен привело ко многим недоразумениям. В позднейшей древне-еврейской литературе очень распространено изображение женщины в виде дома, в котором дверь изображает половое отверстие. Например, в случае отсутствия девствен-

ности муж жалуется, что нашел двери отпертыми. Также и символ стола, как обозначение женщины, известен из этой литературы. Жена говорит о своем муже: „Я ему приготовила стол, но он его повернул“. Хромые дети будто бы происходят от того, что муж поворачивает стол. Эти факты я привожу из статьи L. Levy из Брюнна: „Сексуальная символика библии и талмуда“.

Этимологи поясняют, каким образом в сновидении корабль означает женщину. Они говорят, что кораблем (Schiff) сначала назывался глиняный сосуд, и что это было то же слово, что Schaff (овца). Греческое сказание о Периандре из Коринфа и жене его Мелиссе, подтверждает нам, что печь означает женщину и матку. Когда по Геродоту тиран вызвал тень горячо любимой, но убитой им из ревности супруги, чтобы получить от нее нужные сведения, покойница показала, что это именно так, напомнив, что Периандр поставил свой хлеб в холодную печь, намекая на событие, которое не могло быть известно никому кроме нее. В изданных F. S. Krauss'ом „Anthropophyteia“, неисчерпаемом источнике всего, что касается половой жизни народов, можно узнать, что в одной немецкой местности существует следующее выражение о женщине, разрешившейся от бремени: „у меня завалилась печь“. Приготовление огня и все имеющее к нему отношение насквозь пропитано сексуальной символикой. Пламя всегда представляет из себя мужской гениталий, а место, где горит огонь— очаг, женское лоно.

Быть может вас удивляет, что ландшафты в сновидении так часто изображают женские гениталии. В таком случае мифологи могут вам рассказать, какую роль в понятиях и культах древних народов играла мать-земля и какое громадное влияние имела эта символика на их представления, связанные с земледелием. То обстоятельство, что комната (Zimmer) во сне изображает женщину (Frauenzimmer), вы, пожалуй, склонны будете объяснить выражением нашего языка, пользующегося словом Frauenzimmer вместо Frau, т.-е. заменяет человеческую личность предназначенным для нее помещением. Подобным же образом мы говорим о „высокой порте“, понимая под этим султана и его правительство; также и имя древне-египетского властелина Фа-

раон означает „большой двор“ (в древнем Востоке дворы между двойными воротами города образуют места, где все собираются как на рынках в классическом мире). Однако я думаю, что такое объяснение слишком поверхностно. Мне кажется более вероятным, что комната получила значение символа женщины, как пространство, включающее в себе человека. Такое значение понятия дом нам уже известно; на основании данных мифологии и поэтического стиля мы можем присоединить к числу дальнейших символов женщины город, замок, дворец, крепость. Легче всего было бы разрешить этот вопрос изучением сновидений лиц, не знающих и не понимающих немецкого языка. В течение последних лет я лечил преимущественно иностранцев, и насколько я помню и в их сновидениях комната имела значение женщины, хотя на их родном языке нет выражений, соответствующих немецкому Frauenzimmer. Имеются еще другие доказательства того, что символические отношения не ограничиваются особенностями и свойствами языка, что, впрочем, утверждал уже старый исследователь сновидений Schubert (1862). Однако все исследованные мною лица все-таки знали немецкий язык, а поэтому разрешение этого вопроса я должен предоставить тем психоаналитикам, которые исследуют лиц в других странах, говорящих только на своем языке.

Среди символов, изображающих мужские гениталии, почти нельзя встретить ни одного, который бы не встречался среди шуточных или простонародных выражений или в поэтическом языке особенно древнеклассических поэтов. К числу их относятся не только символы, встречающиеся в сновидениях, но и новые, например, инструменты различных производств, главным образом плуг.

Впрочем, касаясь символического изображения мужского начала, мы затрагиваем очень обширную и горячо оспариваемую область, от углубления в которую из экономии времени мы хотим воздержаться. Только одному символу—3 (три), особенно выделяющемуся среди всех других, мне хотелось бы уделить еще несколько замечаний. Еще подлежит сомнению, не обусловлена ли святость этого числа указанным символическим отношением к мужским гениталиям. Но не подлежит никакому сомнению, что многие встречающиеся

в природе, разделенные на три части предметы, вроде, например, трилистника, благодаря такому символическому значению были избраны гербами и эмблемами. Также разделенная на три части так называемая французская лилия и странный герб двух так далеко лежащих друг от друга островов как Сицилия и Isle of Main Triskeles (три полусогнутые ноги, расходящиеся из одного центра) представляют из себя только стилизацию мужских гениталий. Изображения мужских гениталий в древности считались самыми сильными защитными средствами (Apotropaea) против вредоносных влияний и в связи с этим находится тот факт, что и во всех современных амулетах приносящих счастье легко узнать генитальные или сексуальные символы. Рассмотрим, например, такого рода коллекцию, которую обыкновенно носят в виде маленьких серебряных брелоков: лист трилистника из четырех листков, свинку, гриб, подкову, лесенку и трубочиста. Четырехлистник заменяет трилистник, символ действительно отвечающий своему назначению, свинья—старый символ плодородия; гриб несомненно символ penis'a; существует порода грибов, которая своим классификационным именем (phallus impudicus) обязана бросающемуся в глаза сходству с мужским органом; подкова похожа на очертание женских половых органов, а трубочист, несущий лесенку, подходит к этой компании, потому что то, что он делает, в простонародьи сравнивают с половым актом, см. Anthropophyteia. С лестницей его мы уже познакомились в сновидении, как с сексуальным символом; тут приходит нам на помощь немецкое выражение, показывающее, что слово „steigen“ (подниматься) употребляется в специфически сексуальном значении. Говорят: „den Frauen nachsteigen“ и „ein alter Steiger“. По-французски ступенька называется „la marche“, имеется вполне аналогическое выражение для обозначения старого кутилы „un vieux marcheur“. В связи с этим, вероятно, находится также и тот факт, что при половом акте у многих больших зверей самец взбирается, поднимается (steigen, besteigen) на самку.

Символическое изображение онанизма в виде обрывания ветки не только совпадает с простонародным названием онанистического акта, но имеет также распространенные мифологические параллели. Но особенно замечательно изо-

бражение онанизма, или лучше сказать наказания за него, кастрации посредством выпадения или вырывания зуба, так как в фольклоре имеется аналогичное представление, может быть известное только очень немногим из тех лиц, которые видят такие сны. Мне кажется, что столь распространенное у многих народов обрезание является несомненным эквивалентом и заменой кастрации. И вот нам сообщают, что в то время, как в Австралии некоторые дикие племена совершают обрезание в форме ритуала при наступлении половой зрелости (во время празднеств по случаю наступления возмужалости молодежи), другие близкие соседи их заменили этот акт тем, что вышибают зуб.

На этом я кончаю изложение моей лекции. То, что я сказал, представляет собой только отдельные примеры: нам больше известно об этом предмете, но вы можете себе представить, насколько содержательнее и интереснее было бы такое исследование, если бы его сделали не диллетанты— какими являемся мы, а настоящие специалисты в области мифологии, антропологии, филологии и фольклора. Тут напрашиваются некоторые выводы, которые не могут быть вполне исчерпывающе освещены, но все-таки вызывают много интересных соображений.

Во-первых, мы встречаемся здесь с тем фактом, что лицо, видящее сновидение, пользуется выражениями, которых в бодрственном состоянии оно не знает и не узнает. Это также удивительно, как если бы вдруг открыли, что ваша прислуга знает санскритский язык, хотя вам известно, что она родилась в богемской деревне и никогда его не изучала. Этот факт невозможно объяснить при помощи наших психологических воззрений. Мы можем утверждать только одно: знание символики не сознается лицом, видевшим сон, оно принадлежит к его бессознательной душевной жизни. Но и это предположение оказывается неудовлетворительным. До сих пор у нас чувствовалась необходимость допускать бессознательные стремления, о которых нам ничего неизвестно временно или постоянно. Но теперь дело идет о чем-то большем, о бессознательном знании, мышлении, сравнении двух различных объектов, приводящем к тому, что один предмет может заменяться другим. Сравнения эти не делаются каждый раз заново, а имеются раз навсегда уже готовыми.

Это доказывает сходство их у различных лиц, сходство, сохраняющееся, быть может, даже несмотря на различие языка.

Откуда же может взяться у тех, кто этим не занимался такое знание символических отношений? Только часть символов объясняется общепринятыми выражениями языка, многочисленные параллели из других областей по большей части неизвестны лицу, видевшему сон, и нам лишь с трудом удавалось их разыскать.

Во-вторых, символические отношения эти не представляют из себя ничего такого, что составляло бы особенность лица, видевшего сновидение, или работы сновидения, благодаря которой они проявились. Ведь нам известно, что этой же символикой пользуются мифы, сказки, народ в своих поговорках и песнях—общепринятые выражения языка и поэтическая фантазия. Область символики необыкновенно велика, символика сновидений составляет только ее часть; даже не целесообразно приступать к изложению всей этой проблемы, исходя из сновидения. Многие символы, употребляемые в других областях в сновидениях, встречаются очень редко или вовсе не встречаются; иные же символы сновидений встречаются не во всех других областях, а только в той или иной. Получается впечатление, что тут мы имеем дело со старым, утерянным уже способом выражения, от которого в различных областях сохранилось кое-что: одно в одном месте, другое в другом, а третье, быть-может, в слегка неизменной форме, одновременно в нескольких областях. Мне вспоминается в этом отношении фантазия одного интересного душевно-больного, сочинившего собственный „основной язык“ (Grundsprache) и считавшего все эти символы остатками такого языка.

В-третьих, вас должно поразить то обстоятельство, что символика во всех названных областях представляет из себя не только сексуальную символику, между тем как в сновидении символы употребляются для выражения почти исключительно сексуальных объектов и отношений. И это трудно объяснить. Неужели же то, что было сначала сексуальным символом, впоследствии получило другое применение и в связи с этим находится постепенный переход от символического изображения к несимволической его форме. Если заниматься только символикой сновидений, то, очевидно, невозможно ответить на эти вопросы. Можно только оста-

ваться при предположении, что имеются особенно тесные взаимоотношения между настоящими символами и сексуальностью.

В этом отношении в последние годы нам дано было очень важное указание. Филолог H. Sperber (Upsala), работы которого находятся вне всякой зависимости от психоанализа, доказал, что в образовании и развитии языка принимали самое большое участие половые потребности. Первоначальные звуки языка имели целью призывать особи другого пола, а в дальнейшем развитие корней языка имело отношение к работе первобытного человека. Работы эти производились сообща и сопровождались ритмически повторяемыми словами. При этом на работу переносился сексуальный интерес. Первобытный человек как бы облегчал себе работу, делал ее приятной, относясь к ней как к эквиваленту и замене половой деятельности. Произносимое при совместной работе слово получало таким образом двоякое значение, обозначая как половой акт, так и самую деятельность. Современем слово лишилось своего сексуального значения и фиксировалось на этой работе. Несколько поколений спустя то же самое произошло с новым словом, имевшим до того сексуальное значение и примененным к новому виду работы. Таким путем образовалось известное число корней языка, сексуального происхождения. Если набросанный здесь очерк предполагаемого развития языка верен, то перед нами открывается возможность понять символику сновидения. Нам казалось бы понятным, почему в сновидении, сохранившем кое-что из этих древних отношений и условий, встречается так много символов для обозначения сексуального, почему вообще оружие и инструменты символизируют „мужское", а материал и то, что обрабатывают, „женское",—символические отношения были бы в таком случае отражением древнего словесного тождества; вещи, которые некогда назывались так же, как гениталии, могли бы теперь во сне стать их символами.

Из приведенных параллелей в символике сновидений вы можете также понять, как велика ценность особенностей психоанализа, благодаря которым он может привлечь к себе всеобщий интерес в такой мере, в какой ни психология, ни психиатрия этого не могут сделать. При психоаналити-

ческой работе возможны многие научные взаимоотношения с другими науками о духе, исследование которых обещает самые ценные результаты в мифологии и в филологии и народоведении и психологии масс и в теологии.

Вам будет поэтому вполне понятно, что на почве психоанализа появился журнал, поставивший себе исключительной задачей разработку этих научных дисциплин в свете психоанализа. Этот журнал носит название „imago“, основанный в 1912 году под редакцией Hanns Sachs'a и Otto Rank'a. До сих пор отношения складывались так, что психоанализ больше давал, чем получал. Несомненно и он выигрывал от того, что его своеобразные результаты приобретали большую степень вероятности благодаря тому, что находили подтверждение в других областях науки; но в общем у психоанализа заимствовались те технические методы исследования и общие точки зрения, применение которых оказалось таким плодотворным в других областях. Душевная жизнь отдельного человеческого существа дает при психоаналитическом исследовании те сведения, при помощи которых мы можем разрешить или, по крайней мере, осветить многие загадки из жизни народных масс.

Кстати, я вам еще не сообщил, при каких условиях мы можем глубже всего заглянуть в тайны этого предполагаемого „основного языка“, из какой области науки больше всего мы узнали о нем. А пока вы этого не знаете, вы не можете оценить всего значения этого предмета. Областью этой была невротика, материалом—симптомы и другие проявления болезни нервно-больных, для выяснения и лечения которых и был создан психоанализ.

Рассматривая вопрос с четвертой точки зрения, мы возвращаемся опять к началу и направляемся по намеченному нами уже раньше пути. Мы уже сказали, что если бы даже не было цензуры сновидения, сон все-таки оставался бы для нас непонятным, потому что нам предстояла бы еще задача перевести символический язык сновидения на язык нашего бодрственного мышления. Символика, следовательно, составляет второй независимый момент искажения сновидения на-ряду с цензурой сновидения. Но легко допустить, что для цензуры сновидения очень удобно пользоваться символикой, так как

последняя приводит к тем же последствиям, т.-е. к тому, что сновидение становится странным и непонятным.

Нам скоро сделается ясным, не встретимся ли мы при дальнейшем изучении сновидения еще с новым моментом, способствующим искажению сновидения. Но я не хотел бы расстаться с темой о символике сновидений, еще раз не коснувшись того загадочного явления, что символика сновидений встретила такой сильный отпор со стороны образованных людей в то время, как распространенность символики в мифе, религии, искусстве и в языке не подлежит никакому сомнению. Уж не виновата ли в этом опять-таки связъ с сексуальностью?

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Работа сновидений.

М. гг. и м. гг.! Если вы усвоили себе сущность цензуры сновидений и символическое изображение, то вы уже в состоянии понять большинство сновидений, хотя и не вполне разрешили вопрос об искажении сновидений. Вы можете пользоваться обоими, дополняющими друг друга, техническими приемами, вызывая до тех пор у видевшего сон различные ассоциативные мысли, пока, исходя из заменяющего его, не проникли до настоящего представления, и ставя, на основании собственных знаний, на место символов их действительное значение. Ниже мы еще коснемся некоторых возникающих при этом сомнений.

Теперь мы можем снова вернуться к той работе, которую мы пробовали выполнить в свое время, но тогда у нас не хватило на это средств. Я подразумеваю вопрос об отношении между элементами сновидения и ими самими, при изучении чего мы установили четыре вида таких отношений: части вместо целого, приближения или намека, символического отношения и пластического словесного изображения. Теперь мы предпримем то же самое, но в большем масштабе, сравнивая явное содержание сновидения в целом с найденным посредством толкования латентным содержанием сновидения.

Надеюсь, что вы никогда уже больше не смешаете оба последних. Если вы добьетесь этого, то достигните, вероятно, большего в смысле понимания сновидения, чем большинство читателей моей книги „Traumdeutung“ (Толкование сновидений). Позвольте напомнить вам еще раз, что работа, превращающая скрытый сон в явный, называется работой

сновидения. А работа, идущая в противоположном направлении, стремящаяся добраться до латентного содержания сновидения, исходя из явного, составляет нашу работу толкования. Работа толкования стремится уничтожить работу сновидения. Даже сновидения детского типа, признанные нами совершенно очевидным исполнением желания, все-таки испытали на себе некоторую работу сновидения, в виде превращения этого желания в реальность и в большинстве случаев также и превращение мыслей в зрительные образы. Здесь не нужно никакого толкования, а достаточно одного только возвращения к первоначальной форме этих двух видов превращения. То, что благодаря работе сновидения привходит в содержание сновидения, мы называем искажением сновидения, и наша работа толкования страшится именно это последнее свести на нет.

Сравнивая большое число толкований сновидений, я в состоянии в последовательном изложении показать вам, что именно проделывает работа сновидения над материалом, состоящим из скрытых мыслей сновидения. Но прошу вас не связывать с этим особых ожиданий. Это только описание, которое следует выслушать со спокойным вниманием.

Первая работа сновидения состоит в сгущении. Под этим названием мы понимаем факт, заключающийся в том, что явный сон, по содержанию своему, короче, чем скрытый, т.-е. представляет из себя своего рода сокращенный перевод последнего. Иной раз сгущения может и не быть, но обычно оно имеется, а очень часто оно даже невероятно велико. Но никогда не бывает обратного, т.-е. не бывает случаев, чтобы явный сон был по объему и содержанию больше скрытого. Сгущение происходит благодаря тому, что: 1) вообще опускаются некоторые латентные элементы, 2) что только самая небольшая часть некоторых комплексов скрытого сновидения переходит в явное содержание, 3) что латентные элементы, имеющие нечто общее, соединяются, сливаются в одно целое в явном содержании сна.

Если хотите, можете сохранить название „сгущение" только для этого последнего процесса. Действие его можно продемонстрировать особенно легко. Вы без труда вспомните, как случалось в ваших собственных сновидениях, что несколько различных лиц сгущаются в одно. Такое „смешан-

ное лицо“ похоже, например, на А, но одето, как В, совершает какое-нибудь действие, какое, помнится, делал С, и при этом еще каким-то образом знаешь, что лицо это есть D. Посредством такого смешивания, разумеется, подчеркивается что-либо общее у всех этих четырех лиц. Подобным же образом можно составить смесь из различных предметов или местностей, если только выполнено условие, требующее, чтобы эти предметы или каждая в отдельности местности имели между собой нечто общее, подчеркиваемое в скрытых мыслях сновидения. Это что-то вроде мимолетного образования нового понятия, ядро которого составляет это общее. Благодаря тому, что отдельные сгущенные в одну смесь единицы совпадают одна с другой, обычно создается неясная, расплывчатая картина, похожая на такую, какая получается, если на одной и той же пластинке сделать несколько фотографических снимков.

Очевидно для работы сновидения очень важно создавать такое смешение, так как мы можем доказать, что необходимые для этого общие признаки создаются нарочно там, где их раньше не было, например, при понимании какого-нибудь выражения не по смыслу, а дословно. Мы уже встречались с такими сгущениями и смешениями; они играют роль в образовании некоторых обмолвок. Вспомните про молодого человека, который собирался begleitigen даму. Кроме того, имеются еще остроты, техника образования которых сводится к такого рода сгущению. Но независимо от этого можно утверждать, что такой процесс представляет из себя нечто совершенно необыкновенное и странное. Образование смешанных лиц в сновидении похоже на некоторые продукты нашей фантазии, которая легко соединяет в одно целое части, в действительности между собой не имеющие никакой связи, как, например, центавры и сказочные животные в древней мифологии или на картинах Бэклина. „Творческая фантазия“ вообще не может изобрести ничего нового, а только соединяет чуждые друг другу части в одно целое. Однако в работе сновидения странным является следующее: материал, которым располагает работа сновидения, состоит из мыслей. Некоторые из этих мыслей хоть и неприличны, неприемлемы, но они все же вполне правильно образованы и выражены. Мысли эти при помощи работы

сновидения переводятся в другую форму и очень странным и непонятным кажется то, что при таком переводе, как бы при изложении на другом языке или другим шрифтом, находят применение средства слияния и комбинации. В переводе обыкновенно стараются сохранить различия, имеющиеся в тексте, и не смешивать то, что имеется сходство. А работа сновидений, наоборот, старается сгустить две различных мысли, подобно тому, как это делается в остроте, она находит слово, имеющее несколько значений, обе эти мысли соединяются в одном слове. Напрасно было бы теперь же стремиться понять эту особенность, но она может иметь большое значение для нашего понимания работы сновидения.

Хотя сгущение делает сновидение неясным, все таки не получается впечатления, что оно является в результате действия цензуры сновидения. Скорее хочется объяснить его механическими или экономическими моментами; однако приходится принимать в расчет и цензуру.

Результаты деятельности сгущения могут быть совершенно исключительными. При его помощи случается, что два совершенно различных латентных течения мысли соединяются в одном явном сновидении, так что можно получить, повидимому, вполне удовлетворительное толкование сновидения и все же при этом пропустить другое еще возможное толкование.

Следствием сгущения является также и то, что в отношениях между латентным и явным сновидениями не сохраняется прямой зависимости между элементами того и другого. Один явный элемент соответствует одновременно многим скрытым и, наоборот, один скрытый элемент может принимать участие в нескольких явных, как бы в виде сплетения. При толковании сновидения оказывается также, что не все, имеющее отношение к какому-либо одному явному элементу, должно непременно приходить в голову непосредственно одно за другим. Часто для этого приходится ждать конца толкования сновидения.

Итак, работа сновидения совершает совсем необычайную по форме транскрипцию мыслей сновидения, она производит не дословный перевод их и не выбор по определенному правилу, как, например, когда повторяются только согласные какого-нибудь слова, а гласные пропускаются, на-

конец, также и на так называемое „заместительство“, при котором всегда вместо многих элементов извлекается только один — здесь имеет место что-то другое и притом гораздо более сложное.

Во-вторых, работа сновидения выражается в сдвиге (Verschiebung). В этом пункте мы, к счастью, уже выполнили предварительную работу; мы уж знаем, что он всецело является делом цензуры сновидения. Он проявляется двояким образом: во-первых, в том, что какой-нибудь латентный элемент замещается не собственной же частью, а чем-то отдаленным, т.-е. намеком, а во-вторых, в том, что психический акцент переходит с значительного элемента на другой незначительный, так что весь смысл сновидения меняется и оно производит странное впечатление.

Эта замена при помощи намека встречается также и в нашем мышлении во время бодрствования, однако все же здесь есть различие. В мышлении во время бодрствования намек должен быть легко понятен и то, что заменяет настоящее содержание, должно иметь по смыслу отношение к этому настоящему содержанию. И острота часто пользуется намеком, но требование ассоциаций по содержанию в этих случаях отпадает и заменяется не обычными внешними ассоциациями, например, по созвучию или вследствие двусмысленности и т. п. Однако при этом сохраняется требование понятности: острота лишилась бы всего своего эффекта, если бы по намеку нельзя было легко догадаться о настоящем содержании мысли. Но намек в сновидении, выраженный при помощи „сдвига“, свободен от всех этих ограничений. Связь его с элементом, который он заменяет, самая внешняя и самая отдаленная; поэтому он непонятен и если его разъяснить, то это объяснение производит впечатление неудачной остроты или натяжки, искусственного, притянутого за волосы перетолковывания. Цензура сновидения только в таком случае достигает цели, когда по намеку нельзя догадаться о настоящем содержании мыслей сновидения.

Нигде кроме области сновидений не бывает таких случаев, чтобы перенесение акцента служило средством выражения мысли. При мышлении в бодрственном состоянии мы иной раз допускаем такое перенесение акцента, чтобы достигнуть комического эффекта. Вы получите представление о

производимом им впечатлении, если я вам напомню анекдот про одного деревенского кузнеца, который совершил очень тяжкое преступление, заслуживающее смертной казни. Суд постановил, что он должен понести наказание за совершенное преступление, но так как в деревне был только один кузнец и его было некем заменить, а портных жило в деревне трое, то вместо кузнеца был повешен один из трех портных.

Психологически интереснее всего третье проявление работы сновидения. Оно состоит в том, что мысли перевоплощаются в зрительные образы. Постараемся не упустить из вида, что не все в мыслях сновидения испытывает такое превращение, кое-что сохраняет свою форму и появляется в явном содержании сновидения в виде мысли или известного факта; зрительные образы являются также не единственной формой. Однако они представляют из себя самое существенное в образовании сновидения; эта часть работы сновидения, как нам уже известно, по своему постоянству занимает второе место и что касается отдельных элементов сновидения, то мы уже познакомились с „пластическим изображением слов“.

Конечно, эта работа не легка. Чтобы составить себе представление о связанных с ней трудностях, вообразите, что вы взяли на себя обязанность заменить какую-нибудь политическую передовицу в газете рядом иллюстраций, то есть, вместо того, чтобы писать буквами, вы вернулись бы к древнему способу изображения мысли посредством рисунков. Поскольку в этой статье речь идет о лицах и конкретных предметах, вы легко и, может быть, даже с выгодой замените их рисунками, но вам придется натолкнуться на трудности при изображении отвлеченных понятий и всех частей речи, указывающих на взаимоотношение мыслей, как-то предлогов, союзов и т. п. При изображении отвлеченных понятий, вы сумеете помочь себе, пользуясь всевозможными искусственными приемами. Вы, например, постараетесь изложить текст статьи другими словами, может быть, несколько необычными, но содержащими больше конкретных представлений и потому легче поддающимися изображению в рисунке. Далее вы вспомните, что большинство отвлеченных понятий образовалось из конкретных представлений, лишенных пер-

воначальной яркости, и поэтому там, где это только возможно, воспользуетесь первоначальным конкретным значением таких слов. Вы будете поэтому рады, если сможете изобразить „обладание“ („Besitzen“) объектом в виде действительного, материального сидения (Draufsitzen) на нем. Работа сновидений происходит таким же образом. При таких условиях вряд ли можно предъявлять большие требования в смысле точности изображения. Вы допустите, что работа сновидений над таким, например, трудно поддающимся изображению в виде рисунка явлением, как нарушение брачной верности (Ehebruch), заменила этот поступок каким-нибудь другим разрывом, переломом (Bruch), например, переломом ноги [1]. Таким образом вы постараетесь до некоторой степени бороться с беспомощностью способа выражения мыслей посредством рисунка, если оно должно заменить азбуку.

---

[1]) При исправлении корректуры этой книги мне случайно попалась в руки газетная заметка, которую привожу здесь, как неожиданную иллюстрацию вышеизложенного:

НАКАЗАНИЕ БОЖИЕ

Перелом руки за нарушение супружеской верности (Armbruch für Ehebruch).

Анна М., жена запасного рядового обвиняла Клементину К. в совращении ее мужа, в супружеской неверности. В обвинении говорится, что К. находится с Карлом М. в незаконном сожительстве в то время, как муж К. на войне, откуда он даже присылает ей ежемесячно семьдесят крон. К. получила от мужа пострадавшей уже довольно много денег, между тем как она сама с ребенком вынуждены жить в нужде и терпеть голод. Товарищи мужа рассказывали ей, что К. посещает с М. рестораны и кутит там до поздней ночи. Однажды обвиняемая спросила мужа пострадавшей в присутствии многих солдат, скоро ли он разведется со своей „старухой“ и переедет к ней. Жена дворника дома, где живет К., неоднократно видала мужа пострадавшей в полном неглиже в квартире К.

На суде в Leopoldstr. К. отрицала, что знакома с М., а об интимных отношениях между ними не могло уж быть и речи.

Однако свидетельница Альбертина М. показывала, что она неожиданно застала К. при том, как та целовала мужа пострадавшей.

Допрошенный уже при первом разборе дела М. тогда отрицал интимную связь с обвиняемой. Вчера судье было представлено письмо, в котором свидетель отказывается от своего показания, данного при первом разборе дела, и сознается, что до июня месяца поддерживал любовную связь с К. При первом разборе он только потому отрицал свои отношения с обвиняемой, что перед разбором дела она явилась к нему и на коленях умоляла спасти ее и ничего не говорить. „Теперь же— писал свидетель, — я чувствую потребность откровенно сознаться перед судом, так как я сломал левую руку и вижу в этом наказание Божие за мое преступление“.

Судья установил, что срок преступления прошел, вследствие чего пострадавшая взяла свою жалобу обратно, а обвиняемая была оправдана.

При изображении частей речи, означающих взаимоотношения мыслей вроде: потому что, поэтому, но и т. д., у вас не будет соответствующих средств; поэтому соответствующие части текста пропадут при вашем переводе мыслей на язык рисунков. Точно так же благодаря работе сновидений содержание мыслей сновидения разлагается на его сырой материал, состоящий из предметов (существительных) и действий (глаголов). И с вас будет уже достаточно, если вам удастся хоть слегка намекнуть посредством мелких деталей рисунка на неподдающиеся изображению указанные отношения. Точно так же работе сновидений удастся выразить указанные отношения в содержании скрытых мыслей сновидения при помощи внешних особенностей формы явного содержания сновидения, например, ясности или сущности его, распадения на несколько частей и т. п. Число частей, на которые распадается одно сновидение, обыкновенно соответствует числу главных тем, ходу и порядку мыслей в скрытом сновидении; короткое вступительное сновидение служит часто предисловием или мотивировкой главного более распространенного сновидения; придаточное предложение в мыслях сновидения замещается в явном сновидении посредством вставной сцены и т. п. Форма сновидения таким образом не лишена вовсе всякого значения и также должна быть подвергнута толкованию. Несколько снов в течение одной ночи часто имеют то же значение и указывают на усилие как-нибудь получше справиться с определенным нарастающим раздражением. Даже в одном и том же сновидении особенно трудный элемент может быть изображен посредством „дублирования“ нескольких одинаковых символов.

Если продолжать сравнение мыслей сновидения с замещающим их явным содержанием сновидения, то можно узнать много такого, чего мы вовсе не ожидали, например, что бессмыслица и абсурдность сновидений имеют свое значение. Даже больше, в этом пункте противоречие между медицинским и психоаналитическим пониманием сновидения обостряется до последней степени. С медицинской точки зрения сновидение бессмысленно, так как душевная деятельность, создающая сновидение, лишена всякой критики; с нашей же точки зрения, напротив, сновидение становится бессмысленным тогда, когда содержащаяся в мыслях сновиде-

ния критика хочет сказать: это бессмыслица. Хороший пример представляет известное вам сновидение о посещении театра (три билета за 1 ф. 50 гелл.). Выраженная таким путем мысль обозначает: не имеет никакого смысла так рано выходить замуж.

Точно так же при работе над толкованием мы узнаем и начинаем понимать, что именно соответствует сомнению и неуверенности лица, видевшего сон, в том, встречался ли в сновидении известный элемент или нет, был ли именно этот элемент или какой-либо другой. Обыкновенно ничто не соответствует этой неуверенности и сомнению в скрытых мыслях сновидения; они обычно зависят от влияния цензуры сновидения и означают, что была сделана невполне удавшаяся попытка уничтожить этот элемент сновидения.

К числу самых поразительных открытий толкования сновидений относится также тот способ, посредством которого работа сновидения разрешает противоречия, заключающиеся в скрытом содержании сновидения. Мы уже знаем, что сходное в латентном материале заменяется в явном содержании сновидения посредством сгущения в один элемент. И вот с противоположными объектами работа сновидений поступает точно так же, как с сходными, они особенно часто выражаются одним и тем же явным элементом. Элемент явного содержания, способный выражать и нечто противоположное, может в равной мере иметь как свое настоящее значение, так и противоположное или даже одновременно оба значения; только по общему смыслу можно решить,—на каком значении следует остановиться в данном случае. В связи с этим находится тот факт, что нельзя найти в сновидении изображения отрицания „нет", по крайней мере прямого, не двусмысленного отрицания.

На приятную для нас аналогию этого странного явления в области работы сновидения указывает нам лингвистика. Некоторые лингвисты утверждают, что в самых древних языках противоположности вроде: сильный — слабый, светлый— темный, большой—малый выражаются одним и тем же словестным корнем (противоположное значение первоначальных корней слов). Так, например, на древне-египетском языке кен первоначально означало сильный и слабый. Во избежание недоразумений, при употреблении таких амбивалентных

слов в разговоре пользовались особым тоном или сопровождающими речь жестами, в письме прибавляли так называемый детерминатив, т.-е. особый не произносившийся при чтении рисунок. Кен — сильный писалось таким образом, что после буквенных знаков помещалось еще изображение прямостоящего человечка; если же кен понималось в смысле слабый, то следовал рисунок, изображающий бессильно согнувшегося человечка. Только уже позже, посредством незначительных изменений одинаково первоначально звучащего слова получилось кен — сильный и кан — слабый. Не только древнейшие языки в последнем своем развитии, но и гораздо более молодые, даже еще и теперь живые языки сохранили много следов этого старого противоположного смысла первоначальных корней. Сообщу вам несколько примеров по C. Abel'ю (1884).

В латинском языке такими все еще амбивалентными словами являются:

Altus — (высокий — низкий) и sacer — (святой — нечестивый).

Как примеры изменения того же корня привожу:

Clamare — кричать, clam — тихо, тайно.

Siccus — сухой, succus — сок.

В немецком языке — Stimme — голос, stumm — немой.

Если сравнить родственные языки, то можно найти много примеров:

Английский: Lock — закрывать, немецкий Loch, Lücke — дыра, люк.

Английский: Cleave — раскалывать, немецкий kleben — клеить, английское слово without, означающее собственно с — без, теперь употребляется только в смысле без; что with имеет смысл прибавки еще и смысл отнимания, следует из соединений: withdraw, withhold. Точно так же немецкое слово wieder.

Еще одна особенность работы сновидения находит свою параллель в лингвистике. В древне-египетском, как и в других более поздних языках встречается обратный порядок звуков в слове того же значения. Такие примеры между английским и немецким языками следующие:

Topf—(горшок), pot; boat—tub; hurry—(спешить)—Ruhe; Balken—Kloben; wait—(ждать) täuwen.

Между латинским и немецким:

Capere—packen (хватать), ren—Niere (почка).

Такие превращения, какие здесь происходят с отдельными словами, совершаются работой сновидения в самых разнообразных формах. Мы уже знаем случаи превращения смысла в противоположный, замещение посредством противоположного. Но, кроме того, в сновидениях встречаются превращения в противоположные ситуации, взаимоотношений между лицами, т.-е. все происходит как бы вверх ногами. В сновидении нередко заяц стреляет в охотника. Далее встречаются превращения в последовательном порядке событий, так что то, что является предшествующей причиной в сновидении, имеет место после вытекающего из нее следствия. Сцена разыгрывается вроде того, как при театральном действии в захудалом любительском спектакле, когда герой падает раньше, а вслед затем из-за кулис раздается выстрел, который должен его убить. Или же встречаются сновидения, в которых все элементы находятся в обратном порядке, и, чтобы понять смысл сновидения, нужно поставить последний элемент на первое место, а первый—на последнее. Вы помните, что еще при изучении символики сновидений мы установили, что итти или падать в воду так же, как и выходить из воды, имеет одно и то же значение, именно рождать или родиться, и что подниматься по лестнице означает то же самое, что спускаться по ней. Вполне понятно, что искажение сновидений сильно выигрывает от такой свободы способов их изображения.

Эти черты работы сновидения можно назвать архаическими. Такими же чертами отличаются древние системы способов выражения мыслей, языков, писмян и в них заключаются те же трудности, о которых еще речь будет ниже, в критическом обзоре.

А теперь приведу еще несколько других точек зрения. В работе сновидений дело сводится к тому, чтобы выраженные словами скрытые мысли превратить в чувственные образы, большей частью зрительного характера. Однако наши мысли произошли именно от таких чувственных образов;

первый их материал и предшествующую ступень составляли чувственные впечатления, точнее сказать, воспоминания (Erinnerungsbilder) о таких впечатлениях. С последними уже затем связываются слова, из которых составляются мысли. Работа сновидений проделывает таким образом с мыслями регрессивный путь, сводит на нет их развитие и при такой регрессии должно отпасть все то, что было приобретено в ходе развития от воспоминаний к мыслям. Вот в чем состоит работа сновидений. Интерес к явному сновидению должен отойти на задний план в сравнении с теми процессами, с которыми мы познакомились при изучении этой работы. Но я хочу посвятить еще несколько слов этому явному содержанию сновидения, которое составляет все, что нам непосредственно дано в сновидении.

Вполне естественно, что явное содержание сновидения не представляет для нас особого интереса. Для нас должно быть совершенно безразлично, хорошо ли оно составлено или распадается на ряд отдельных картин без всякой внутренней связи. Если даже он внешне как будто имеет вполне определенный смысл, мы все же знаем, что эта внешность явилась в результате искажения сновидения и может иметь так же мало отношения к внутреннему содержанию сновидения, как фасад италианской церкви к ее конструкции и силуэту. Иногда и этот фасад имеет свое определенное значение благодаря тому, что в нем содержится важная часть скрытых мыслей сновидения в мало или даже в совсем неискаженном виде. Но мы лишены возможности узнать это, не подвергнув предварительно толкованию все сновидение и не составив себе суждение о том, в какой мере здесь имело место искажение. Такое же сомнение вызывает и тот случай, когда кажется, что два элемента сновидения находятся в тесной связи. Такая связь может служить намеком на то, что и соответствующие этим элементам латентные мысли сновидения тоже должны быть приведены в связь, но в других случаях можно убедиться, что, наоборот, то, что связано в мыслях, разъединено в сновидении.

В общем никогда не следует пытаться объяснить одну часть явного содержания из другой, как будто сновидение имело одну общую связь и представляло из себя прагматическое изложение мыслей. Его скорее можно сравнить с

искусственным мрамором из Бречиа, составленным из различных кусков камня, при помощи связывающего их цемента, так что получающиеся при этом узоры не соответствуют первоначальным составным частям. Некоторая часть работы сновидения, так называемая вторичная обработка действительно старается составить из ближайших результатов работы сновидения нечто, приблизительно составляющее одно целое. При этом весь материал группируется в порядке, совершенно не соответствующем смыслу, и там, где это кажется нужным, делаются еще вставки.

С другой стороны, нельзя переоценивать и значение работы сновидения и слишком много ей доверять. Деятельность ее исчерпывается перечисленными процессами; она не может сделать ничего большего, чем сгустить, передвинуть акцент, изобразить пластически и подвергнуть все вторичной обработке. Все выражения, содержащие суждение, критику, удивление, заключение, не относятся к работе сновидения; только в редких случаях они выражают размышления по поводу сновидения, а большей частью они составляют отрывки латентных мыслей сновидения, перешедших в явное содержание в более или менее измененном виде и приспособлены к общему содержанию его. Работа сновидения не может также создавать целых речей и фраз. За весьма малыми исключениями, речи в сновидении представляют собой подражание или составлены из речей, которые слышали или сами произносили в тот день, когда видели сон, и которые вошли в состав латентных мыслей сновидения в качестве материала или возбудителей сновидения. Точно так же работа сновидения не может делать арифметических вычислений, все встречающиеся в явном сновидении вычисления представляют из себя набор чисел, только похожий на вычисление, не имеющий, однако, никакого смысла и опять-таки только копии счетов, имеющихся в латентных мыслях сновидения. При таких условиях нет ничего удивительного в том, что интерес, вызванный работой сновидения, скоро переносится с нее на латентные мысли сновидения, которые проявляются в явном сновидении в более или менее искаженном виде. Но нельзя считать правильным пренебрежительное отношение к явному содержанию сновидения, доходящее до того, что даже в теоретических взглядах

ставят латентные мысли сновидения на место самого сновидения и утверждают нечто такое, что может иметь отношение только к латентным мыслям сновидения. Может показаться странным, что у некоторых авторов получилось злоупотребление результатами психоанализа, повлекшее к подобного рода путанице. „Сновидением" можно назвать только результат работы сновидения, т.-е. ту форму, в которую выливаются латентные мысли сновидения благодаря его работе.

Работа сновидения — процесс совершенно исключительный и до сих пор не было известно ничего подобного ему в душевной жизни. Такое сгущение, сдвиг, регрессивное превращение мыслей в зрительные образы являются чем-то новым в психологии, что в достаточной мере вознаграждает за все психоаналитические труды. Из приведенных параллелей к работе сновидений вы можете выдеть, что раскрывается глубокая связь между психоаналитическим исследованием и другими отраслями науки, особенно с историей развития языка и человеческого мышления. О том, какое еще другое значение приобретают эти взгляды, вы сможете составить себе представление, когда узнаете, что механизмы образования сновидений являются прототипом механизмов образования невротических симптомов.

Я знаю также, что мы еще не можем даже охватить своим взглядом все завоевания, заключающиеся в этих работах для психологии. Укажем только на то, какие новые доказательства относительно существования бессознательных душевных актов содержатся в них—а ведь такими являются латентные мысли сновидения—и какие неожиданно широкие перспективы для изучения бессознательной душевной жизни открывает нам толкование сновидений.

Но теперь, пожалуй, будет своевременным показать вам несколько небольших примеров сновидений, к чему вы уже подготовлены всем вышеизложенным.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Примеры анализов сновидений.

М. гг. и м. гг.! Не разочаровывайтесь, если я вам предложу снова отрывки из толкования сновидений, вместо того, чтобы просить вас участвовать в толковании прекрасного большого сновидения. Вы скажете, что вы имеете на это право после таких больших приготовлений и выскажете убеждение, что уже давно после удачного истолкования стольких тысяч сновидений должна была бы получиться возможность составить ряд прекрасных примеров сновидений, на которых можно было бы продемонстрировать все наши взгляды относительно работы и мыслей сновидений. Это верно, но встречается слишком много трудностей на пути к удовлетворению вашего желания.

Я должен вам прежде всего сознаться, что никто не занимается толкованием сновидений, как своей главной профессией. Но когда вообще занимаются толкованием сновидений? При случае без специальных целей можно заняться сновидениями близкого друга или работать над собственными своими сновидениями в течение некоторого времени, чтобы научиться вести психоаналитическую работу; по большей же части имеешь дело с сновидениями нервно-больных, подвергающихся психоаналитическому лечению. Сновидения этих последних представляют из себя великолепный материал и ни в чем не уступают сновидениям здоровых людей, однако, техника лечения заставляет нас подчинять толкование сновидений терапевтическим целям и оставлять без внимания большое число сновидений после того, как из них извлекаешь нечто, имеющее терапевтическое значение. Некоторые

сновидения, встречающиеся во время лечения, вообще не поддаются полному толкованию. Так как они исходят из всей совокупности еще незнакомого нам психического материала, то понять их возможно только по окончании лечения. Сообщение таких сновидений сделало бы неизбежным раскрытие всех тайн невроза; но это для нас невозможно, так как мы занимаемся сновидениями только с целью подготовки к изучению неврозов.

Вы, конечно, отказались бы от этого материала и скорее хотели бы услышать о способах толкования сновидений у здоровых людей или своих собственных сновидений. Нет возможности так беспощадно обнажить ни самого себя, ни другого, если пользуешься его доверием, как этого требует подробное толкование сновидений, которые, как вы уже знаете, касаются самых интимных сторон личности. Кроме этого затруднения в доставлении материала такие сообщения встречают еще и другого рода препятствия. Вы знаете, что сновидения кажутся чуждыми даже лицу, видевшему сон, не говоря уже о посторонних людях, незнакомых с данной личностью, видевшей сон. В нашей литературе нет недостатка в хороших и подробных анализах сновидений; я сам опубликовал несколько анализов в пределах историй болезни; быть может, самый лучший пример толкования сновидения представляют описанные O. Rank'ом у молодой девушки два следовавших друг за другом сновидения, занимающих около двух печатных страниц, тогда как анализ их обнимает 76 страниц. Мне понадобился бы целый семестр для того, чтобы развернуть перед вами такую работу. Если берешься за несколько более длинное и сильно искаженное сновидение, то приходится давать столько объяснений, приводить столько материала, состоящего из возникающих по поводу этого сновидения мыслей и воспоминаний, делать так много отступлений, что лекция о таком сновидении оказалась бы совершенно неясной и неудовлетворительной. Я вынужден поэтому просить вас удовлетвориться тем, что легче осуществить, сообщением кратких отрывков из сновидений невротических лиц, из которых частично можно познакомиться с той или другой особенностью сна в отдельности. Легче всего можно демонстрировать символы сновидений, затем еще некоторые особенности регрессивного изо-

бражения сновидений. Что же касается каждого из нижеследующих сновидений, то я вам укажу, почему я считал необходимым его сообщить.

1. Сновидение состоит только из двух простых картин; его дядя курит папиросу, хотя сегодня суббота; какая-то женщина гладит и ласкает его, как будто он ее ребенок.

Относительно первой картины видевший сон (еврей) замечает, что дядя его религиозен и никогда не совершал и не совершил бы подобного греха. Относительно женщины из второй картины ему приходит в голову только его собственная мать. Очевидно, что эти две картины или мысли нужно привести в связь одну с другой. Но как это сделать? Так как видевший сон решительно отрицает возможность подобного поступка со стороны своего дяди, то весьма естественно допустить здесь „если". „Если дядя, этот святой человек, стал бы в субботу курить папиросу, то и я бы мог допустить, чтобы меня ласкала моя мать". Это значит, что материнская ласка представляет из себя такой же недопустимый поступок, как курение в субботу. Вы помните мои слова о том, что при работе сновидений отпадают все взаимоотношения между мыслями сновидений, последние распадаются на составляющий их сырой материал и задача толкования состоит в том, чтобы снова восстановить опущенные отношения.

2. Благодаря опубликованным работам о сновидении я в известном отношении стал общественным консультантом по вопросам, касающимся сновидений, и в течение уже многих лет со всех сторон получаю письма, в которых мне сообщают сновидения или просят высказать мое о них мнение: понятно, я благодарен тем, кто сопровождает присылку сновидения материалом, дающим возможность толковать сон или кто сам предлагает подобное толкование. К такой категории сновидений относится следующее, принадлежащее врачу из Мюнхена и относящееся к 1910 г. Я привожу его здесь, потому что оно может вам доказать, как в общем недоступно сновидение, если видевший его не дает нам соответствующих сведений. Я, видите ли, подозреваю, что идеалом вы считаете в сущности такое толкование сновидений, когда символы заменяются соответствующим

значением и хотели бы совсем оставить в стороне технику ассоциаций по поводу сновидения, вот почему мне хочется освободить вас от этого вредного заблуждения.

13 июля 1910 г. поутру мне снится: я еду на велосипеде по улице в Тюбингене, как вдруг коричневая такса пускается за мной в погоню и хватает меня за пятку; проехав некоторое расстояние, я слезаю с велосипеда, сажусь на ступеньку и начинаю колотить животное, которое крепко уцепилось зубами. У меня нет неприятного чувства от укуса и от всей сцены. Напротив сидят две старые дамы, которые, улыбаясь, смотрят на меня. Тогда я просыпаюсь и, как часто уже случалось, в этот момент перехода в состояние бодрствования все сновидение становится мне ясным.

Тут мало что можно передать при помощи символов. Но тот, кто видел этот сон, сообщает нам следующее: В последнее время я влюбился в одну девушку, встречаю ее только на улице, но никогда не имел возможности завязать с ней знакомства. Самым приятным для меня предлогом к знакомству могла бы быть такса, так как я очень люблю животных, и эта черта казалась мне особенно симпатичной и у девушки. Видевший сон тут же прибавляет, что он не раз с большой ловкостью и часто к удивлению окружающих вмешивался в борьбу грызущихся между собой собак. Таким образом мы узнаем, что понравившаяся ему девушка всегда появлялась в сопровождении этой необыкновенной собаки. Но девушка эта выпала из явного содержания сновидения, осталась только ассоциативно связанная с нею собака. Может быть, место девушки заняли старые улыбающиеся ему дамы. Нехватает дальнейших сведений для выяснения этого пункта. То обстоятельство, что он в сновидении едет на велосипеде, является только повторением припомнившегося ему положения. Он встречал эту девушку с собакой только тогда, когда ехал на велосипеде.

3. Если у кого-нибудь умер любимый родственник, то после этого ему долгое время снятся сны особого рода, в которых известный ему факт смерти умершего вступает в самые необыкновенные компромиссы с потребностью воскре-

сить дорогого мертвеца. То случается так, что хотя усопший и мертв, однако продолжает жить, потому что он не знает, что он умер, а если бы узнал, то тогда бы умер окончательно; то он полумертв и полужив и имеет признаки обоих этих состояний. Такие сны не следует называть просто бессмысленными, потому что воскрешение из мертвых так же приемлемо в сновидениях, как, например, в сказках, где оно встречается, как самое обыкновенное явление. Поскольку мне удалось проанализировать такие сновидения, выяснилось, что они могут получить разумное разъяснение, но такое желание вернуть умершего к жизни умудряется добиваться этого самыми странными способами. Я вам предлагаю здесь подобного рода сновидение, которое звучит довольно странно и бессмысленно и анализ которого обнаружит перед вами многое из того, к чему вы уже подготовлены нашими теоретическими объяснениями. Вот сновидение человека, потерявшего много лет тому назад своего отца.

Отец умер, но был выкопан и выглядит плохо. После того он продолжает жить, и видевший сон делает все, что в его силах, чтобы покойник не заметил этого. Далее сновидение переходит на другие явления, повидимому, не имеющие ничего общего с этим вопросом.

Отец умер, это мы знаем. Что он был выкопан, не соответствует действительности, которую не приходится принимать во внимание и по отношению ко всему последующему. Но видевший сон рассказывает: когда он вернулся с похорон отца, у него разболелся зуб. Он хотел поступить с этим зубом по предписанию еврейского религиозного учения: если тебя мучает зуб, то вырви его, и отправился к зубному врачу. Тот, однако, сказал: зуба не следует вырывать, нужно только немного потерпеть. Я положу кое-что, чтобы убить нерв, через три дня приходите опять, я выну то, что вложил.

Это вынимание,—сказал вдруг видевший сон,—это и есть выкапывание.

Неужели он прав? Правда, это не совсем так, а только приблизительно, потому что самый зуб не извлекается, а из него только вынимается что-то, что омертвело. Но подобные неточности можно допустить по отношению к работе

сновидений, на основании того, что нам известно из других анализов. В таком случае видевший сон сгустил, слил воедино умершего отца и убитый, но все же сохраненный зуб. И нет ничего удивительного в том, что в явном сне получилось нечто бессмысленное, потому что не может же подходить к отцу все, что можно сказать о зубе. Но в чем состоит это tertium comparationis между зубом и отцом, которое делает возможным такое сгущение?

И, тем не менее, это должно происходить именно так, потому что видевший сон продолжает рассказывать, что, как ему известно, если видишь во сне выпадение зуба, то это означает, что кто-нибудь умрет в семье.

Мы знаем, что это популярное толкование неверно или, по крайней мере, верно только в шуточном смысле. Тем более поражает нас то обстоятельство, что развивающаяся таким образом тема скрывается и за другими отрывками содержания сновидения.

Видевший сон без дальнейших расспросов начинает рассказывать о болезни и смерти отца и о своих к нему отношениях. Отец был долго болен, уход и лечение больного стоили ему, сыну, много денег. И, тем не менее, ему ничего не было жалко, он никогда не терял терпения, у него никогда не являлось желания, чтобы все поскорей окончилось. Он хвастает, что проявлял по отношению к отцу истинно еврейский пиетет и строго выполнял все требования еврейского закона. Однако не бросается ли нам в глаза противоречие в мыслях, относящихся к сновидению? Он отожествил отца с зубом. По отношению к зубу он хотел поступить по еврейскому закону, гласящему, что зуб нужно вырвать, если он причиняет беспокойство и боль. Но и по отношению к отцу он хотел поступить согласно предписанию закона, который, однако, в этом случае требует, чтобы не обращать внимания ни на беспокойство, ни на издержки, всю тяжесть взять на себя и не допускать никаких неприязненных мыслей по отношению к причиняющему боль объекту. Разве сходство не было бы гораздо более несомненным, если бы он действительно проявил по отношению к больному отцу такие же чувства, как по отношению к больному зубу, т.-е. желал бы, чтобы скорая смерть положила конец его излишнему, страдальческому существованию?

Я не сомневаюсь, что таким именно и было его отношение к отцу во время длительной болезни и что хвастливые уверения в его богобоязненном пиетете клонились к тому, чтобы отвлечь внимание от этих воспоминаний. При таких условиях обыкновенно появляется желание смерти по отношению к тому, кто причиняет нам все эти страдания, и это желание скрывается под маской мыслей сострадания, например: это было бы для него только спасением. Но заметьте, что в данном случае в самих латентных мыслях сновидения мы перешагнули через какую-то границу. Первая часть их, несомненна, была бессознательна только временно, т.-е. во время образования сновидения, а неприязненные душевные движения против отца, вероятно, были всегда бессознательны, быть может, происходили еще с детских лет и во время болезни отца, замаскировавшись, иной раз робко проскальзывали в сознание. С еще большей уверенностью мы можем утверждать это относительно других скрытых мыслей, которые, несомненно, принимают участие в содержании сновидения. В сновидении нельзя найти ничего, что говорило бы о враждебных чувствах к отцу. Но если мы проследим до корней подобные враждебные чувства к отцу в детской жизни, то вспомним, что страх перед отцом является потому, что отец уже с самых ранних лет противится сексуальным проявлением мальчика и такое же положение обыкновенно повторяется снова из социальных мотивов в возрасте после наступления половой зрелости. Такое отношение к отцу имеется и у лица, видевшего данный сон; в его любви к отцу было примешано немало уважения и страха, происходивших от раннего запугивания вследствие сексуальных проявлений.

Дальнейшие положения явного сновидения объясняются комплексом онанизма. „Он плохо выглядит" — хотя относится к словам зубного врача, что плохо выглядишь, когда теряешь зуб на этом месте. Но это относится одновременно и к плохому виду, благодаря которому молодой человек выдает себя или опасается, чтобы не обнаружились его половые излишества в период наступления половой зрелости. Видевший сон не без облегчения для самого себя перенес этот плохой вид с себя на отца,—случай, уже известный вам обращения работы сновидения. После того

он продолжает жить, покрывается желанием воскресить отца, как и обещанием зубного врача, что зуб уцелеет. Но особенно ловко составлено предложение: видевший сон делает все, что в его силах, чтобы он (отец) этого не заметил—с таким расчетом, чтобы вызвать в нас желание дополнить,—что он умер. Но единственно разумное дополнение вытекает из комплекса—онанизма, где само собою разумеется, что юноша делает все, что может, чтобы скрыть от отца проявления своей половой жизни. Вспомните, наконец, что сновидения, вызванные раздражением (от больных зубов), мы должны всегда толковать, как онанистические и выражающие страх перед наказанием за онанизм.

Вы видите теперь, как сложилось это непонятное сновидение. Произошло странное и приводящее в заблуждение сгущение, все мысли исходят из среды латентного хода мыслей и сложились в двусмысленные заменяющие образования для самых глубоких и отдаленных из этих мыслей.

4. Мы уже неоднократно пробовали найти объяснение тех трезвых и банальных сновидений, в которых нет следов бессмысленного и странного, но относительно которых подымается вопрос: для чего вообще видишь во сне такую безразличную чепуху? Я хочу привести новый пример такого рода, три составляющих одно целое сновидение одной молодой дамы, снившихся ей в одну и ту же ночь.

а) Она проходит через переднюю своего дома и разбивает до крови голову о низко висящую люстру.

Нет никаких воспоминаний, ничего соответствующего в действительности. То, что она рассказывает по этому поводу, ведет совсем по другому пути. „Вы знаете как сильно у меня выпадают волосы. Дитя, сказала мне вчера мать, если так будет продолжаться дальше, то у тебя голова примет вид задней части (Роро)“. Итак голова здесь занимает место другой части тела. Люстру легко мы можем понять символически и без ее помощи; все предметы, которые могут вытягиваться в длину, являются символом мужского органа. Речь, следовательно идет о кровотечении из нижней части тела, появившемся вследствие удара о penis. Это могло бы иметь еще другое значение; мысли, пришедшие ей в дальнейшем в голову, показывают, что дело идет

о предположении, будто менструация является вследствие полового акта с мужчиной, часть сексуальной теории, которой придерживаются много молодых девушек.

b) Она видит в винограднике глубокую яму и знает, что яма эта образовалась оттого, что вырвали большое дерево. Она замечает при этом, что дерева у нее нет. Она хотела сказать, что дерева она во сне не видала, но эта же фраза служит для выражения другой мысли, которая дает полную убедительность символическому толкованию. Это сновидение относится к другой части инфантильной сексуальной теории, к убеждению в том, что девочки первоначально имели такие же гениталии, как и мальчики и что их теперешняя форма образовалась позже вследствие кастрации (вырывание дерева).

c) Она стоит у ящика своего письменного стола, в котором ей все так хорошо знакомо, что она сейчас же узнает, если кто-нибудь в нем рылся.

Ящик письменного стола, как и всякий ящик, сундук, коробочка—женские гениталии. Она знает, что по гениталиям можно узнать о бывшем половом акте (тоже она думает и о прикосновениях) и давно уже боялась такого рода соблазна. Я думаю, что во всех трех сновидениях ударение нужно поставить на знании. Она вспоминает о времени своих детских сексуальных исследований, результаты которых заставляли ее очень гордиться.

5. Вот еще немного символики. Но на этот раз я должен прежде всего вкратце познакомить вас со всей психической ситуацией. Один господин, который провел ночь любви с женщиной, описывает свою партнершу, как одну из тех материнских натур, у которых при половом общении с мужчиной неотразимо прорывается желание иметь ребенка. Но условия любовной связи требовали осторожности, благодаря которой оплодотворяющее извержение семени удаляется от женского лона. Проснувшись после этой ночи женщина рассказывает о следующем сновидении.

На улице ее преследует офицер в красной фуражке. Она убегает от него, поднимается вверх по лестнице, а он идет все за ней. Сильно задыхаясь, она достигает своего жилища и

хлопает за собой дверью. Она остается снаружи и в то время, когда она смотрит на него в дверное окошечко, он сидит по ту сторону двери на скамье и плачет.

В преследовании офицера с красной фуражкой и в том, как она, задыхаясь, поднимается по лестнице, она узнает изображение полового акта. Примером так часто применяемого в сновидении превращения в противоположное может служить то, что дама эта в сновидении закрывает дверь перед преследователем, потому что в действительности мужчина удержался от окончания полового акта. Точно так же она перенесла на партнера свою грусть, так как он, а не она, плачет в сновидении, чем делается намек на истечение семени.

Вам наверное уже приходилось слышать, что психоанализ утверждает, будто все сновидения имеют сексуальное значение. Но вы сами имели возможность убедиться в неправильности такого упрека. Вы познакомились со сновидениями, выражающими желания, в которых речь идет об удовлетворении самых очевидных потребностей голода, жажды, тоски по свободе, вы встречали сновидения, выражающие нетерпение и „удобные сновидения", а также чисто корыстолюбивые и эгоистические. Однако вы можете запомнить, как результат психоаналитического исследования, тот факт, что сильно искаженные сновидения выражают преимущественно, но опять-таки не исключительно сексуальные желания.

6. У меня имеется особая причина указать вам побольше примеров применения символов в сновидении. При нашей первой встрече я уже жаловался на то, как трудно при преподавании психоанализа устраивать демонстрации и таким путем дать возможность слушателю составить себе определенное убеждение, и теперь вы со мной наверное в этом отношении согласитесь. Однако отдельные положения психоанализа находятся в такой тесной связи друг с другом, что убеждение легко может распространиться с одного пункта на большую часть всего учения. Относительно психоанализа можно было бы сказать, что кто дает ему хоть один палец, того он держит уже за всю руку. Кто усвоил себе хотя бы объяснение ошибочных действий, тот уж не может не поверить и во все остальное.

Вторым столь же доступным пунктом является символика сновидений. Я вам сообщу уже опубликованное сновидение женщины из простонародья, жены полицейского стражника, которая, наверное, никогда не слыхала ничего о символике сновидений и о психоанализе. Судите сами, можно ли назвать произвольным и искусственным толкование этого сновидения при помощи сексуальной символики.

...затем кто-то ворвался в квартиру и она в страхе звала на помощь полицейского стражника. Но он пошел с двумя „бродягами“ тихо и мирно в церковь, к которой вело несколько ступеней. Позади церкви возвышалась гора, сверху же—густой лес. На полицейском стражнике были шлем, круглый воротник и плащ. У него была темная борода. Оба бродяги, которые мирно шли вместе со стражником, носили мешкообразные передники вокруг бедер. От церкви вела дорога в гору. Эта дорога обросла по обеим сторонам травой и кустарником, становившимися все гуще и на вершине горы превращавшимися в небольшой лесок.

Вы без труда узнаете применяемые символы. Мужской гениталий изображен в виде (тройки) трех лиц, женский в виде ландшафта с капеллой, горой и лесом. Вы опять встречаетесь со ступеньками, как символами полового акта. То что в сновидении называется горой, носит в анатомии то же название, а именно: mons veneris „Венерин холм“.

7. Еще одно сновидение, которое можно разъяснить, подставив значение символов, замечательное и убедительное тем, что лицо, видевшее этот сон, само перетолковало все символы, хотя у него не было никаких теоретических предварительных знаний в области толкования сновидений. Такой образ действий—явление исключительное и неизвестно, чем оно вызвано.

Он гуляет со своим отцом в каком-то месте, наверное на Пратере, потому что видна ротонда, перед ней маленькая пристройка, к ней привязан воздушный шар, который, однако, кажется довольно мягким, вялым. Отец спрашивает его: к чему все это? Он этому удивляется,

но объясняет ему. Затем они входят во двор, в котором разложен большой жестяной лист. Отец хочет отломать себе большой кусок от листа, но сначала оглядывается, не заметит ли этого кто-нибудь. Он говорит ему, что ему следует только сказать об этом смотрителю, и тогда он может взять себе без всяких колебаний. Лестница с этого двора ведет в шахту, стены которой мягко обиты, в роде как в кожаном кресле. В конце этой шахты находится длинная платформа и далее начинается новая шахта...

Видевший сон сам истолковывает: ротонда, это—мои гениталии, воздушный шар перед ней—мой penis, на мягкость которого мне приходится жаловаться. Следует поэтому дать более детальный перевод: ротонда, это—задние части, которые ребенок регулярно относит к числу гениталий,—а маленькая пристройка впереди, это—мошонка. Во сне отец его спрашивает: что это такое, т.-е. о цели и функции гениталий. Вполне естественно повернуть такое положение вещей наоборот, так что сам он выступает в роли задающего вопрос. Так как такой расспрос отца никогда не имел места, то эту мысль сновидения следует понимать, как желание, и придать ему условную форму: „если бы я попросил отца объяснить мне все о половом". Мы скоро найдем в другом месте продолжение этой мысли.

Двор, на котором разложена жесть, не следует сначала понимать как символ, он представляет собой торговое помещение отца. По мотивам соблюдения тайны я поместил „жесть" вместо другого материала, которым торгует отец, не изменив в остальном ни в чем дословную передачу сновидений. Видевший сон вступил в дело отца и был чрезвычайно поражен теми скорее некорректными приемами, на которых большей частью зиждется заработок. Поэтому продолжение упомянутой выше мысли сновидения должно было бы гласить следующее (если бы я его спросил): „он бы меня обманул так же, как он обманывает своих клиентов". По поводу ломки жести, которая рисует деловую нечестность, видевший сновидение сам дает еще второе объяснение, что она обозначает онанизм. Это не только давно уже нам из-

вестно, но и вполне совпадает с тем обстоятельством, что тайна онанизма выражена посредством противоположного (ведь об этом можно открыто думать). Далее нашим ожиданиям вполне соответствует и тот факт, что онанизм опять-таки приписывается отцу, как и расспросы в первой сцене сновидения. Шахту он толкует, ссылаясь на мягкую обивку стен, как вагину. По собственной инициативе я добавляю, что обычно спуск и поднятие в вагине обозначают половой акт.

Деталь, состоящую в том, что за первой шахтой следует платформа, а затем новая шахта, он объясняет сам биографически. Он имел долгое время половые сношения, затем прекратил их благодаря невозможности, а теперь надеется при помощи лечения снова начать половую жизнь.

8. Оба следующих сновидения, принадлежащие иностранцу с весьма полигамическими наклонностями, я сообщаю вам в доказательство того, что собственное я фигурирует в каждом сновидении, даже тогда, когда оно скрыто в явном содержании. Чемоданы в сновидении представляют из себя женские символы.

а) Он уезжает, его багаж доставляется в экипаже на вокзал, очень много чемоданов один на другом, среди них два больших черных, два образцовых чемодана. В утешение он кому-то говорит: ну, эти ведь едут только до вокзала.

Он действительно путешествует с очень большим количеством багажа, но также рассказывает во время лечения очень много историй с женщинами. Два черных чемодана соответствуют двум брюнеткам, играющим в настоящее время главную роль в его жизни. Одна из них собиралась ехать за ним в Вену, но по моему совету он ей послал отказ по телефону.

в) Сцена на границе: Один из пассажиров открывает свой чемодан и говорит, равнодушно куря папиросу: тут ничего нет. Таможенный чиновник как будто верит ему, но опускает еще раз руку и находит что-то особенно запрещенное. Тогда пассажир смущенно говорит: тут ничего не поделаешь. Он сам является

пассажиром, а я—таможенным чиновником. Обычно он очень откровенен в своей исповеди, но однажды он решил утаить от меня одну новую связь с дамой, потому что вполне правильно полагал, что она мне знакома. Неприятное положение быть уличенным он переносит на другое лицо, так что как будто сам он не фигурирует в этом сновидении.

9. Вот пример символа, о котором я еще не упомянул:

Он встречает свою сестру в обществе еще двух приятельниц, тоже двух сестер. Он подает обеим руку, а своей сестре не подает.

Никакой связи с действительным событием. Его мысли уносятся к тому времени, когда он думал над своими наблюдениями по поводу того, что у девочек так поздно развиваются груди. Итак, обе сестры, это—женские груди, которые он хотел бы пощупать рукой, если бы только они не принадлежали его сестре.

10. А вот пример символики смерти в сновидении:

Он ходит с двумя лицами, имя которых он знает, но забыл по пробуждении, по очень высокому крутому железному мостику. Вдруг те двое исчезли, и он видит человека, похожего на привидение, в шапке и в полотняном костюме. Он спрашивает у него, не телеграфист ли тот? Нет. Или извозчик? Нет. Тогда он идет дальше, переживает во время сновидения еще сильный страх и, проснувшись, продолжает сновидение, фантазируя о том, что железный мост вдруг ломается и он летит в пропасть.

Лица, отмеченные во сне, как незнакомые, и такие, имена которых забыты,—по большей частью близкие люди. У видевшего сон имеются две сестры: если он когда-либо желал им обеим смерти, то было бы вполне правильно, если бы ему за это пришлось испытать страх смерти. Относительно телеграфиста он замечает, что такие люди всегда приносят плохие вести. Судя по форме, это мог бы быть также фонарщик, который, однако, тушит фонари, подобно тому, как гений смерти тушит факел жизни. По поводу возчика он ассоциирует стихотворение Уланда о морской поездке короля Карла и вспоминает опасное морское путешествие с двумя товарищами, во время которого он разыгрывал роль короля из

стихотворения. По поводу возчика ему приходит в голову несчастный случай, имевший недавно место, и глупая поговорка: жизнь есть цепной мост.

11. Другим примером изображения смерти может служить сновидение: неизвестный господин подает за него визитную карточку с черной каймой.

12. Во многих отношениях вас может интересовать следующее сновидение, которое, правда, предполагает также и невротическое состояние:

Он едет по железной дороге, поезд останавливается в поле. Он думает, что грозит катастрофа, нужно подумать о том, чтобы спастись, проходит через все отделения поезда и убивает всех, кого встречает: кондукторов, машинистов и т. д.

По этому поводу воскресают воспоминания о рассказе одного друга. На какой-то линии в Италии перевозили в полукупе душевнобольного, но по недосмотру впустили к нему пассажира. Душевнобольной убил спутника. Он, следовательно, отожествлял себя с этим больным и обосновывает свое право на это тем, что временами его мучает навязчивое представление, что он должен избавиться от соучастников. Потом он сам находит лучшую мотивировку, которая приводит к поводу, вызвавшему сновидение. Вчера в театре он снова увидел девушку, на которой хотел жениться, но бросил ее, потому что она дала ему повод к ревности; при той интенсивности, до которой у него доходит ревность, он действительно сошел бы с ума, если бы на ней женился. Это значит, он считает ее так мало заслуживающей доверия, что ему пришлось бы убивать из-за ревности всех людей, с которыми он встречался. Хождение через ряд комнат, в данном случае отделений, уже известно нам, как символ состояния в браке (противоположность единобрачия) (Einehe).

По поводу остановки поезда в открытом поле и опасений катастрофы он рассказывает: когда однажды в поезде во время поездки произошла подобная внезапная остановка не на станции, одна спутница, молодая дама, заявила, что, может быть, предстоит столкновение поездов и в таком случае самым целесообразным было бы убежать (die Beine hoch

zu geben поднять высоко ноги). Это „ноги вверх“ (die Beine hoch) играло, однако, роль на многочисленных прогулках и экскурсиях на лоне природы, которые он предпринимал с этой девушкой во время первого счастливого периода любви. Это еще один новый довод за то, что он должен был бы сойти с ума, чтобы теперь на ней жениться. Я мог считать несомненным, зная все положение вещей, что у него все еще таилось это желание быть таким сумасшедшим.

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Архаические черты и инфантилизм сновидения.

М. г. г. и м. г. г.! Позвольте мне снова начать с того, к чему мы уже пришли, а именно, что латентные мысли сновидения, благодаря работе сновидения, под влиянием цензуры приобретают другую форму выражения. Латентные мысли представляют собой ничто иное, как известные нам сознательные мысли нашей жизни во время бодрствования: новая форма выражения, благодаря многообразным своим особенностям, нам непонятна. Мы уже сказали, что она возвращается к таким состояниям нашего интеллектуального развития, которые мы давно уже преодолели, — к языку рисунков, к символическим отношениям понятий, быть может, к таким отношениям, которые существовали еще до развития современного языка, на котором мы мыслим. Мы поэтому назвали форму выражения работы сновидений — **архаической** или **регрессивной**.

Отсюда вы можете сделать заключение, что если углубиться в изучение работы сновидения, то нам должно удасться добыть ценные указания относительно мало известной области начала нащего интеллектуального развития. Я надеюсь, что так оно и случится, однако эта работа до сих пор даже и не начиналась. Работа сновидений возвращает нас к доисторическому времени двоякого рода: во-первых, это — индивидуальный доисторический период, детство; во-вторых, поскольку каждый индивид в своем детстве; так или иначе вкратце повторяет развитие человеческого рода, это — филогенетическая доисторическая эпоха. Допускаю, что, быть может, нам удастся установить, какая именно часть латентных

душевных процессов происходит от индивидуального периода и какая из филогенетической доисторической эпохи. Так, например, мне кажется, что символическое взаимоотношение представлений, которому никогда не обучался отдельный человек, имеет все данные считаться филогенетическим наследством.

Однако это не единственная архаическая черта сновидения. Все вы, вероятно, знаете из собственного опыта об удивительной амнезии детства. Я разумею здесь тот факт, что первые годы жизни—до пятого, шестого или восьмого года— не оставляют в нашей памяти таких следов, как последующие переживания. Хотя и встречаются отдельные лица, которые могут похвастать тем, что воспоминания их не обрываются, начиная с раннего возраста до последняго момента, но гораздо чаще встречается противоположное положение, когда у людей имеются изъяны памяти. Мне кажется, что этот факт не возбуждал удивления, которого он заслуживает. В два года ребенок умеет хорошо говорить, скоро он обнаруживает, что ориентируется в сложных душевных положениях, и высказывает суждения, которые ему много лет спустя повторяют близкие, так как сам он их забыл. И при этом память в первые годы жизни острее, потому что она менее перегружена. Нет также никаких оснований считать функцию памяти особенно высокой или затруднительной душевной деятельностью, напротив, можно встретить хорошую память у лиц очень низко стоящих интеллектуально.

Как на вторую замечательную особенность, дополняющую эту первую, укажу вам на то, что из пустоты забвения, окутывающего первые детские годы, выплывают отдельные хорошо сохранившиеся, большей частью пластически воспринимаемые воспоминания, сохранение которых в памяти ничем не оправдывается. Из материала наших впечатлений, касающихся последующей жизни, память делает определенный выбор. Она сохраняет все важное и теряет неважное. Но совсем иначе обстоит дело с сохранившимися детскими воспоминаниями, они не соответствуют обязательно значительным переживаниям детских лет и даже таким, которые могли бы казаться важными с детской точки зрения. Часто они настолько банальны и незначительны, что мы с удивлением спрашиваем себя: почему забвение пощадило именно

эту подробность переживания. Я пытался в свое время при помощи анализа исследовать загадку детской амнезии и нарушающих ее остатков воспоминаний и пришел к заключению, что в памяти и у ребенка осталось только самое важное. Дело только в том, что благодаря уже знакомым вам процессам сгущения и особенно сдвига это важное заменено в воспоминаниях другим, кажущимся неважным. Поэтому я назвал эти детские воспоминания покрывающими воспоминаниями. Исходя из них, при помощи основательного анализа удается вскрыть все забытое.

Во время психоаналитического лечения ставится задача восполнить изъяны детских воспоминаний и поскольку лечение удается хотя бы отчасти, а это бывает часто—мы можем снова воскресить содержание забытых переживаний этих детских лет. Впечатления эти в действительности никогда не были забыты, они только были недоступны, латентны, принадлежали к области бессознательного. Но случается и так, что они самопроизвольно всплывают из бессознательного, а именно в связи со сновидениями. Оказывается, что душевная жизнь во время сновидений может найти доступ к этим латентным, инфантильным переживаниям. В литературе описаны прекрасные примеры такого рода, и я сам имел возможность опубликовать подобный случай. Однажды мне снилось, в связи с другими деталями, одно лицо, которое, должно быть, оказало мне услугу и которое я видел ясно перед собой. Это был одноглазый человек, низкого роста, толстый, с глубоко сидящей между плечами головой. Из общей связи всех деталей я заключил, что это был врач. К счастью, я имел возможность расспросить мою, тогда еще бывшую в живых, мать, какова была наружность у врача той местности, где я родился и которую оставил в возрасте трех лет, и узнал от нее, что он был одноглазый, короткий, толстый, с головой глубоко сидящей между плечами, а также получил сведения о том, при каком забытом мною несчастном случае он оказал мне помощь. Такая возможность располагать забытым материалом первых детских лет представляет другую архаическую черту сновидения.

То же самое относится и к другой загадке, на которую мы с вами натолкнулись. Вы вспоминаете, какое удивление вызвало наше положение, что возбудителями сновидений

являются очень злобные и разнузданные сексуальные желания, сделавшие необходимыми цензуру сновидений и искажение их. Когда мы истолковываем такое сновидение лицу, видевшему его, и он в самом лучшем случае не возражает против нашего толкования, то он все-таки регулярно ставит вопрос, откуда у него берется такое желание, так как он чувствует чуждость этого желания и сознает совершенно противоположное. Нам незачем отказываться от указаний на происхождение этих желаний. Эти злобные желания исходят из прошлого, нередко из не очень далекого прошлого. Легко доказать, что было такое время, когда они были известны и сознаваемы, хотя теперь нет ни того, ни другого. Женщина, сновидение которой означает, что она хотела бы увидеть мертвой свою единственную, теперь уже семнадцатилетнюю, дочь, открывает при нашей помощи, что действительно было время, когда она этого желала. Ребенок явился плодом несчастного, скоро расторгнутого брака. Когда мать носила дочь еще в своем чреве, она однажды после бурной сцены с мужем начала колотить себя в припадке ярости кулаками по животу, чтобы убить в нем ребенка. Сколько существуют матерей, любящих в настоящее время очень нежно, даже слишком нежно своих детей, с неудовольствием встретивших их появление на свет и желавших тогда прекратить их жизнь в зародыше; больше того, такое желание они даже претворяют в различные, к счастью безвредные, поступки. Такое загадочное желание смерти любимого существа в дальнейшем имело своим источником отношения к нему в первое время его жизни.

Отец, сновидение которого должно быть истолковано в том смысле, что он желает смерти своему любимому старшему ребенку, должен согласиться с тем, что когда-то такое желание было ему не чуждо. Когда этот ребенок находился в младенческом возрасте, отец, недовольный своим браком, часто думал, что если бы это ничего для него не составляющее маленькое существо умерло, то он снова был бы свободен и лучше использовал свою свободу. Можно доказать, что в большинстве случаев такого же происхождения оказываются чувства ненависти, это—воспоминания о чем-то, что относилось к прошлому, было когда-то сознаваемо и играло роль в душевной жизни. Отсюда вы, конечно, захо-

тите сделать заключение, что таких желаний и таких сновидений не должно быть в тех случаях, когда по отношению к какому-нибудь лицу переживания подобного рода не имели места, если отношения к этому лицу с самого начала были ровные. Я готов согласиться с таким выводом, но хочу предупредить вас, чтобы вы имели в виду не дословный текст сновидения, а его смысл после толкования. Может случиться, что сновидение о смерти любимого человека представляет из себя только страшную маску, но означает нечто совсем другое, или—что любимый человек только заменяет другое лицо.

Но то же положение вещей вызовет у вас другой, гораздо более серьезный вопрос. Вы скажете: если даже это желание смерти когда-то и шевелилось в душе и память подтверждает это, то ведь это еще недостаточное объяснение. Такое желание уже давно побеждено, оно в настоящее время может сохраниться в бессознательном только как воспоминание, лишенное аффекта, но совсем не как сильное переживание. Да, ничто не свидетельствует о существовании такого переживания. Почему же вообще сновидение нам о нем напоминает? Вопрос ваш действительно правилен; попытка ответить на него завела бы нас далеко и побудила выяснить наше отношение к одному из самых значительных пунктов учения о сновидении. Но я вынужден оставаться в пределах нашей темы и не могу слишком распространяться. Примиритесь поэтому с этим временным воздержанием. Удовлетворимся фактическим указанием на то, что это побежденное желание, как доказано, является возбудителем сновидения, и будем продолжать исследование вопроса о том, не происходят ли другие злобные желания из переживаний прошлого.

Остановимся на желаниях устранить кого-нибудь из жизни, которые в большинстве случаев мы можем объяснить безграничным эгоизмом лица, видевшего сновидение. Очень часто нетрудно бывает доказать, что такого рода желание является причиной образования сновидения. Всякий раз, когда в жизни кто-либо становится на нашем пути, а при сложности жизненных отношений это случается очень часто, сновидение тотчас же готово убить его, будь это отец, мать, брат или сестра, или супруг и т. д. Нас сильно удивляла испорченность человеческой природы, и мы безусловно не

хотели беспрекословно примириться с правильностью этого результата толкования сновидения. Но раз нам указывают, что происхождение этих желаний следует искать в прошлом, то мы легко открываем такой период индивидуального прошлого, когда подобный эгоизм и желания по отношению к самым близким лицам не представляют собой ничего странного. Это период детства, именно первых лет его, который позже окутывается амнезией. В этот период ребенок часто проявляет такой эгоизм в самых резких формах, но кроме того на каждом шагу обнаруживает явные порывы, или правильней остатки таких эгоистических порывов. Ребенок прежде всего любит себя и только позже научается любить других, жертвовать другим кое-чем из своего я. Даже и тех, кого он как будто любит, а с самого начала ребенок любит сперва только потому, что нуждается в них, не может лишиться их, то-есть опять-таки из эгоистических мотивов. Только позже любовное чувство освобождается от эгоизма. Фактически ребенок научается любить при помощи эгоизма.

В этом отношении поучительно будет сравнить психическую направленность ребенка по отношению к братьям и сестрам и родителям. У маленького ребенка вовсе не обязательна любовь к братьям и сестрам, часто он их открыто не любит. Не подлежит сомнению, что он ненавидит в них своих конкурентов, и хорошо известно, как часто такая направленность сохраняется без всяких изменений в течение многих лет, до юношеского возраста и даже позже. Очень часто направленность эта сменяется или, правильней сказать, покрывается нежностью, но враждебная направленность является, повидимому, как правило, раньше. Легче всего ее наблюдать у детей в возрасте между 2 до 4-х и 5 лет, когда в семье появляется новый ребенок. По большей части он встречает очень нелюбезный прием. Выражения вроде: я его не люблю; пусть аист заберет его опять,— раздаются довольно часто. В дальнейшем всякий благоприятный случай дает повод к тому, чтобы унизить пришельца и даже попытки искалечить его, а то и прямые покушения на его жизнь не являются неслыханными. Если разница в возрасте менее значительна, то ребенок ко времени развития более интенсивной душевной деятельности находит своего конкурента на

месте и к нему приспособляется. Если разница больше, то новый ребенок может с самого начала вызвать определенные симпатии, как интересный объект, своего рода живая кукла, а при разнице в возрасте в восемь и более лет, особенно у девочек, могут проявляться уже материнские душевные движения и заботливость. Но, откровенно говоря, если в каком-нибудь сновидении открываешь желание смерти брата или сестры, то редко приходится считать его загадочным и без труда удается найти его прототип в детском возрасте, а довольно часто и в более поздние годы совместной жизни.

Вероятно, нет ни одной детской комнаты, среди обитателей которой не царили бы сильные конфликты. Мотивами их является борьба за любовь родителей, за обладание общими вещами, за место в комнате. Враждебные движения души направляются против старших и младших сестер и братьев. Мне кажется, что Berhard Shaw высказал мысль: если существует кто-нибудь, кого молодая английская дама ненавидит больше всего, больше чем свою мать, то таким лицом является родная старшая сестра. В этом афоризме, однако, есть что-то, что нам кажется странным. В крайнем случае мы еще могли бы понять ненависть и конкуренцию к сестре, но каким образом могут примешаться чувства ненависти к отношениям между дочерью и матерью, между родителями и детьми?

Если даже рассматривать отношение детей к родителям, то оно окажется лучше, чем у детей между собой. Другого мы и не ожидаем; нас гораздо более неприятно задевает, если не имеется любви между родителями и детьми, чем между братьями и сестрами. В первом случае мы чтим что-то такое святое, чего не видим во втором случае. Однако ежедневное наблюдение может показать нам, как часто чувства между родителями и взрослыми детьми отличаются от созданного общественного идеала, сколько в них накопилось враждебности, готовой прорваться, если их не сдерживали бы пиететы и нежные душевные переживания. Мотивы этих чувств общеизвестны и имеют тенденцию отделять лиц одного пола,—дочь от матери, отца от сына. Дочь находит в лице матери авторитет, который ограничивает ее волю и на которую возложена задача провести в жизнь требуемый обществом отказ от половой свободы, а в отдельных случаях мать

является также и конкуренткой взрослой дочери и благодаря этому мешает в позднейшем вытеснению инфантильных переживаний. То же самое, но еще в более резкой форме, повторяется между сыном и отцом. В лице отца для сына воплощается всякое насильственное социальное принуждение; отец закрывает ему путь к проявлениям его воли к раннему половому наслаждению и пользованию фамильным достоянием там, где оно имеется. В случае престолонаследия ожидание смерти отца вырастает до трагических размеров. В меньшей опасности кажется взаимоотношение между отцом и дочерью, матерью и сыном. Последнее представляет собой чистейший пример неизменной нежности, ненарушенной никакими эгоистическими соображениями.

Для чего я говорю об этих банальных и общеизвестных вещах? Потому, что в жизни имеется определенное стремление отрицать их значение и гораздо чаще, чем это бывает в действительности, считать воплощенным требуемый обществом идеал. Но гораздо лучше, если правду говорит психолог, чем если эта задача предоставляется цинику. Во всяком случае это отрицание относится только к реальной жизни. Но литературе и драматической поэзии предоставляется свободно пользоваться мотивами, вытекающими из нарушения этого идеала.

Поэтому нам нечего удивляться, что сновидения у многих лиц обнаруживают желание устранить родителей, а именно того из них, у которого тот же пол, как и у видевшего сон. Можно предполагать, что такое желание имеется и в бодрственном состоянии, и иной раз даже сознается, если оно скрывается под маской другого мотива, как это было в нашем третьем примере.

Редко одно только враждебное чувство определяет отношения, гораздо чаще оно уступает первое место более нежным душевным движениям, которыми оно подавляется, и ждет, пока сновидение как бы его изолирует. То, что сновидение показывает нам благодаря такой изоляции в преувеличенном виде, снова ослабляется, когда оно вводится нами после толкования в общий обиход жизненных переживаний (H. Sachs). Но мы находим такое желание в сновидении также и в тех случаях, когда оно не имеет никаких оснований в жизни и где взрослый никогда бы в нем не признался в бодр-

ственном состоянии. Причина этого кроется в том, что самый глубокий и постоянный мотив отчуждения, особенно между лицами одного пола, проявляется уже в раннем детском возрасте.

Я имею в виду любовную конкуренцию явно подчеркнутого полового характера. Сын еще маленьким ребенком проявляет особенную нежность к матери, которую считает своей собственностью, и видит в отце конкурента, который оспаривает у него это исключительное обладание. Точно так же маленькая дочь видит в матери человека, мешающего ее нежным отношениям к отцу, и занимает место, которое с радостью заняла бы сама девочка. Наблюдения показывают, до каких ранних лет доходит такая направленность, которую мы называем **комплексом** Эдипа, потому что эта легенда реализует, только очень немного смягчая, оба крайние желания, вытекающие из положения сына: убить отца и взять в жены мать. Я не хочу утверждать, что комплексом Эдипа исчерпываются отношения детей к родителям, они легко могут стать гораздо сложней. Комплекс Эдипа может быть также более или менее сильно выражен, он может даже принять противоположное выражение, но он остается неизменным и очень значительным фактором душевной жизни ребенка и скорее рискуешь недооценить его значение и связанное с ним развитие, чем переоценить его. Впрочем, дети часто реагируют эдиповской направленностью (Oedipuseinstellung) побуждению родителей, которые довольно часто руководятся в своем любовном выборе половым различием: таким образом отец предпочитает дочь, а мать—сына, или же в случае охлаждения в браке заменяют ими обесцененный объект их прежней любви.

Нельзя сказать, чтобы мир поблагодарил психоаналитическое исследование за открытие эдиповского комплекса. Наоборот, он вызвал самый резкий протест со стороны взрослых, и лица, которые не упустили случай принять участие в отрицании этого запретного или запрещенного посредством табу отношения чувств, исправили впоследствии свой промах, обесценив этот комплекс посредством его перетолковывания [1]). По моему твердому убеждению, в нем нечего отри-

---

[1]) Намек на учение Jung'a (редактор).

цать и нечего разукрашивать. Необходимо примириться с фактом, который признается как неумолимый рок и самой греческой легендой. Интересно, в свою очередь, отметить, что устраненный из реальной жизни комплекс Эдипа предоставлен поэзии, как бы уступлен в ее полное распоряжение. O. Rank в тщательно разработанном сочинении доказал, что именно эдиповский комплекс дал драматической поэзии много мотивов, в виде бесконечных его вариаций, ослабленных и так или иначе замаскированных, т.-е. таким же образом искаженных, какими мы уже знаем их в результате действия цензуры. Этот эдиповский комплекс мы можем поэтому приписать тем лицам, которым в дальнейшей жизни посчастливилось избежать конфликта со своими родителями; и в тесной связи с эдиповским мы находим так называемый нами кастрационный комплекс, реакцию на приписываемое отцу сексуальное запугивание или подавление раннеинфантильной сексуальной деятельности.

Так как все произведенные до настоящего времени исследования приводят нас к изучению детской душевной жизни, то мы можем ждать, что происхождение другой части запретных желаний сновидений, эксцессивных сексуальных желаний может быть объяснено таким же образом. У нас является поэтому побуждение изучить также развитие детской сексуальной жизни и при этом из многочисленных источников мы узнаем следующее: прежде всего недопустимой ошибкой является отрицание сексуальной жизни у ребенка и предположение, что сексуальность появляется только ко времени полового созревания вместе с созреванием гениталий. Наоборот, у ребенка с самого начала имеется богатая половая жизнь, во многих отношениях отличающаяся от такой, какая позже считается нормальной. То, что мы называем „извращением" в жизни взрослых, отличается от нормального, во-первых, переходом за границу своего вида (пропасть между животным и человеком), во-вторых, переходом за пределы, воздвигаемые чувством отвращения, в-третьих, преступлениями против кровосмесительного запрета получить половое удовлетворение от близких родственников, в-четвертых, запретом по отношению к своему полу и в-пятых, перенесение роли гениталий на другие органы и участки тела. Все эти ограничения не существуют с самого

начала, а создаются постепенно в течение развития и воспитания. Маленький ребенок не знает их. Он еще не знает глубокой бездны между человеком и животными, и высокомерие, с которым человек относится к животному, развивается у него позже. Сначала у ребенка не замечается и отвращения к экскрементам, и он только медленно под давлением воспитания научается этому, он не придает особенного значения различию полов, а приписывает им обоим одинаковый вид гениталий; он направляет свои первые сексуальные вожделения и свое любопытство на ближайших и самых любимых по другим основаниям лиц: на родителей, сестер, братьев, няню, и наконец у него проявляется то, что снова прорывается позже при наибольшей силе любовных отношений, то-есть, что он получает удовольствие не только от половых частей, но от многих других участков тела, обладающих такой же чувствительностью, он доставляет себе аналогичные ощущения наслаждения и таким образом они могут играть роль гениталий. Ребенок поэтому может быть назван „полиморфно-извращенным", и если у него проявляются только следы подобных душевных движений, то это происходит с одной стороны благодаря их незначительной интенсивности, сравнительно с более поздними годами жизни, а с другой стороны потому, что воспитание немедленно энергично подавляет все сексуальные проявления ребенка. Это подавление переходит, так сказать, в теорию, так как взрослые стараются вовсе не замечать одной части сексуальных проявлений ребенка, а другую часть лишают ее сексуальной природы, объясняя ее проявления в их настоящем смысле и приходя, таким образом, к полному отрицанию всей сексуальности. Часто одни и те же лица только что негодовали в детской против отвратительных сексуальных привычек детей, а вслед затем отстаивают за письменным столом сексуальную чистоту тех же самых детей. Там, где дети предоставлены самим себе или подпадают под влияние соблазна, они нередко проявляют довольно значительные сексуальные извращения.

Разумеется, взрослые правы, относясь к этому не серьезно, как к ребячеству и „шалостям", потому что ребенок не может быть вполне ответственен перед требованиями нравов, ни перед судом закона, но все же эти явления суще-

ствуют, они имеют определенное значение, как признаки врожденной конституции, так и значение благоприятствующих причин позднейшего развития; они объясняют нам многое в вопросе о половой жизни ребенка и вместе с тем о половой жизни человека вообще. Если мы, таким образом, находим, что за нашими искаженными сновидениями скрываются все эти извращенные желания, то это имеет только то значение, что в сновидении и в этой области совершился возврат к инфантильному состоянию.

Среди этих запретных желаний особого упоминания заслуживают еще инцестуозные, т.-е. желания направленные к совершению полового акта с родителями, братьями и сестрами. Вы знаете, какое отвращение чувствует или по крайней мере проявляет человеческое общество к такого рода половым отношениям и с какой энергией подчеркиваются лежащие на них запреты. Самые большие старания прилагали для того, чтобы объяснить этот инцестуозный страх.

Одни полагали, что природа, преследуя свои цели улучшения расы, психически воплощенные в этом запрете, предупреждает таким образом ухудшение расовых признаков, другие утверждали, что совместная жизнь с раннего детства притупляет половое вожделение к лицам, о которых идет речь. Но в обоих случаях избегание инцеста было бы автоматически обеспечено, и совершенно непонятно, к чему в таком случае все эти строгие запреты, которые скорее указывают на присутствие сильного вожделения. Психоаналитические изыскания совершенно определенно доказали, что инцестуозный выбор объекта является, как правило, первым и что лишь позже против него вырастает сопротивление, происхождение которого нельзя допустить, исходя из психологии индивида.

Сопоставим вместе все, что дало нам углубление в детскую психологию для лучшего понимания сновидения. Мы находили, что сновидению не только доступны забытые детские переживания, но мы видели, что душевная жизнь ребенка, со всеми ее особенностями, ее эгоизмом, ее инцестуозным выбором объекта и т. д. продолжает еще существовать в сновидении, т.-е. в бессознательном, и что сновидение каждую ночь приводит нас на эту инфантильную ступень развития. Таким образом

подтверждается, что бессознательное в душевной жизни есть инфантильное. Впечатление, кажущееся таким странным, что в человеке таится так много дурного, начинает ослабевать. Это страшно дурное представляет из себя просто первоначальное примитивное, инфантильное душевной жизни, открытое проявление которого мы можем наблюдать у ребенка, но отчасти не замечаем, вследствие слабости всех этих проявлений, отчасти не принимаем всерьез, потому что не требуем от ребенка этического развития. Так как сновидение низводит психическую жизнь до этой ступени, то может показаться, что оно содействовало проявлению в нас злого начала. Но это только кажущееся, пугающее нас заблуждение. На самом деле мы вовсе не такие дурные, как мы это могли бы думать на основании толкования сновидений.

Если дурные душевные движения, проявляющиеся в наших сновидениях, представляют собой только инфантилизмы, возврат к началу нашего этического развития, так как сновидение делает нас просто детьми в области мышления и чувствования, то благоразумие подсказывает, что нам нечего стыдиться этих дурных сновидений. Но благоразумие составляет только одну часть душевной жизни, кроме него в душе происходит еще многое, что неблагоразумно, а потому и бывает так, что мы совершенно неблагоразумно стыдимся наших сновидений. Мы подвергаем их цензуре сновидений, стыдимся их, огорчаемся, когда, в виде исключения, какому-нибудь из этих желаний случайно удается проникнуть в сознание в такой искаженной форме, что мы его должны узнать; больше,—мы иной раз стыдимся искаженных сновидений так же, как если бы они были для нас понятными. Вспомните негодование той славной старой дамы по поводу ее неистолкованного сновидения о „любовных услугах“. Вопрос еще не исчерпан и возможно, что при дальнейшем изучении дурного начала в сновидениях мы придем к другому выводу и к другой оценке человеческой природы.

В результате всего исследования мы приходим к положениям, которые, однако, являются только началом новых загадок и новых сомнений. Во-первых, регрессия работы

сновидений не только формальна, но и материальна. Она не только переводит наши мысли к примитивной форме выражения, но и воскрешает все особенности нашей примитивной душевной жизни, старое всемогущество я, первые проявления нашей сексуальной жизни, даже наше старое интеллектуальное содержание, если мы можем видеть в символах проявление этого содержания. И, во-вторых, все то старое инфантильное, что когда-то самодержавно господствовало в нас, мы должны теперь отнести к бессознательному, наше представление о котором нам следует теперь изменить и расширить. Бессознательное уже не является названием того, что латентно в настоящую минуту,—бессознательное представляет собой особое душевное царство со своими собственными душевными движениями, собственным способом выражения и свойственными ему душевными механизмами, не действующим при обычных условиях. Но латентные мысли сновидения, которые мы угадываем благодаря толкованию сновидения, принадлежат не к этому царству; такие мысли мы могли бы обнаружить и в бодрственном состоянии. Но они все же бессознательны; как же разрешается это противоречие? Мы начинаем подозревать, что здесь надо произвести подразделение.

Нечто, исходящее из нашей сознательной жизни и носящее признаки ее, мы называем дневными остатками—соединяется с чем-то из другой области бессознательного для образования сновидения. Влияние присоединяющегося бессознательного на дневные остатки является причиной регрессии. В этом заключается самое глубокое понимание сущности сновидения, какое только нам доступно прежде, чем мы исследовали другие области душевной жизни. Но теперь своевременно дать специальное название и точнее определить особенности бессознательного качества латентных мыслей сновидения, в отличие от бессознательного из царства инфантильного.

Мы можем поставить вопрос: что толкает психическую деятельность во время сна на такую регрессию? Почему она иным путем не справляется с нарушающими сон душевными раздражениями? И если, благодаря цензуре сновидения, она вынуждена пользоваться для маскирования старой, теперь

уже непонятной, формой выражения мыслей, то каким целям служит возрождение старых, теперь уже преодоленных душевных движений, желаний, особенностей характера, т.-е. регрессия содержания, присоединяющаяся к регрессии формы? Единственный удовлетворяющий нас ответ указал бы, что только таким путем может образоваться сновидение, что иначе невозможно динамически прекратить раздражение сновидения. Но пока у нас еще нет права на такой ответ.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Исполнение желания.

М. гг. и м. гг.! Не следует ли мне вкратце повторить вам весь пройденный нами путь? Не напомнить ли вам, как мы, пользуясь нашей техникой, наткнулись на искажение сновидений и сначала раздумывали над тем, как бы нам обойти это искажение и приобрели самые важные сведения о сущности сновидения, благодаря изучению инфантильных снов? И как мы далее, вооруженные результатами этого исследования, прямо приступили к изучению искажения сновидения и, надеюсь, шаг за шагом одолели его? Однако мы должны сознаться, что то, что мы нашли тем и другим путем, не совсем совпадает. Перед нами теперь возникает задача сопоставить оба результата и сравнить один с другим.

И тем и другим путем мы пришли к тому, что работа сновидений состоит по существу в превращении мыслей в галлюцинаторное переживание. Как это происходит—это довольно загадочно, но это уже вопрос общей психологии, который не должен здесь нас занимать. Из детских сновидений мы узнали, что работа сновидений стремится к устранению нарушающего сон душевного раздражения путем исполнения желания. Ничего подобного мы не могли утверждать относительно искаженных сновидений до того, как мы научились их толковать. Но с самого начала мы рассчитывали, что нам удастся распространить и на искаженные сновидения точку зрения, принятую нами по отношению к инфантильным. Первым подтверждением этого предположения было сделанное нами открытие, что по существу все сновидения

представляют собой детские сны, работают над инфантильным материалом, над детскими душевными движениями и при помощи детских психических механизмов. Одолев трудности искажения сновидений, мы должны приступить к исследованию вопроса, можно ли распространить взгляд на сновидения, как на исполнение желаний и на искаженные сны.

Мы только недавно произвели толкование целого ряда сновидений, но совершенно не принимали во внимание исполнение желания. Я убежден, что вам при этом неоднократно навязывался вопрос: куда же девалось исполнение желания, которое, ведь, как утверждают, составляет цель всей работы сновидения? Этот вопрос заслуживает внимания; он стал любимым вопросом наших неспециалистов-критиков. Как вы знаете, у человечества есть какое-то инстинктивное стремление оказывать сопротивление всему новому в области мысли. Такое сопротивление выражается, между прочим, в том, что новая идея сейчас же низводится до самых незначительных размеров,—если возможно суживается до степени какого-нибудь лозунга. В новом учении о сновидениях таким лозунгом стало исполнение желаний. Публика ставит вопрос, где исполнение желания? Только что услышав, что сновидение должно выражать исполнение какого-нибудь желания, публика ставит этот вопрос и тут же разрешает его в отрицательном смысле. Им припоминается бесчисленное множество собственных случаев, в которых сновидение сопровождалось неприятным чувством, нарастающим до мучительного страха, так что утверждение психоаналитического учения о сновидениях кажется чрезвычайно невероятным. Нам нетрудно ответить, что при искаженных сновидениях исполнение желания не может проявляться открыто, а его необходимо еще поискать и поэтому до толкования сновидения невозможно и указать на него. Мы знаем, также, что желания этих искаженных сновидений состоят из запретных желаний, отвергнутых цензурой, существование которых и было причиной искажения сновидения и поводом к тому, что цензура сновидения проявила свое действие. Но критика из публики очень трудно убедить в в том, что нельзя поднимать вопроса об исполнении желания до того, как еще не закончено толкование сновидения.

А об этом постоянно забывают. Отрицательное отношение к теории исполнения желания представляет из себя, в сущности, только следствие влияния цензуры сновидения, замену и результат отрицания этих желаний сновидения, подвергнутых цензуре.

Разумеется, и у нас будет потребность найти объяснение тому, что встречается так много сновидений с мучительным содержанием и в особенности снов, сопровождающихся страхами. При этом мы впервые сталкиваемся с проблемой аффектов в сновидении, заслуживающей особого изучения, но не входящей, к сожалению, в программу наших занятий. Если сновидение есть исполнение желания, то мучительные ощущения не должны были бы иметь место в сновидении; в этом отношении критики из публики как будто бы правы. Но нужно принять во внимание троякого рода осложнения, о которых не подумали эти критики.

Во-первых, работе сновидений не совсем удалось создать исполнение желания, так что часть мучительного аффекта мыслей сновидения сохраняется в явном содержании сновидения. Анализ в этом случае показал бы, что эти мысли сновидения были еще гораздо мучительней, чем образовавшееся из них сновидение. Это всякий раз удается доказать. Мы тогда соглашаемся с тем, что работа сновидения не достигла своей цели, подобно тому случаю, когда под влиянием жажды видишь во сне, что пьешь, но этим не достигаешь цели утоления жажды. Продолжаешь испытывать жажду—и необходимо проснуться для того, чтобы напиться. А между тем это было самое настоящее сновидение, в его сущности ничего не изменилось. Мы должны сказать:

1. Ясно проявляемое намерение заслуживает, по крайней мере, похвалы. Далеко не редки такие неудачные случаи. Этому содействует то, что работе сновидения гораздо труднее изменить в желательном для нее смысле аффекты, чем содержание; аффекты нередко оказываются очень упорными. Таким образом случается, что работа сновидения переделала мучительное содержание мыслей сновидения, между тем как мучительный аффект еще прорывается в неизменном виде. В таких сновидениях аффект совершенно не соответствует содержанию, и наши критики могут сказать, что сновидение так далеко от исполнения желания,

что даже безобидное содержание может в нем мучительно ощущаться. На такое неразумное замечание мы возразим, что именно в таких сновидениях в изолированном виде проявляется особенно ясно тенденция исполнения желания. Ошибка происходит от того, что тот, кто не знает неврозов, представляет себе связь между содержанием и аффектом слишком тесной и не может поэтому понять, что содержание может измениться, а относящийся к нему аффект остается при этом неизменным.

2. Гораздо более важный и глубокий момент, также недооцениваемый неспециалистами, состоит в следующем. Исполнение желания должно было бы безусловно доставить наслаждение, но спрашивается кому? Разумеется тому, кто имеет это желание. Но как нам уже известно, отношение лица, видевшего сон, к своим желаниям отличается некоторыми особенностями. Он их затемняет, цензурирует,—коротко сказать, они ему неприятны. Исполнение их может поэтому ему доставить не наслаждение, а только противоположное чувство. Опыт показывает, что это противоположное чувство проявляется в виде страха. Видевшего сон, в смысле отношения его к желаниям, выразившимся в сновидениях, можно только сравнить с существом, состоящим из двух лиц, связанных между собою интимной общностью. Вместо дальнейших рассуждений я расскажу вам известную сказку, в которой вы встретите то же взаимоотношение. Одна добрая фея обещает бедной супружеской чете, мужу и жене, что она исполнит первые их три желания. Счастливые, они собираются старательно выбрать эти три желания. Но жена соблазняется запахом жареных сосисок, доносящимся из соседней хижины, и желает получить парочку таких сосисок. Сосиски неожиданно оказываются тут как тут: и вот исполнилось первое желание. Тогда муж сердится и в раздражении высказывает пожелание, чтобы сосиски повисли у жены на носу. Это также немедленно исполняется, и нет никакой возможности удалить сосиски с их нового местопребывания,—вот уже исполнилось и второе желание, но уже желание мужа; жене исполнение этого желания очень не нравится. Вы знаете, что происходит дальше в сказке. Так как оба они в сущности составляют—одно, мужа и жену,— то третье желание сводится к тому, чтобы сосиски оставили

свое место на носу у жены. Мы могли бы использовать эту сказку еще много раз в связи с другими явлениями; пусть она послужит нам здесь иллюстрацией возможности такого положения, при котором исполнение желания одного вызывает неприятное чувство у другого, если между ними обоими нет согласия.

Нам нетрудно будет достичь еще лучшего понимания страшных снов. Мы только используем одно наблюдение и решимся остановиться на предположении, в пользу которого можно привести много оснований. Наблюдения показывают, что нередко страшные сны имеют содержание совершенно свободное от искажения, так сказать, не прошедшее через цензуру. Страшный сон представляет собой нередко откровенное исполнение желания, разумеется, не приятного и отвергнутого желания. Вместо цензуры появился страх. В то время, как об инфантильном сновидении можно сказать, что оно является откровенным исполнением допущенного желания, а об обыкновенном искаженном сновидении, что оно представляет замаскированное исполнение вытесненного желания, по отношению к страшному сновидению можно применить формулу, что оно изображает откровенное исполнение вытесненного желания. Страх является признаком того, что вытесненное желание оказалось сильней, чем цензура, что оно, несмотря на ее сопротивление, все-таки проявилось или было готово проявиться. Мы понимаем, что то, что для такого желания является исполнением, для нас, находящихся на стороне цензуры сновидения, может быть только поводом к мучительным ощущениям и к отпору. Появляющийся при этом в сновидении страх есть, если хотите, страх перед силой этих, обычно сдерживаемых, желаний. Почему этот отпор появляется в форме страха не удается выяснить при изучении одной только психологии сновидений; очевидно, чувство страха нужно изучать по другим источникам.

Все, что верно по отношению к неискаженным страшным сновидениям, мы можем предполагать также и в таких сновидениях, которые испытали некоторое частичное искажение, и вообще в других неприятных сновидениях, мучительные ощущения которых, вероятно, соответствуют некоторой степени приближения к чувству страха. Страшное сно-

видение обыкновенно ведет к пробуждению: обычно мы просыпаемся уже до того, как вытесненное желание сновидения, несмотря на сопротивление цензуры, добивается полного осуществления. В этом случае работа сновидения оказывается неудачной, но вследствие этого сущность его не меняется. Мы сравнили сновидение с ночным сторожем, охраняющим наш сон, чтобы ничто ему не помешало. Но бывает положение, когда сторож вынужден разбудить спящих, а именно, когда он чувствует себя слишком слабым, чтобы в состоянии быть одному устранить опасность. И все-таки иной раз нам удается продолжать спать даже тогда, когда сновидение становится тревожным и начинает зарождаться страх. Мы говорим себе во сне: ведь это только сон и продолжаем спать.

Когда может наступить такой случай, что желание сновидения оказывается в состоянии преодолеть цензуру? Условия, благоприятствующие этому, могут найтись как со стороны желания сновидения, так и со стороны его цензуры. Иной раз желание может по неизвестным причинам стать слишком сильным; но получается впечатление, что вина за это изменение взаимоотношения действующих сил чаще падает на цензуру сновидения. Мы уже слышали, что цензура работает в каждом отдельном случае с различной интенсивностью и относится к каждому элементу в отдельности с различной степенью строгости; теперь мы хотели бы прибавить еще одно положение, а именно, что она вообще очень изменчива и не всегда одинаково строга против одного и того же неприемлемого для нее элемента. Если случается так, что она чувствует себя бессильной против какого-нибудь желания сновидения, угрожающего захватить ее врасплох, то вместо искажения она пользуется последним оставшимся в ее распоряжении средством — прервать сон под влиянием нарастающего страха.

Заметим тут, что мы вообще еще не знаем, почему скверные отвергнутые желания шевелятся как раз в ночное время, чтобы помешать нашему сну. Ответ может свестись только к предположению, принимающему во внимание свойства состояния сна. Днем эти желания находятся под тяжелым давлением цензуры, не дающей им обыкновенно возможности появиться в каком-нибудь действии. В ночное

время эта цензура, вероятно, как и все другие интересы душевной жизни, совершенно перестает действовать или, по крайней мере, сильно понижается благодаря единственному желанию спать. Запретные желания и обязаны этому понижению цензуры в ночное время тем, что получают возможность снова оживать. Нервные больные, страдающие бессоницей, сознаются, что первоначально они сами хотели своей бессоницы. Они не решались заснуть, потому что боялись своих сновидений, т.-е. последствий ослабления цензуры. Нетрудно убедиться, что такая приостановка деятельности цензуры не означает еще большой неосторожности. Состояние сна парализирует подвижность; все наши злостные намерения, даже если они начинают шевелиться, могут привести только к практически совершенно безвредному сновидению, и на такое именно успокоительное состояние указывает чрезвычайно благоразумное замечание спящего, хотя и принадлежащее к душевной деятельности ночью, однако не к самому сновидению: „это только сон“. А потому оставим его в покое и будем продолжать спать.

Если, в-третьих, вы вспомните о нашем понимании лица, видевшего сон, борящегося со своими желаньями, как о совокупности двух отдельных, но каким-то образом тесно связанных между собой лиц, то допустите и другую возможность, благодаря которой исполнение желания может быть связано с чем-то в высшей степени неприятным, а именно с наказанием. И здесь выяснению может опять помочь сказка о трех желаниях: жареные сосиски, преподнесенные на тарелке, были прямым исполнением желания первого лица—жены; сосиски, прикрепленные к ее носу, представляют исполнение желания второго лица—мужа, но одновременно и наказание за глупое желание женщины. Далее при неврозах мы найдем также мотивировку еще и третьего, имеющегося в сказке, желания. В душевной жизни человека встречается много таких тенденций претерпеть наказание; они очень сильны и могут стать ответственными за некоторую часть мучительных сновидений. Может быть, вы станете теперь утверждать, что, пожалуй, таким образом, из хваленного исполнения желания остается не очень-то много. Но, рассмотрев поближе вопрос, вы согласитесь, что неправы. Положение: исполнение желания, исполнение чего-то стран-

ного и исполнение наказания является еще в достаточной мере суженным по сравнению с разнообразием того, чем мог бы быть сон, а по мнению некоторых авторов, что он и представляет из себя в действительности. К этому еще нужно прибавить, что страх есть прямая противоположность желанию, что противоположности особенно близки друг к другу ассоциативно, а в бессознательности, как мы уже слышали, совпадают. Далее, что и наказание является исполнением желания, но другого, цензурирующего лица.

В связи с вашими возражениями против теории исполнения желания в общем я не сделал никаких уступок. Но мы обязаны доказать исполнение желания в любом искаженном сновидении и, понятно, не откажемся от разрешения этой задачи. Вернемся к уже истолкованному нами сновидению о трех плохих театральных билетах за 1 фл. 50 гелл., из которого мы уже многому научились. Надеюсь, вы его еще не забыли. Дама, муж которой сообщил ей днем, что ее подруга Элиза, которая была моложе ее всего только на три месяца, стала невестой, видит во сне, что сидит с мужем в театре. Одна сторона партера почти пуста. Ее муж рассказывает ей, что Элиза с женихом собирались также пойти в театр, но не могли, так как достали плохие места,— три за один гульден пятьдесят. Она говорит, что в этом нет никакого несчастья. Мы догадались, что мысли сновидения выражали досаду на то, что она так рано вышла замуж, и недовольство своим мужем. Нам любопытно узнать, каким образом эти мрачные мысли превращены в исполнение желания и где кроется след его в явном содержании сновидения. Мы уже знаем, что элемент „слишком рано, поспешно“ устранен из сновидения цензурой. Намеком на это является пустой партер. Загадочное „три за один гульден пятьдесят“ становится теперь нам более понятным при помощи символики, с которой мы за это время познакомились.

Примечание: О другом напрашивающемся толковании этой тройки (3) у бездетной женщины я не упоминаю, потому что настоящий анализ не дал для этого соответствующего материала.

Эта 3 в самом деле обозначает мужа, и явный элемент сновидения легко перевести так: купить себе мужа на приданое („За мое приданое я могла бы себе купить в де-

сять раз лучшего“). Замужество, очевидно, заменено посещением театра. „Слишком ранняя покупка билетов в театр“ прямо так и заменяет слишком раннее замужество. Но эта замена является делом исполнения желания. Наша дама не была постоянно так недовольна своим ранним замужеством, а только в тот день, когда она получила известие, что подруга ее сделалась невестой. В свое время она гордилась своим ранним замужеством и чувствовала в этом свое превосходство над подругой. Наивные девушки, ставши невестами, нередко выражают радость по поводу того, что они скоро могут пойти в театр на все, до тех пор запрещенные, пьесы и все увидеть. Изрядная доля страсти к подглядыванию или любопытства, которая здесь проявляется, сначала, несомненно, была сексуальной страстью к подглядыванию (Sexuelle Schaulust), обращенная на половую жизнь, особенно родителей, и затем стала сильным мотивом, толкающим девушек на раннее замужество. Таким образом посещение театра легко становится намеком, который в сновидении может заменить мысль о замужестве. В своем настоящем огорчении по поводу ее раннего замужества она возвращается, таким образом, к тому времени, когда раннее замужество было для нее исполнением желания, потому что оно удовлетворяло ее страсти к подглядыванию, и теперь, под влиянием этого прежнего желания, она в сновидении заменяет мысль о замужестве посещением театра.

Мы можем доказать, что это не самый хороший пример для доказательства скрытого исполнения желания. Аналогичным образом мы должны были бы поступать и при других искаженных сновидениях. Я не могу продемонстрировать вам это, но выражу только свое убеждение, что это удается во всех случаях. Но я хочу остановиться подробнее на этом пункте теории. Опыт научил меня, что именно этот пункт учения о сновидениях подвергается наибольшим нападкам и что с ним связывается много недоразумений и возражений. Кроме того, у вас, может-быть, сложится впечатление, что я как будто отчасти отказался от того, что утверждал раньше, высказывая теперь взгляд, что сновидение представляет собой исполненное желание или нечто противоположное, т.-е. осуществление чего-то очень страшного, или наказание; и вы подумаете, что теперь как раз удобный

случай для того, чтобы вынудить меня согласиться на дальнейшие уступки. Я также слышал упрек, что излагаю вещи, которые мне лично кажутся очевидными, слишком сжато и потому недостаточно убедительно.

Если кто-нибудь следовал за нами в учении о толковании сновидений до этого места и соглашался со всем, что оно до сих пор утверждало, то он часто останавливается на вопросе об исполнении желания и спрашивает: допустим, что сновидение всегда имеет смысл и этот смысл может быть открыт при помощи психоаналитической техники, почему же это сновидение должно быть, вопреки очевидности, втиснуто непременно в формулу исполнения желания? Почему смысл этого ночного мышления не может быть также разнообразен, как смысл дневного мышления, следовательно, сновидение один раз может соответствовать исполненному желанию, другой раз, как вы сами утверждаете, чему-нибудь противоположному, действительному опасению; далее оно может выражать какое-нибудь намерение — предупреждение, соображение с доводами за и против чего-нибудь, или упрек, укор совести, попытку приготовиться к тому, что предстоит сделать и т. д. Почему всегда должно иметься только одно желание или самое большее еще нечто противоположное.

Можно было бы подумать, что разногласие в этом вопросе, если во всем остальном соглашаешься, не так уж существенно. Достаточно того, что мы открыли смысл сновидения и пути для того, чтобы его распознать: в сравнении с этим не имеет большого значения, если мы слишком тесно ограничили этот смысл, но это неверно. Недоразумение в этом пункте касается самой сущности нашего познания сновидения и ставит под вопросом его значение для объяснения неврозов. Кроме того, та форма уступчивости, которая в коммерческом мире ценится как „сговорчивость", в научном вопросе неуместна и даже вредна.

Первый мой ответ на вопрос: почему сновидение не может иметь много значений в указанном смысле,—гласит, как обыкновенно в таких случаях: я не знаю, почему бы этого не могло быть так. Одна только мелочь противоречит такому более широкому и удобному пониманию сновидения, а именно, что этого не бывает в действительности. Второй мой от-

вет подчеркнет, что и мне самому не чуждо предположение, приписывающее сновидению разнообразные формы мышления и интеллектуальных процессов. В одной истории болезни я однажды описал сновидение, являвшееся три ночи под-ряд и более не повторявшееся и объяснил этот случай тем, что сновидение это соответствовало намерению, которому незачем было снова являться после того, как оно было выполнено. Позже я опубликовал сновидение, соответствовавшее определенному признанию. Как же я могу все-таки возражать и настаивать, что сновидение всегда представляет из себя только исполненное желание?

Я это делаю, потому что не хочу допустить пустого недоразумения, которое может лишить нас всех результатов наших работ над сновидением, недоразумения, состоящего в том, что сновидение смешивают с латентными его мыслями и утверждают о самом сновидении то, что относится единственно только к этим мыслям. Совершенно верно, что сновидение может заменять и может быть само заменено всеми перечисленными нами выше психическими актами: намерением, предупреждением, соображением, приготовлением, попыткой разрешить задачу и т. д. Но если вы присмотритесь, то узнаете, что все это верно только по отношению к латентным мыслям, превратившимся в сновидение. Из толкования сновидения вы знаете, что бессознательное мышление человека занято такими намерениями, приготовлениями, соображениями и т. д., из которых впоследствии и создает сновидение работа сновидений. Если вы пока не интересуетесь работой сновидения, а вам интересна бессознательная деятельность человека, то вы не принимайте во внимание работу сновидения и приписывайте сновидению в практическом отношении совершенно правильно, что оно соответствует предупреждению, намерению и т. п. В практической психоаналитической работе это нередко случается. По большей части стремятся к тому, чтобы снова разрушить форму сновидения и вместо сновидения восстановить общую связь латентных мыслей, из которых составлено сновидение.

Таким образом мы, между прочим, узнаем из оценки значения латентных мыслей сновидения, что все означенные

очень сложные душевные акты могут протекать бессознательно; результат грандиозный и изумляющий.

Но вернемся к нашей теме. Вы будете правы, если уясните себе, что пользовались только сокращенными выражениями, и если не будете думать, что упомянутое разнообразие содержания относится к сущности сновидения. Если вы говорите о „сновидении", то под этим должны понимать или явное содержание сновидения, т.-е. продукт работы сновидения, или, самое большее, самую работу сновидения, т.-е. тот психический процесс, который формирует из латентных мыслей сновидения явное содержание его. Всякое другое употребление этого слова вносит в понятия путаницу, которая может иметь только дурные последствия. Если, высказывая определенные положения, вы имеете в виду латентные мысли, скрывающиеся за сновидением, то скажите это прямо и не вносите в проблему сновидений неясности, благодаря неточности выражений, которыми вы пользуетесь. Скрытые мысли сновидения составляют тот материал, который работа сновидений превращает в явный сон. Почему же вы непременно хотите смешивать материал с работой, формирующей его? Какие в таком случае у вас преимущества перед теми, кто знал только продукт этой работы и никак не мог понять, откуда она берется и как совершается?

Единственно существенным в сновидении является работа сновидения, оказавшая влияние на скрытые мысли сновидения. В теории мы не имеем права игнорировать работу сновидений, хотя при некоторых практических положениях и можем не обращать на нее внимания. Аналитическое наблюдение, кроме того, показывает, что работа сновидения никогда не ограничивается тем, чтобы перевести эти мысли в уже известную вам архаическую или регрессивную форму выражения. Но она всегда прибавляет кое-что, что не имеет отношения к дневным латентным мыслям, но что составляет главный двигатель в образовании сновидения. Этим необходимым добавлением является также бессознательное желание, осуществление которого и есть содержание сновидения. Сновидение поэтому может быть чем угодно, поскольку вы будете принимать во внимание те мысли, которые оно заменяет, предупреждением, на-

мерением, подготовкой и т. д., но в то же время оно всегда представляет из себя исполнение бессознательного желания и, если вы будете его рассматривать, как результат работы сновидения, является только таким исполнением желания. Сновидение, также не может никогда быть просто предупреждением, намерением, а является всегда намерением и т. п., переведенным при помощи бессознательного желания в архаическую форму выражения и перевоплощенное в осуществление этих желаний. Один признак— исполнение желаний—постоянен; другой может меняться; он может быть также и каким-нибудь желанием, так что сновидение изображает осуществленным какое-нибудь латентное дневное желание при помощи бессознательного желания.

Сам я прекрасно все это понимаю, но не знаю, удалось ли мне сделать и вам все это понятным. Кроме того, мне это трудно доказать вам. С одной стороны, это невозможно сделать без тщательного анализа большого числа сновидений, а, с другой стороны, нельзя с достаточной убедительностью изложить этот самый щекотливый и значительный пункт нашего понимания сновидения, не приводя его в связь с тем, о чем речь будет ниже. Можете ли вы вообще допустить, чтобы при столь тесной связи всех явлений можно было проникнуть глубоко в природу одного какого нибудь, не останавливаясь на подобных же других явлениях? Так как нам еще ничего не известно о ближайших родственных явлениях сновидения—о невротических симптомах—то в данном случае мы должны удовлетвориться достигнутым. Я хочу еще только разъяснить вам изложенное на одном примере и привести новые соображения.

Остановимся опять на сновидении о 3 театральных билетах за 1 ф. 50 гелл., к которому я возвращался уже неоднократно. Могу вас уверить, что взял его в пример спачала безо всяких особых намерений. Латентные мысли сновидения вам известны. Досада на то, что дама так поспешила с замужеством, явившаяся при известии, что подруга только теперь стала невестой; плохое мнение о муже; мысль, что ей попался бы лучший, если бы она только подождала. Желание, создавшее сновидение из этих мыслей, нам уже известно, это—страсть к подглядыванию, к тому,

чтобы иметь возможность пойти в театр, весьма, вероятно, происходящая от детского любопытства, желание, наконец, узнать, что же такое происходит, когда выходишь замуж. Это любопытство, как известно, направлено у детей всегда на сексуальную жизнь родителей; оно инфантильного происхождения и, поскольку еще сохраняется в более позднем возрасте, оно представляет из себя влечение, корни которого протянуты до инфантильного периода. Но известие, полученное днем, не дало повода к пробуждению этой страсти к подглядыванию, а только вызвало досаду и сожаление. Сначала это желание не входило в латентные мысли сновидения, и мы могли привести результат толкования этого сновидения в связь с анализом больной, не обращая внимания на это желание. Но досада сама по себе не была способна вызвать сновидение: сновидение не могло образоваться из мыслей (какое это было безумие так рано выходить замуж) раньше, чем эти мысли не разбудили прежнего желания увидеть, наконец, что происходит, когда выходишь замуж. Тогда это желание образовало содержание сновидения, заменив замужество посещением театра и придав ему форму прежнего исполнения желания: так, я могу итти в театр и видеть все запрещенное, а ты этого не можешь. Я замужем, а ты должна ждать. Таким образом настоящее положение вещей было обращено в противоположное, давний триумф был поставлен на место настоящего поражения. Между прочим, слиты вместе удовлетворение страсти к подглядыванию, с эгоистическим удовлетворением победы над соперницей в жизненном успехе. Это удовлетворение определяет явное содержание сновидения, в котором действительно происходит так, что она сидит в театре, между тем как подруга не может туда проникнуть. К этому положению, дающему удовлетворение, прибавлены еще, в виде неподходящих и непонятных изменений, те части содержания сновидения, за которыми скрываются латентные мысли сновидения. Толкование сновидений должно не обращать внимания на то, что служит изображению исполнения желания, и реконструировать мучительные латентные мысли сновидения из этих намеков.

Соображение, которое я хочу еще привести, должно привлечь ваше внимание к выдвинутым теперь на первый

план латентным мыслям сновидения. Прошу вас не забывать, что мысли эти, во-первых, не сознаются лицом, видевшим сон, во-вторых, что они совершенно понятны и связаны, так что их можно вполне понимать, как реакцию на то дневное впечатление, которое послужило поводом к сновидению, в - третьих, что качественно они могут обладать ценностью любого душевного движения или интеллектуального процесса. Эти мысли я назову теперь более точно „дневными остатками“, независимо от того, сознается ли в них или нет лицо, видевшее сон. Я теперь различаю дневные остатки и латентные мысли сновидения, называя латентными мыслями в согласии с тем, как мы это делали и раньше, все то, что мы узнавали при толковании сновидения, между тем как название „дневные остатки“ сохраняется только для части латентных мыслей сновидения. Далее, наше понимание клонится именно к тому, что к этим дневным остаткам прибавилось еще что-то, нечто, что принадлежало также и бессознательному, сильное, но вытесненное желание и оно именно и сделало возможным образование сновидения. Влияние этих желаний на дневные остатки создает другую часть латентных мыслей сновидения, а именно ту, которая уже не кажется разумной и понятной с точки зрения душевной жизни в бодрствовании.

Чтобы охарактеризовать отношение дневных остатков к бессознательному желанию, я пользовался сравнением, которое могу здесь только повторить. При всяком предприятии необходимо участие капиталиста, который берет на себя расходы, и предпринимателя, имеющего идею и умеющего ее осуществить. Роль капиталиста в образовании сновидения играет всегда только бессознательное желание; оно доставляет психическую энергию для образования сновидения; предпринимателем является дневной остаток, который распоряжается всеми расходами. Но возможен и такой случай, что сам капиталист имеет идею и знает дело или предприниматель обладает капиталом. Это упрощает практическое положение, но затрудняет ее теоретическое понимание. В народном хозяйстве будут всегда разлагать одно это лицо на два его аспекта,—на капиталиста и предпринимателя и таким образом восстановят то основное положение, из которого исходило наше сравнение. При образовании снови-

дения бывают такие же вариации, но я предоставляю вам самим проследить их в деталях. Пойти дальше мы тут уже не сможем, потому что вас, вероятно, давно занимает вопрос, который вполне заслуживает нашего внимания. Разве,—таков ваш вопрос,—дневные остатки в таком же смысле бессознательны, как бессознательное желание, которое должно к ним присоединиться, чтобы сделать их способными образовать сновидение? Ваша догадка правильна. Здесь кроется самая суть всего дела. Они не в таком же смысле бессознательны. Желание сновидения принадлежит другому бессознательному, тому, которое известно нам благодаря своему инфантильному происхождению и благодаря особым механизмам своего действия. Вполне уместно различать эти два вида бессознательного и дать им различные названия. Но подождем лучше с этим, пока мы поближе не познакомимся с явлениями из области неврозов. Нас упрекают в фантастичности уже за одно бессознательное,—так что же нам скажут, если мы сознаемся, что может удовольствоваться только двумя видами бессознательного.

Но здесь мы остановимся. Мы опять-таки услышали только о чем-то незаконченном, но разве у нас не рождается надежда, что эти знания должны будут продолжать развиваться дальше и приведут к новым открытиям, или нас самих или других уже после нас? Да разве мы сами не узнали уже достаточно нового и поразительного?

ПЯТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Сновидения.

Обзор и критика.

М. г.г. и М. г.г.! Мы не можем оставить область сновидений, не коснувшись самых обычных сомнений и колебаний, связанных с нашим новым пониманием этих явлений. Вероятно, у наиболее внимательных среди вас слушателей уже накопился кое-какой материал по этому поводу.

1. Возможно, что у вас создалось впечатление, будто результаты нашей работы относительно толкования сновидений, несмотря на тщательное соблюдение всех технических правил, все же содержат еще столько неопределенного, что не удается с уверенностью сделать перевод с явного содержания сновидения на язык латентных его мыслей. В пользу этого вы укажете на то, что, во-первых, никогда нельзя узнать, следует ли понимать тот или другой элемент сновидения в прямом смысле или символически, потому что если то или другое представление имеет значение символа, то ведь оно еще не теряет и своего прямого смысла. Но если нет объективной точки зрения, руководясь которой можно было бы разрешить этот вопрос, то в таком случае толкование зависит от произвола толкователя сновидения. Далее, вследствие совпадения противоположностей при работе сновидений остается всегда невыясненным, следует ли понимать определенный элемент сновидения в положительном или в отрицательном смысле, в прямом или в обратном значении. А это дает еще новый повод к тому, чтобы проявиться произволу толкователя. В-третьих, вследствие так часто встречающегося в сновидении всякого рода превращения в противоположное, толкователь сновидения может всегда

в любом желательном ему месте сновидения предпринять такое превращение. Наконец, вы сошлетесь на мои слова, что редко бываешь уверенным в том, что найденное толкование сновидения является единственно возможным. Всегда существует опасность проглядеть еще какое-нибудь вполне допустимое толкование. При таких условиях вы придете к заключению, что произволу толкователя предоставляется такая неограниченная свобода, какая совершенно несовместима с объективной точностью результатов. Или же вы еще допустите, что ошибка кроется не в сновидении, а что несостоятельность нашего толкования сновидения объясняется неправильностью нашего понимания и наших исходных положений.

Весь проведенный материал ваших возражений безусловно хорош, но я полагаю, что он все же не вполне оправдывает ваших заключений в том и в другом отношении, т.-е. ни в том смысле, что толкование сновидений, при нашем методе совершенно произвольно, ни в том, что недостатки результатов ставят под вопросом правильность его. Если понятие „произвол" толкователя вы согласитесь заменить словами—ловкость, опыт, понимание его, то я с вами соглашусь.

Такого рода личный момент должен быть признан нами особенно в такой трудной задаче, как толкование сновидений. Но ведь и в других научных работах происходит то же самое. Невозможно помешать тому, чтобы один человек не владел бы хуже техникой работы, чем другой или не мог бы как-нибудь лучше использовать ее. А все, что производит впечатление произвола, например, при толковании символов, устраняется благодаря тому, что обыкновенно взаимная связь между мыслями сновидений, между сновидением и жизнью видевшего сон и всей психологической ситуацией, в которой имеет место сновидение, заставляет остановить свой выбор на одном из возможных толкований и отбросить другие, как неподходящие. Заключение же, что наши положения неверны потому, что толкование сновидений не достигло совершенства, опровергается соображением, утверждающим, что различное истолкование или неопределенность сновидения является естественной его особенностью, вполне отвечающей нашим ожиданиям.

Вспомним о нашем утверждении, что работа сновидения переводит мысли сновидения на язык примитивного способа выражения мысли, аналогичной письму при помощи рисунков. Но все эти примитивные системы выражения мыслей страдают такой неопределенностью и двусмысленностью, что это не дает нам права сомневаться в их пригодности к данному применению. Вы уже знаете, что совпадение противоположностей при работе сновидений аналогично так называемому противоположному смыслу первоначальных слов „Gegensinn der Urworte“ в самых древних языках. Лингвист R. Abel, открывший нам эту точку зрения (1884), предупреждает, чтобы мы не думали, что мысли, передаваемые посредством таких амбивалентных слов одним лицом другому, становились вследствие этого двусмысленными. Тон и жест в общей связи произносимой речи устраняли всякое сомнение в том, какой из двух противоположных смыслов имел в виду говорящий. В письме, где жест отпадал, он заменялся особенным, приставленным не произносимым знаком, напр., рисунком бессильно прикурнувшего или стоящего прямо вытянувшись человечка, в зависимости от того, обозначает ли имеющее двойной смысл кен иероглифов прилагательное „слабый“ или „сильный“. Таким образом устранялось недоразумение, несмотря на то, что звуки и знаки допускали много различных смыслов.

Старые системы выражения, например, письмена этих древних языков, открывают нам некоторые неопределенности, не допустимые в нашем письме. Так в некоторых семитских языках обозначаются только согласные звуки. Опущенные гласные звуки читатель должен пополнить сообразно своим знаниям и общей связи текста.

Хотя и не совсем такое явление, но очень сходное с этим встречается в иероглифах, почему нам неизвестно произношение древне-египетского языка. Священное письмо египтян отличается еще другой неопределенностью. Так например, пишущему предоставляется произвольно расположить по своему желанию рисунки справо налево или слева направо. При чтении нужно соблюдать правило, что читать следует в сторону, куда обращены лица фигур, птиц и т. п. Но пишущий мог расположить рисунки в вертикальные ряды, а при надписях на небольших предметах он позволял

себе изменять порядок рисунков в зависимости от эстетических соображений и требований заполнить определенное пространство. Но больше всего в иероглифах затрудняет то, что слова в них не отделены одно от другого. Рисунки тянутся в строку на равном расстоянии один от другого и в общем нельзя узнать, относится ли какой-либо рисунок к предыдущему слову или составляет начало нового. В персидской клинописи, напротив, отдельные слова разделяются косым клином.

Безусловно древний, но употребляемый еще и теперь 400 миллионами людей язык и письмо, это—китайский. Не думайте, что я его знаю; я только осведомлялся о нем, потому что надеялся найти аналогии с неопределенностями сновидения. И я не обманулся в моих ожиданиях. Китайский язык полон таких неопределенностей, которые способны внушить нам страх. Как известно, он состоит из определенного количества слогов, произносимых в отдельности или комбинируемых попарно. Один из главных диалектов состоит из приблизительно 400 звуков такого рода. А так как количество слов этого диалекта равняется приблизительно 4000 словам, то выходит, что каждый звук в среднем имеет десять различных значений, одни меньше, а другие зато больше. Далее имеется много средств избежать двусмысленности, так как, исходя только из общего хода мыслей, невозможно угадать, какое из десяти значений слога хочет вызывать у слушателя говорящий. К числу этих средств относится соединение двух звуков в одно составное слово и употребление четырех различных „тонов“, в которых произносятся эти звуки. Для нашего сравнения еще интереснее то обстоятельство, что в этом языке почти нет грамматики. Ни об одном из односложных слов нельзя определенно сказать, существительное ли оно или глагол или прилагательное, и нет никаких изменений слов, по которым можно было бы различить пол, число, окончание, время или образ действия. Язык состоит, так сказать, из одного только сырого материала, подобно тому, как язык, которым мы выражаем наши мысли, благодаря устранению выражения отношений разлагается работой сновидения на сырой материал. В китайском языке во всех тех случаях, когда имеется неопределенность, выбор предоставляется пониманию слушателя,

который при этом руководится общим смыслом. Я записал себе, как пример, китайскую поговорку, которая в дословном переводе гласит:

Мало что видеть, много что удивительно. Это не трудно понять. Это может означать: чем меньше кто-нибудь видел, тем больше находит он удивительного или: есть много чему удивляться тому, кто мало видел. Различие между этими двумя, отличающимися только в граматическом отношении, переводами, разумеется, не принимается во внимание. Несмотря на эту неопределенность, как нас уверяют, китайский язык является очень хорошим средством выражения мыслей. Следовательно, неопределенность не всегда ведет непременно к двусмысленности.

Мы должны, однако, сознаться, что в системе выражения сновидения положение гораздо менее благоприятно, чем во всех этих древних языках и письменах. Потому что в основе своей эти языки предназначаются для обмена мыслей, т.-е. рассчитаны на то, чтобы какими бы то ни было путями быть понятым при помощи каких бы то ни было средств. Но как раз у сновидения нет этой особенности. Сновидение не хочет никому ничего сообщать, оно не является средством сообщения мыслей, наоборот, оно рассчитано на то, чтобы оставаться непонятным. Поэтому нам нечего удивляться и смущаться, если бы оказалось, что известное число двусмысленностей и неопределенностей сновидения не поддаются разъяснению. В качестве несомненного результата нашего сравнения у нас остается только убеждение, что такого рода неопределенности, какими хотели воспользоваться, как возражением против правильности нашего толкования сновидений, являются постоянным признаком всех примитивных систем выражения мысли.

Только опыт и упражнение могут показать, до чего в действительности доходит наша способность понимать сновидения. Я полагаю, она простирается очень далеко, и сравнение результатов, получаемых правильно обученными аналитиками, подтверждает мой взгляд. Широкая публика неспециалистов, в особенности неспециалисты из научного мира любят, как известно, вследствие всех этих трудностей и неуверенностей с чувством превосходства хвастать своим скептицизмом. Я думаю, что они неправы. Быть может не

всем им известно, что подобное положение имело место в истории расшифрования ассиро-вавилонских надписей. Было время, когда общественное мнение сильно склонялось к тому, чтобы считать исследователей „шарлатанами“. Но в 1857 году Royal Asiatic Society сделало испытание, разрешающее всякое сомнение. Оно предложило четырем самым видным исследователям клинописи Rawlinson'у, Hincks'у, Fox Talbot'у и Oppert'у прислать в запечатанном конверте независимые переводы найденной надписи и по сравнении всех четырех переводов оно могло известить общество, что сходство их настолько велико, что вполне оправдывает доверие к уже достигнутому и дает уверенность в достижении дальнейших успехов. Тогда постепенно прекратились насмешки ученых неспециалистов, и с тех пор уверенность в возможности чтения документов клинописи сильно возрасла.

2. Другой ряд соображений, вызывающих сомнение тесно связан с впечатлением, от которого, вероятно, не совсем свободны и вы, что мы неоднократно вынуждены принять такие решения толкования сновидений, которые кажутся нам вычурными, искусственными, притянутыми за волосы, т.-е. насильственными или даже комичными и шуточными. Такие заявления делаются так часто, что я возьму наугад последнее из них известное мне. Итак послушайте: В свободной Швейцарии недавно лишен был своей должности директор семинария из-за того, что он занимается психоанализом. Он протестовал и одна бернская газета опубликовала экспертизу, данную о нем школьным начальством. Из этого документа я выбираю несколько фраз, касающихся психоанализа: „далее поражает искусственное и надуманное во многих примерах, находящихся в упомянутой книге доктора Pfister'а в Цюрихе... Собственно говоря, должно бы поражать, что директор семинария без всякой критики соглашается с подобными утверждениями и с квази-доказательствами“. Эти фразы выдаются за решение „беспристрастного (спокойного) суждения“. Я думаю, что искусственно скорей это спокойствие. Примем эти заявления с мыслью, что даже и спокойному суждению не мешает иметь немного больше знакомства с предметом и глубже продумать вопрос.

Действительно, производит освежающее впечатление, когда видишь, как быстро и правильно судят люди по первому впечатлению о каком-нибудь запутанном вопросе из психологии бессознательного. Толкования кажутся выисканными и неестественными, они не нравятся, следовательно, они неверны, да и все толкование никуда не годится; при этом не мелькает даже „мимолетней мысли о другой возможности“, т.-е. что по глубоким причинам это толкование должно казаться именно таким, а с этим связывается и дальнейший вопрос о том, каковы же эти глубокие причины.

Обсуждаемый факт относится главным образом к результатам сдвига, о котором вы знаете, как о самом сильном средстве цензуры сновидения. При помощи сдвига цензура сновидения создает заменяющие образования, которые мы назвали намеками. Но это такие намеки, которые не легко узнать, исходя из которых не легко найти обратный путь к „настоящему“ и которые связаны с этим „настоящим“ самыми странными неупотребительными внешними ассоциациями. Во всех этих случаях дело идет о таких вещах, которые должны быть скрыты, которые должны оставаться в тайне; этого хочет достичь цензура сновидений. Но нельзя же ждать, что спрятанное найдется на своем обычном месте, где ему обыкновенно и полагается находиться. Комиссии, назначение которых охранять в настоящее время границы, в этом отношении хитрее, чем швейцарское школьное управление. В поисках документов и набросков планов они не довольствуются тем, что осматривают папки и карманы, а принимают во внимание также и возможность, что шпионы и перебежчики могут спрятать такие запрещенные вещи в самых сокровенных местах своей одежды, где им безусловно не место, например между двойными подошвами сапог. Если скрытые вещи находятся там, то их во всяком случае не только очень энергично искали, но также и нашли.

Если мы признаем возможность самых отдаленных, самых странных, то наличных, то кажущихся шутливыми, связей между латентным элементом сновидения и явным заменяющим его элементом, то поступаем так на основании большого опыта, полученного на примерах, разъяснение которых

обыкновенно найдено не нами самими. Часто совершенно невозможно самому находить такие толкования; ни один разумный человек не мог бы догадаться об имеющихся у видевшего сон ассоциативных связях. Это лицо, сразу дает нам перевод благодаря пришедшей ему в голову мысли—ведь он это может сделать, потому что у него и образовалось эта замена—или же он дает нам так много материала, что не требуется уж очень большого остроумия, чтобы найти толкование, оно уж само навязывается толкователю. Если же видевший сон не помогает нам тем или другим образом, то соответствующий явный элемент так и остается навсегда непонятным. Позвольте рассказать вам еще один недавно встретившийся мне случай. Одна из моих пациенток, во время лечения лишилась отца. С тех пор она пользуется всяким удобным случаем, чтобы воскресить его во сне. В одном из ее сновидений отец появляется в связи с другими событиями, не имеющими большого значения, и говорит: „Теперь четверть двенадцатого, полчаса двенадцатого, три четверти двенадцатого“. Для объяснения этого странного явления у нее явилась только мысль, что отец бывал доволен, когда взрослые дети аккуратно являлись к общему столу. Это, несомненно, имело связь с элементом сновидения, но не позволяло сделать никаких заключений относительно его происхождения. Тогда имелось оправдываемое общим положением лечения подозрение, что в этом сновидении принимало участие тщательно подавленное критическое возмущение против любимого и обожаемого отца. В дальнейшем ходе возникающих у нее мыслей, как будто совсем отдалившихся от сновидения, она рассказывает, что вчера в ее присутствии много говорилось о психологии и один родственник высказал замечание: во всех нас продолжает жить первобытный человек. (Urmensch). Теперь все становится понятным. Это дало ей прекрасный повод к тому, чтобы снова воскресить умершего отца. Она сделала его в сновидении человеком, живущим по часам (Uhrmensch), заставив его возвещать каждые четверть часа пополудни.

Примечание переводчика. Игра слов: первобытный человек и человек, живущий по часам (Урменш).

В этом примере вам невольно бросится в глаза сходство с остротой, и действительно довольно часто случалось, что остроту видевшего сновидения принимали за остроумие толкователя. Встречаются еще и другие примеры, в которых вовсе не так легко решить, имеешь ли дело с остротой или со сновидением. Но вы вспоминаете, что такое же сомнение являлось у нас по поводу некоторых ошибок при обмолвке. Один господин рассказывает, что ему снилось, будто дядя поцеловал его, когда они сидели в его, дядином, автомобиле. Тут же он дает и толкование. Это означает автоэротизм (термин из учения о либидо, обозначающий удовлетворение без постороннего объекта). Не позволил ли себе подшутить над нами этот господин и выдал за сновидение пришедшую ему в голову остроту? Я этого не допускаю: ему это действительно приснилось. Но откуда же берется это поразительное сходство? Этот вопрос в свое время свел меня с моего пути, возложив на меня необходимость подвергнуть тщательному исследованию самую остроту. При этом оказалось, что острота образуется благодаря тому, что предсознательные мысли на миг подпадают бессознательной переработке, после которой они возникают в виде острот. Под влиянием бессознательного, эти мысли подвергаются воздействию господствующих там механизмов, сгущению, сдвигу, т.-е. тех же процессов, которым приписывают участие при работе сновидения, и этому обстоятельству в тех случаях, где оно имеется, нужно приписать сходство с остротой в сновидении. Но непреднамеренная „острота сновидения“ в противоположность настоящей остроте не дает удовольствия. „Острота сновидения“ производит на нас впечатление плохой, неудачной шутки, она не вызывает в нас смеха, оставляет нас равнодушными.

В этом отношении мы идем по стопам античного толкования сновидений, оставившего нам на-ряду со многим, ни к чему негодным, и хорошие примеры толкования сновидения, которые мы не могли бы превзойти. Расскажу вам одно исторически важное сновидение, которое сообщают с некоторыми изменениями Плутарх и Артемидор из Далдиса, приписывая его Александру Великому. Когда Александр осаждал упорно защищаемый город Тир (322 г. до Р. Хр.), он однажды видел во сне танцующего сатира.

Толкователь сновидений Аристандр, находившийся при войске, истолковал ему этот сон, разложил слово „сатир" на Σὰ Τύρος (твой Тир) и поэтому обещал ему триумф над городом. Александр, побуждаемый этим толкованием, продолжал осаду и, в конце-концов, взял Тир.

Толкование, которое кажется искусственным, — было несомненно верно.

Примечание переводчика. Верно в смысле осуществления желания Александра, а не предсказания будущего.

3. Особенное впечатление, как я живо себе представляю, производит на нас сообщение, что против нашего понимания сновидения раздавались возражения со стороны таких лиц, которые сами как психоаналитики долгое время занимались толкованием сновидений. Было бы слишком необыкновенно, если бы такой повод к новым ошибкам остался неиспользованным и таким образом, благодаря смешению понятий и неправильным обобщениям, создались взгляды, которые по своей неправильности мало в чем уступают медицинскому пониманию сновидения. Один из них вам уже известен. Согласно этому взгляду, сновидение занимается попытками приспособиться к настоящему и разрешить задачи, предстоящие в будущем, т.-е. преследует „проспективную тенденцию" (A. Maeder). Мы уже указали, что в основе этого взгляда лежит смешение сновидения с латентными мыслями его, т.-е. он основан на предположении, что не принимается во внимание вся работа сновидения. В качестве характеристики бессознательной душевной деятельности, к которой относятся латентные мысли, этот вгляд с одной стороны не является чем-то новым; с другой—не исчерпывающим, потому что бессознательная душевная жизнь занята еще и многим другим, помимо подготовки к будущему. На гораздо большей путанице, кажется мне, основывается утверждение, что за каждым сном находится „оговорка, касающаяся смерти". Я не знаю точно, что должна обозначать эта формула, но предполагаю, что за ней скрывается смешение сновидения со всей личностью видевшего сон.

Ничем не оправдываемое обобщение, основанное на нескольких хороших примерах, кроется в положении, что всякое сновидение допускает два толкования: одно, описан-

ное нами, так называемое психоаналитическое, а другое,— так называемое анагогическое, не обращающее внимание на влечения и стремящееся к изображению высших душевных процессов (V. Silberer). Подобного рода сны имеются, но вы напрасно стали бы распространять этот взгляд хотя бы только на большинство сновидений. После всего, что вы слышали, вам покажется совершенно непонятным утверждение, что все сновидения допускают бисексуальное толкование, как совпадение двух течений, заслуживающих название мужского и женского (A. Adler). Разумеется, имеются отдельные сны такого рода, и вы узнаете позже, что эти сны имеют то же строение, что известные истерические симптомы. Я упоминаю обо всех этих открытиях новых общих признаков сновидения, чтобы предостеречь вас от них или, по крайней мере, чтобы не оставить у вас места для сомнения по поводу того, что я о них думаю.

4. В один прекрасный день была поставлена под вопрос объективная ценность исследования сновидения, так как сделано было наблюдение, что пациенты, пользующиеся лечением анализом приспособляют содержание своих снов к любимым теориям своих врачей; одним снятся все сексуальные влечения, другим—стремление к могуществу, а третьим возрождение (W. Stekel); значение этого наблюдения уменьшается, если принять во внимание, что люди видели сны еще до того как появилось психоаналитическое лечение, которое может влиять на их сны и что теперешние пациенты видели также сны и до лечения. Фактическое содержание этого нового открытия легко признать вполне понятным и совершенно безразличным для теории сновидения. Дневные остатки, возбуждающие сновидение, исходят из самых глубоких интересов жизни во время бодрствования. Если слова врача и данные им указания приобрели для анализируемого большое значение, то они входят в круг дневных остатков, могут стать психическими раздражителями, образующими сновидение, наравне с другими аффективными неудовлетворенными интересами дня и влияют также, как соматические раздражения, действующие на спящего во время сна.

Подобно другим возбудителям, сновидения и вызванные врачом мысли могут появиться в явном содержании или могут быть раскрыты в латентных его мыслях. Мы знаем

уже, что можно экспериментально вызвать сновидения или, правильней сказать, ввести в сновидение часть его материала. Аналитик играет, таким образом, благодаря такому влиянию на пациента роль экспериментатора, подобно Mourly Vold'у, придававшему членам спящего, над которым производился эксперимент, определенное положение.

Часто удается оказать влияние на выбор темы (о чем) сновидения какого-нибудь лица, но никогда нельзя повлиять на самое содержание (что) сновидения. Механизм работы сновидения и бессознательное желание его не поддаются никакому влиянию. При оценке соматических раздражений сновидений мы уже установили, что своеобразие и самостоятельность сновидений проявляется в реакции, которой сновидение отвечает на влиявшие на него физические или душевные раздражения. Разбираемый нами взгляд, подвергающий сомнению объективность исследования сновидений, основан опять-таки на смешении сновидения с его материалом.

Вот все, м. г.г. и м. г.г., что я хотел рассказать вам о проблеме сновидения. Вы уже догадываетесь, что многое я пропустил, и сами убедились, что почти по всем затрагиваемым вопросам я не мог дать вам полного освещения. Причина этого кроется в связи феноменов сновидения с неврозами. Мы изучали сновидение, как введение в учение о неврозах, что было безусловно правильней, чем если бы мы поступали наоборот. Но подобно тому, как сновидение служит подготовкой к пониманию неврозов, так, с другой стороны, правильная оценка сновидения может быть усвоена только после знакомства с невротическими явлениями.

Не знаю, что вы об этом думаете, но я уверяю вас, что не жалею о том, что так долго удерживал ваше внимание на проблеме сновидения и уделил ему так много из находящегося в нашем распоряжении времени.

Ни на каком другом объекте нельзя так быстро убедиться в правильности тех положений, на которых зиждется психоанализ. Чтобы доказать, что симптомы какого-нибудь невротического заболевания имеют смысл, преследуют какую-нибудь цель и вытекают из „судеб“ больного, нужна напряженная работа многих месяцев и даже лет. А между тем усилиями в течение нескольких часов может удастся

доказать то же самое относительно сначала непонятного, запутанного сновидения и подтвердить все положения психоанализа: бессознательность душевных процессов, особые механизмы, которым они подчиняются, и силу влечений, которые в них проявляются. И если мы сопоставим полную аналогию строения сновидения и невротического симптома с быстротой превращения спящего и видящего сон лица в бодрствующего разумного человека, то у нас является уверенность, что и невроз основан только на изменившейся игре сил душевной жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Психоаналитическая и психологическая библиотека, идя навстречу все более назревающей потребности людей различных специальностей, педагогов и врачей познакомиться с новым, очень важным и значительным по своему практическому применению направлением в психологии, предполагает выпустить целый ряд отдельных исследований, близко соприкасающихся с вопросами педагогики, педологии и художественного творчества.

Заинтересовать проблемами психоанализа широкие круги общества является одной из очередных задач этой науки, так как, к сожалению, огромное число работ по специальным вопросам произведены чистыми психоаналитиками, не специалистами по педологии, литературе, живописи, религии и т. п. Немногие исключения (Silberer, Pfister и др.) только подтверждают необходимость привлечения ученых разных специальностей к психоаналитическому учению.

Учение Freud'а имеет большое социальное значение, как метод борьбы с асоциальными и антисоциальными стремлениями человека, особенно ярко проявляющимися у больных. Freud базируется в значительной степени на фактах детских переживаний, имеющих затем в жизни человека громадное значение, учит нас не только разбираться и понимать нормальные проявления ребенка, но и способствует усвоению правильной точки зрения на те, оставшиеся до сих пор в тени, вопросы полового развития его, которые встают перед каждым сознательным исследователем и педагогом, непредубежденно подходящим к ребенку.

Библиотека ставит себе целью познакомить широкие круги со всеми теми работами в этой области мысли, которые до сих пор по большей части не были еще переведены на русский язык и потому мало известны русскому читателю. Может быть, ни в какой другой области нельзя так убедительно и с такой пользой исходить от биогенетической теории как именно при психоанализе. Психоанализ раскрывает нам область нашего бессознательного, примитивных, грубо эгоистических сил души, с которыми входит в конфликт каждый педагог, не умеющий у ребенка правильно оценить, использовать и направить эти мощные силы, способные к культурной обработке и к творческим проявлениям.

Каждый томик библиотеки будет снабжаться вступительной статьей, которая выяснит значение переведенной или оригинальной работы в применении к жизни высказанных в ней идей.

В первую очередь намечены отдельные томики, в которых матерьял подобран по содержанию.

Сборники статей S. Freud'а.

1) Что такое сексуальность.
2) Психология психоанализа.
3) Практика психоанализа.
4) Тотем и табу.
5) Острота (ее психология).

Сборники статей по специальным вопросам.

6) Психология слова.
7) Психология изобразительных искусств.
8) Психоанализ и духовная деятельность человека.
9) Символика и символическое мышление.
10) Психология детей.
11) Проблемы кровосмешения в искусстве.
12) Психоанализ народного творчества (мифы, саги, сказки).
13) Гипнотизм и психоанализ.
14) Психология художественного творчества.
15) Психоанализ сновидений.
16) Выбор профессий и психоанализ.
17) Психоанализ религиозного творчества.
18) Педагогика и психоанализ.

Отдельные томики будут посвящены творчеству детей, анализу русских писателей, художников и музыкантов — **Гоголю, Тургеневу, Грибоедову, А. А. Иванову, Врубелю, Скрябину** и др.

Проф. Ив. Дм. Ермаков.

Серия учебников и пособий для Единой Трудовой школы.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ □ МОСКВА □ 1922